

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР
В ОЧЕРКАХ

И. Л. Е В И Н

СОВРЕМЕННАЯ
АБИССИНИЯ

С О Ц Э К Г И З
1936

И. ЛЕВИН

СОВРЕМЕННАЯ
А Б И С С И Н И Я

*Социальные сдвиги
и политические реформы*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1936 ★ ЛЕНИНГРАД

Брошюра И. Левина, используя фактические данные различных буржуазных работ об Абиссинии, дает краткое освещение ее исторического развития, социально-экономических сдвигов и политических реформ, происходящих в современной Абиссинии.

Редактор *К. Панков*

Технический редактор *Е. Этингоф*

Сдано в набор 12/II 1936 г. Подписано к печати 15/IV 1936 г.

Формат 82X110/₃₂. 9³/₄ печ. л. 32 200 зн. в печ. л.

Огиз № 1599. Заказ № 2084. Тираж 15 тыс.

Уполномоченный Главлита Б-20608

Цена 1 руб., переплет 50 коп.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовал наб., д. № 10.

Отпечатано в школе ФЗУ Огиза треста „Полиграфкнига“.
Москва, Колпачный, 13. Зак. 982

ОТ АВТОРА

Несмотря на наличие большой литературы, посвященной Абиссинии, на иностранных и отчасти на русском языках, Абиссиния является одной из наименее изученных стран мира. Значительная часть этой литературы состоит либо из поверхностных записей буржуазных туристов, либо из сообщений агентов империализма, заведомо искажающих действительность, либо — в исторической части — из некритического пересказа старинных и новых абиссинских хроник (например объемистый двухтомный труд Беджа «История Абиссинии»). Неудивительно, что такого рода издания кишат противоречивыми данными, многочисленными ошибками и лишь в редких случаях могут быть использованы для анализа социально-классовых отношений в Абиссинии. Несколько лучше обстоит дело с лингвистическим и этнографическим изучением отдельных частей Абиссинии. Изучение языков и этнического состава страны стимулировалось потребностями империализма, исподволь подготавливавшего свое вторжение в Абиссинию. В этой области особенно подвизалась итальянская школа абиссиноведения, выдвинувшая таких крупных абиссиноведов, как Гвиди, Конти-Россини, Энрико Черулли.

Лишь за последние годы несколько подвинулось вперед изучение внешней торговли Абиссинии и ее сельскохозяйственных культур (ценный труд академика Вавилова).

В настоящей работе помимо имеющихся трудов по Абиссинии использованы также и обширные газетные

и журнальные материалы на западных и восточных языках.

Настоящая книга стремится по мере возможности удовлетворить растущий интерес советского читателя к современной Абиссинии на основе наличных материалов, путем критического отбора и обобщения конкретных данных. Книга представляет собой первый опыт марксистского освещения пути развития Абиссинии и социально-политических сдвигов, происходящих в стране, ныне ставшей объектом нападения фашистской Италии. Сосредоточив свое внимание на социальных отношениях, политической борьбе и государственных реформах, автор счел возможным свести до минимума изложение данных по экономике и этнографии Абиссинии, поскольку эти стороны освещаются в ряде вышедших и выходящих из печати работ советских научно-исследовательских учреждений.

Книга подготовлена к печати Институтом советского строительства и права Академии наук.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АБИССИНИИ

АБИССИНИЯ — страна в северо-восточной части Африки, расположенная южнее тропика Рака, от 15° до 3° северной широты, занимающая около $1\ 100\ \text{км}^2$, т. е. столько же, сколько Германия и Франция вместе взятые. В географическом отношении Абиссиния делится на три части: основную часть Абиссинии составляет Абиссинское плоскогорье, простирающееся с севера на юг и занимающее всю западную часть страны. Это плоскогорье, поднимающееся от 1,8 тыс. м до 3 тыс. м над уровнем моря, постепенно снижается к западу. На востоке оно круто обрывается, переходя в Данакильскую низменность, составляющую вторую географическую область Абиссинии. Третья географическая область Абиссинии — Сомалийское плоскогорье, занимающее весь юго-восток Абиссинии.

Отдельные географические области Абиссинии резко отличаются по своему характеру. Абиссинское плоскогорье является наиболее плодородной и населенной частью страны; оно обладает достаточными водными ресурсами; земля дает несколько урожаев в год. Климат умеренный и здоровый, хотя воздух слишком разрежен. Данакильская низменность представляет собой знойную пустыню с редкими населенными оазисами, с убийственным климатом. Сомалийское плоскогорье, за исключением его более возвышенной северной части, примыкающей к Харарскому хребту, представляет собой безводную полупустыню, пересекаемую в нескольких местах речными долинами. Редкое население сосредоточено вокруг немногих колодцев.

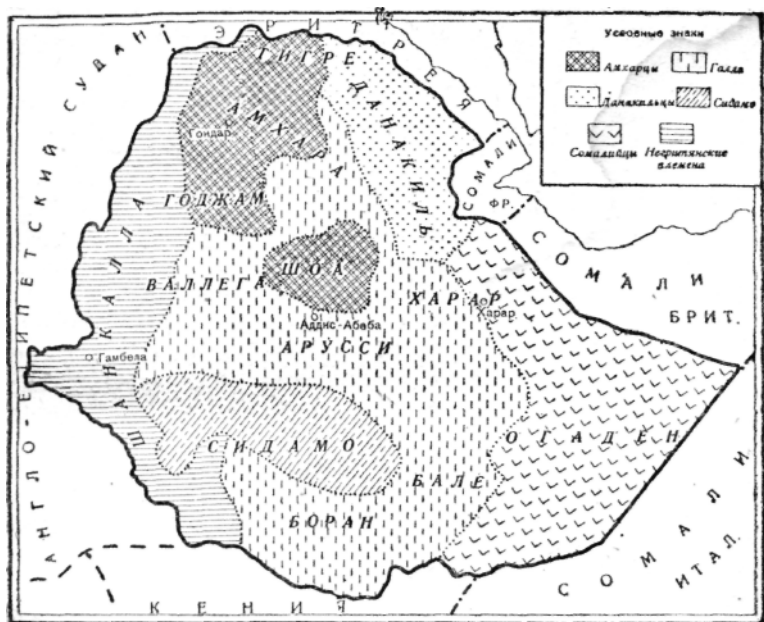
Абиссиния — крайне отсталая аграрная страна. Скотоводство и примитивное земледелие составляют основное занятие жителей. Сельскохозяйственные культуры — разнообразные виды пшеницы, ячменя, кукурузы, бобов и т. д. Собирается дикорастущий хлопок и кофе. Лишь в последнее время появились кофейные и хлопковые плантации; большинство их принадлежит европейским концессионерам.

В Абиссинии разводят быков, коз и овец. Для передвижения употребляются преимущественно ослы и мулы. В некоторых частях страны охота на слонов, гиппопотамов и других диких зверей составляет подсобное занятие населения.

Промышленность в Абиссинии существует в форме кустарного ремесла (гончарное, кузнечное дело, обработка кож, выработка золотых изделий и тканей). В последнее время в наиболее крупных городских пунктах появилось несколько промышленных предприятий, по своей технике приближающихся к современному типу.

Естественные ресурсы страны изучены недостаточно. В европейских концессиях добываются золото и платина. В некоторых районах местным населением первобытным способом добываются медь, железо, золото. Более развита добыча соли. Установлено наличие нефти и железа.

В стране имеется лишь одна железная дорога — Джибути—Аддис-Абеба, протяжением 788 км, принадлежащая французской компании. В последнее время выстроено несколько автомобильных и колесных дорог, связывающих Аддис-Абебу с Джиммой, Харар с Дире-Дауа и др. В остальной части страны возможен лишь вьючный транспорт. В течение нескольких месяцев в году используется также судоходный участок Белого Нила для торговли с Суданом. Основным каналом внешней торговли является железная дорога Аддис-Абеба—Джибути. Кроме того ведется довольно оживленная караванная и речная торговля с Суданом. В последнее время несколько возросли торговые связи северной Абиссинии с Эритреей. Основными предметами экспорта являются кофе, кожсырье и воск. Вывозится

Этнографическая карта Абиссинии

также небольшое количество животного масла, слоновой кости и пр. Основные предметы ввоза — текстиль, нефтепродукты, строительные материалы, соль. Кроме того ввозятся в небольшом количестве сахар, крепкие напитки и в последнее время автомобили.

В Абиссинии имеются лишь три города с населением больше 25 - 30 тыс. чел. — Адисс-Абеба, Харар, Дире-Дауа. Остальные «города» представляют собой большие деревни. Численность населения Абиссинии примерно около 10 млн. чел.

В этнографическом отношении Абиссиния представляет большое многообразие и пестроту. Насчитывается более 40 языков. Основную массу населения северной и северо-западной частей страны составляют собственно абиссинцы, или амхарцы, говорящие на семитическом языке амхара, испытавшем на себе влия-

ние хамитских языков (в провинции Тигре говорят на родственном амхара языке — тигринья). В районе Харара говорят на семитическом языке харари. Следующую группу языков составляют так называемые кушитские, или хамитские, языки, делящиеся на ряд подгрупп. Наиболее значительными народностями, говорящими на хамитских языках, являются галла (составляющие относительное большинство населения всей Абиссинии), сомалийцы, данакильцы, сидамо, каффцы, агау. Наконец значительную часть населения на крайнем западе и юго-западе составляют негры, называемые в Абиссинии шанкалла. В больших городах живет довольно значительное количество арабов, индусов, греков, армян. Народности Абиссинии находятся на разных ступенях экономического и культурного развития. Относительно более высокий уровень культурного развития достигнут амхарцами — господствующей нацией Абиссинии; на самой низкой ступени развития находятся шанкалла, наиболее угнетаемая часть населения. Основная масса амхарцев сосредоточена в областях Тигре, Амхара, Шоа, Годжам. Галла занимают южную часть Шоа, Валло, Джимму, Арусси; сомалийцы населяют Огаден; данакильцы — Данакильскую низменность; сидамо, каффцы — одноименные области на юге. Негритянские племена занимают Бени-Шангул, Ямбо и другие районы на западе и юго-западе Абиссинии.

По религии амхарцы, часть ассимилировавшихся галла в старых абиссинских провинциях и часть каффцев — христиане монофизитского¹ вероисповедания, имеются также и католики. Основная часть галла, а также сомалийцы, харарцы, данакильцы — мусульмане; остальная часть населения — «язычники». Сохранилось несколько десятков тысяч иудействующих — так называемых фалаша.

Абиссиния окружена со всех сторон европейскими колониями: итальянскими (Сомали, Эритрея), англий-

¹ Монофизитство, осужденное церковью в 451 г., — «еретическое» учение Евтихия о наличии в Иисусе Христе лишь одного, божественного, естества. «Ересь» Евтихия получила распространение в Египте (так называемая коптская церковь), откуда проникла в Абиссинию.

скими (Судан, Кения, английское Сомали) и французскими (французское Сомали). Население этих колоний родственно в этническом отношении населению Абиссинии, в состав которой некоторые нынешние европейские колонии входили в течение тысячелетий (Эритрея). Эритрейские племена говорят на языке, близком к тигринья, но, в отличие от населения провинции Тигре, эритрейцы — в большинстве мусульмане. Суданские негритянские племена, а также население сомалийского побережья ничем не отличаются от своих соплеменников, входящих в состав Абиссинии. Между пограничными кочевыми племенами происходят частые столкновения, из-за пастбищ и источников воды.

Глава I
ПРОШЛОЕ АБИССИНИИ

НАЧАЛО абиссинской истории окутано густым туманом легенд и вымысла. Еще недавно европейские исследователи принимали всерьез рассказы абиссинских историков о Соломоне и царице Савской, мнимых родоначальниках абиссинских царей, о легендарном царе Менелике I, о принятии абиссинцами иудейства и т. п. Абиссинская конституция 1931 г. прямо утверждает, что нынешний император Хайле Селасие представляет «непрерывную династию, восходящую к Менелику I, сыну царя Соломона иерусалимского и царицы Эфиопии, называемой царицей Савской».

Все эти легенды не имеют ничего общего с исторической действительностью. Согласно новейшим гипотезам, территория так называемых исторических абиссинских земель — Тигре, Амхара, Годжам, Шоа — была первоначально населена негритянскими племенами, которые были затем отчасти оттеснены, отчасти поглощены кушитскими племенами, принадлежащими по языку к хамитской семье. Кушиты и негры могут рассматриваться как аборигены Абиссинии. Но абиссинское побережье издавна являлось объектом колонизации со стороны государств южной Аравии, достигшей высокой степени культурного развития еще задолго до нашей эры. Южная Аравия была центром важнейших морских и сухопутных торговых путей древнего мира, ведших из Египта, Финикии и Сирии к Индии и Малайскому архипелагу. На этой торговле и зиждилась старая южноаравийская цивилизация, оставившая после

себя многочисленными надписями и памятниками архитектуры, которые Энгельс рассматривал как доказательство того, что «там, где арабы жили оседло, на юго-западе, они были по всем видимостям таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их постройки»¹. Для подвижного населения южноаравийских государств колонизация противоположного берега Красного моря являлась ключом к богатствам Африки — к африканской слоновой кости, золоту, живому «товару» — рабам. Постепенно проникая все глубже и глубже в африканский материк, южноаравийские колонизаторы заняли северную часть современной Абиссинии и Эритрею, вытеснив, покорив и поглотив основную массу кушитских племен, навязав им свой семитический язык, который, все больше отдаляясь от своего южноаравийского источника, превратился в самостоятельный и обладающий рядом специфических особенностей язык семитической группы. Среди арабских колонизаторов преобладало южноаравийское племя хабшат. Это племя дало свое название стране, название, превращенное старинными европейскими путешественниками в «Абиссинию»². Южноаравийские семиты, представлявшие более высокий уровень материальной культуры по сравнению с аборигенами страны — кушитами и неграми, — явились основателями первого крупного государственного образования на территории современной Абиссинии — Аксумского царства.

Аксумское царство, основанное повидимому в I в. нашей эры, достигшее зенита своего расцвета в IV в., было вначале прямым продолжением южной Аравии на африканском побережье Красного моря. Оно ориентировалось не на материк, а на море: это была прежде всего крупная торговая держава, пожинавшая все плоды оживления и расширения товарооборота между Ближним Востоком и Индией, а впоследствии — между антич-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 484.

² До сих пор Абиссиния называется по-арабски «Аль-хабшат». Сами абиссинцы называют свою страну по-амхарски «Итиопия» (Эфиопия).

ным греко-римским миром (включая и эллинистический Восток: Египет, Сирию, Малую Азию) и Индией. Наряду с участием в транзитной торговле Аксум служил главным складочным пунктом тех товаров, которые поставлял африканский материк. Аксум стал важнейшим торговым центром Восточной Африки. Его значение как торгового пункта привлекло к нему большое количество греческих купцов, результатом чего было образование значительной греческой колонии. Особенно тесная и непосредственная связь поддерживалась с Египтом, в частности с его торговым центром — Александрией. Оживленные экономические отношения с греко-римским миром вовлекли Аксум в круг античной культуры, способствовали распространению греческого языка и греческой образованности. Греческий язык стал наиболее употребительным языком высших классов и торговцев. На монетах аксумских царей появляются греческие надписи; абиссинские цари-завоеватели составляют свои победные надписи наряду с семитическим также и на греческом языке. Результатом интенсивной эллинизации высших классов рабовладельческого Аксумского государства было также принятие аксумским царством христианства одновременно или вскоре после того, как христианство восторжествовало и в античном мире.

В IV в. Аксумскому царству принадлежал контроль над южной частью западного и восточного побережья Красного моря. Предпринимая карательные экспедиции против южноаравийских пиратов, оно в то же время начало распространять свое господство и в глубь африканского материка. В течение этого времени поддерживаются тесные экономические, культурные и политические связи с восточноримской империей (Византией). В VI в. абиссинцы в союзе с Византией, предоставившей в их распоряжение свой флот, завоевали Иемен; через несколько десятилетий они были вытеснены персами, призванными туда иеменитами. Иемен стал провинцией Сассанидской¹ империи, распростра-

¹ Сассанидская эра в истории Ирана охватывает период от III до VII в. Сассанидская династия правила Ираном вплоть до арабского завоевания.

нившей свое влияние и на Аксум. В Аксуме появились персидские купцы, ставшие проводниками иранских культурных влияний, нашедших свое выражение в архитектуре зданий и в орнаментации тканей.

Абиссинско-персидская борьба за Йемен представляла собой один из моментов важнейшего международного противоречия того времени — борьбы между Византией и сасанидским Ираном. В этой борьбе Аксум, вступивший в период упадка, уже не играл самостоятельной роли. Упадок Аксумского царства объяснялся изменением торговых путей, приведшим к упадку всей южноаравийской цивилизации. Гибель античного мира и общий экономический упадок в Европе раннего средневековья резко сократили торговлю между средиземноморским бассейном и Индией, на которой зиждилось благосостояние Аксума. Дальнейший удар был нанесен возникновением арабского халифата, объединившего всю Аравию, завладевшего Сирией и Египтом и ставшего полновластным хозяином Красного моря. Транзитная торговля Аксума была сведена на нет. В середине VII в. арабы завладели Адулисом, разрушив этот важнейший аксумский порт, выход к морю. Абиссинское побережье, некогда колонизированное выходцами из южной Аравии, стало объектом нового арабского колониационного потока, обосновавшегося здесь и отрезавшего Абиссинию от моря. Вся торговля Красного моря была захвачена арабским купечеством. Все это обусловило длительный период экономического и культурного упадка Абиссинии.

Непосредственным результатом всех этих изменений было перемещение значительной массы населения Абиссинии в глубь африканского материка. Морская блокада стимулировала абиссинскую колонизацию дальнейших частей плоскогорья, захватившую и нынешние территории Годжама и Шоа. Это движение растянулось на несколько столетий. Центр тяжести государства перемещается из Аксума (расположенного в Тигре) в области Ласта, Семиен, Амхара. В XIII в. при царе Иекуно-Амлаке центром государства стала наиболее южная в то время часть Абиссинии — Шоа.

Эти процессы обусловили и трансформацию соци-

ального строя Абиссинии. Точное воспроизведение хода и характера этой трансформации затруднено почти полным отсутствием исторических памятников за этот период — самый темный период абиссинской истории. Завоевание и колонизация новых территорий, сопровождавшаяся покорением населявших их кушитских племен, и постоянные войны выдвинули на первый план военных вождей, завладевавших крупными участками и целыми областями и вознаграждавших этими землями вместе с их покоренным населением своих воинов и приближенных. Разрыв торговых связей и географическая замкнутость новых колонизируемых земель обуславливают преобладание натурального хозяйства. Рабовладельческое Аксумское государство превращается в феодальное государство, сохранившее в силу особых причин значительную долю рабовладельческих пережитков.

Феодализация Абиссинии сопровождалась борьбой разных феодальных родов и групп за гегемонию, за корону аксумских царей. Упадок Аксума подорвал силу аксумских владетелей, власть перешла к династии Загве, основная база которой была расположена в Семиене и Ласте; наконец в XIII в. власть перешла к феодальным владетелям Шоа, претендовавшим на родство со старой аксумской династией. Этот переход власти рассматривается абиссинскими юристами как «реставрация» законной «соломоновой» династии.

Последующие столетия заполнены непрерывной борьбой между Абиссинией и ее восточными соседями, занявшими все побережье Красного моря и все дальше оттеснявшими абиссинцев от моря. Образовавшиеся мусульманские эмираты на побережье Красного моря находились в фактической зависимости от арабов. Их политика диктовалась интересами высокоразвитого арабского торгового капитала, пытавшегося открыть для себя богатства Абиссинского плоскогорья. Активизация арабов, использовавших мусульманские княжества побережья, особенно усилилась начиная с XIV в.

В XVI в. произошло завоевание Аравии и Египта Турцией. Турция стала организующим центром борьбы

прибрежных княжеств против Абиссинии. Харарский правитель Мохамед Гран, объединивший под своим руководством большинство прибрежных княжеств, получив от турок огнестрельное оружие (в том числе и пушки), употребление которого было еще неизвестно абиссинцам, подверг Абиссинию небывалому опустошению. Гран сжег Аксум; его войска доходили до озера Тана и западной границы Абиссинии. В этой войне абиссинцы получили помощь от Португалии, которая являлась в то время первоклассной колониальной державой. В ответ на просьбу абиссинского негуса из португальской колонии Гоа (в Индии) было направлено морем в Абиссинию несколько сот португальских воинов с огнестрельным оружием. Турецкому военному искусству было противопоставлено военное искусство Европы. Войска Грана были в конце концов отброшены и отступили к границе Абиссинии. Но поражение Грана не прекратило ожесточенной борьбы. Установившиеся политические отношения между Абиссинией и Западной Европой вовлекли Абиссинию в борьбу между Турцией (охватывавшей в то время все африканское побережье Средиземного моря до Марокко) и европейскими государствами. Во второй половине XVI в. Турция пытается использовать в своих интересах конфликт между негусом и феодалами Тигре, однако в битве при Адуа в 1578 г. абиссинские войска негуса Сарза-Денгель нанесли туркам решительное поражение. Эта победа обеспечила независимость Абиссинии перед лицом Оттоманской империи. К концу века государство, основанное Мохамедом Граном, распадается; непосредственная угроза со стороны Турции и ее вассалов отпадает. Однако турки сохранили за собой Массауа — после разрушения Адулиса единственный выход Абиссинии к морю, — тем самым отрезав Абиссинию от моря. Другой угрозой, нависшей над Абиссинией одновременно с наступлением Турции, была угроза галлаского нашествия. В первой половине XVI в. к Абиссинскому плоскогорью впервые подошли в поисках пастбищ племена галла, вначале занимавшие районы между Уеби и Джуба и озера Маргариты, теснимые с юга племенами Сомали. (Такова гипотети-

ческая причина появления галла в центральной части Абиссинии.) Находившиеся на более низкой ступени развития и военной техники галла сумели легко занять лишь земли между побережьем и Абиссинским плоскогорьем, опустошенные продолжительными войнами и почти покинутые населением. Дальнейшее их военное продвижение натолкнулось на отпор превосходящего их культурой и техникой Абиссинского государства. Однако отдельные районы Абиссинского плоскогорья захватываются племенами галла. Продолжительные изнурительные войны и непрерывные набеги и столкновения способствовали дальнейшему хозяйственному упадку Абиссинии. Наряду с военным нашествием происходят мирное обоснование племен галла на абиссинском плоскогорье, их оседание на пустыющих землях и подчинение хозяевам этих земель — абиссинским феодалам. Таким образом племена галла заняли значительную часть Шоа и даже Амхары. Подпадая под влияние более культурной среды, галла во многом начали ассимилироваться с абиссинцами, что сопровождалось и физическим смешением. Абиссинские цари и феодалы начали вербовать галла в свои наемные войска; постепенно галла образовали значительную часть абиссинской армии, особенно конницы.

Проникновение галла в самое сердце Абиссинского плоскогорья было облегчено ожесточенными внутренними войнами и восстаниями, происходившими в Абиссинии в первой половине XVI в. и принявшими внешнюю форму религиозной войны. Эта война, имевшая глубокую социально-классовую основу, была связана с первой попыткой европейцев утвердить свое влияние в стране через иезуитские миссии. Возможно, что стремление к католицизму поддерживалось торговой буржуазией, видевшей в этом залог более оживленных экономических отношений с Европой. Переход части абиссинских феодалов во главе с негусом За-Денгелем (1604—1607 гг.) и его преемником Сиссинием (1607—1632 гг.), пытавшихся таким путем обеспечить себе военную и техническую помощь Европы, на сторону католицизма вызвал восстания, возглавленные абиссинской церковью, опасавшейся потери своих огромных

владений. Церковь сумела использовать недовольство масс, связавших усиление гнета феодальной монархии с фактом подчинения негусу иностранному влиянию, появлением иностранных купцов и т. п. Война закончилась изгнанием иезуитов и португальских купцов из страны (1632 г.) и победой реакционно-изоляционистских тенденций.

Под давлением нашествия галла происходит обратное перемещение центра страны с юга на север, лучше защищенный от нападений галла, при негусе Василиде (1632—1637 гг.) столицей государства становится Гондар, к северу от озера Тана. Фактическая блокада страны турками, и победа изоляционистских тенденций парализовали внешние экономические отношения; преобладание натуральных форм хозяйства усиливается, страна все больше распадается на замкнутые экономические районы. Вторжение галла изменило этнический характер целых областей, способствовал разрыву старых хозяйственных и культурных связей между отдельными частями страны. Внешняя опасность, в течение столетий питавшая центростремительные тенденции, в значительной мере отпала. Ослабевшая Турция уже не представляла большой опасности; тоже самое можно сказать об эмиратах побережья и о галла, сила которых также ослабела и значительная часть которых уже была подчинена абиссинскими феодалами. Все эти причины и обусловили собой усиление элементов феодального распада государства. Центральное правительство сохранило лишь призрачную власть, подлинная власть перешла в руки властителей отдельных «королевств». Главными королевствами были Тигре, Амхара, Шоа. Кроме них существовал еще ряд других фактически независимых областей (Ласта, Семиен). Во главе некоторых областей стояли галлаские феодалы-военачальники.

Государственный строй, сложившийся в Абиссинии в середине XVIII в., некоторыми, чертами напоминает японский «сёгунат», состоявший, как известно, в том, что при сохранении номинального императора вся фактическая власть в центре была сосредоточена в руках сильнейшего феодала — сёгуна, в семье кото-

рого власть передавалась по наследству и которому противостояли почти независимые главы крупных феодальных кланов. Однако в Абиссинии роль сёгуна при негусе, так же как в значительной мере и самый сан негуса, не передавалась по наследству, а служила предметом ожесточенной борьбы между сильнейшими феодалами. Сущность этого абиссинского «сёгуната» заключалась в том, что негус почти полностью потерял власть, представляя собой подставную фигуру, под прикрытием которой вся власть в центре в той мере, в какой она еще существовала, принадлежала тому феодалу, которому удалось завладеть особой негуса, но который, не имея возможности претендовать на принадлежность к «соломоновой» династии, не решался объявить себя императором, предпочитая эксплуатировать в своих интересах ореол «законного» негуса. Так, правитель Тигре, рас Михаил, умертвив негуса Иоаса, назначил его преемником дряхлого старика из царской династии, а после его смерти — пятнадцатилетнего Текла Хайманота, фактически осуществляя царскую власть. Вскоре однако особой негуса завладели галлаские военачальники. В течение некоторого времени они возводили и низвергали негусов по своему усмотрению. После этого Веллед Селасе, рас Тигре, в союзе с расом Годжама назначил негусом Ато Эгуала. Следующим «сёгуном» был рас Тигре Сабагадис, при котором состоял негусом восьмидесятилетний старец Гигара. Вскоре после смерти Сабагадиса «сёгунат» переходит к Амхаре. Амхарский рас Али (галла по происхождению) заменил негуса Гигару своим ставленником. В 1841 г. рас Али сменил и этого негуса, назначив негусом молодого человека из «соломоновой» династии, которого он женил на своей матери. Вскоре однако Амхара была захвачена главарем шайки, сыном бывшего губернатора одной из провинций, Кассой, который после упорных боев разбил поочередно расов Годжама, Тигре и Шоа. Установив таким образом свою фактическую власть над всей Абиссинией, Касса окончив с номинальными негусами из «соломоновой» династии, объявив себя в 1855 г. негусом под именем Феодора.

С середины XIX в. начинается новый, продолжающийся до наших дней период в двухтысячелетней истории Абиссинии, период складывания Абиссинии в централизованное государство на основе абсолютизма с постепенным развитием буржуазных элементов. Этот период, особенности которого мы рассмотрим подробнее ниже, в связи с реформами Менелика и Хайле Селассие, открывает совершенно новую страницу в истории Абиссинии, новую и в смысле внешней обстановки и в отношении внутреннего развития страны. Уже при Феодоре в Абиссинии во все большем количестве появляются европейские консулы, европейские религиозные миссии, европейские купцы и ремесленники. В 1868 г. впервые по Абиссинии прошли вражеские европейские вооруженные отряды, нанешие серьезное поражение, войскам негуса. Постепенно, хотя и очень медленно и в небольших размерах, Абиссиния втягивается в мировой товарооборот. Все это вызывает сдвиги в хозяйстве страны и в политической надстройке, стимулируя тенденции к централизации и объединению.

В этот период в связи со всеми внутренними и внешними процессами происходит оформление нынешних абиссинских границ путем поглощения ряда хамитских и негритянских княжеств и племен на окраинах. Эта экспансия в свою очередь внесла существенные моменты в социально-политический строй современной Абиссинии, обусловив известное своеобразие и многообразие феодальных отношений в стране.

В течение первых десятилетий второй половины XIX в. объединительный процесс еще всецело остается на почве старых феодальных отношений. Борьба Феодора с феодалами создавала предпосылки для дальнейшего развития в виде единого национального государства и укрепления внешних торговых связей. Отсюда—отмена Феодором запрещения пребывания в стране иностранцев, попытка сломить мощь наиболее крупных феодалов, заменить их своими ставленниками, ограничить влияние церкви, план создания; настоящей армии и кое-какое дорожное строительство, сокращение числа внутренних таможен; приглашение в страну европейских техников и ремесленников. Однако все

эти попытки еще не опирались на достаточные объективные условия преодоления феодальной раздробленности. Носителем и проводником политики Феодора были феодальные группы, пытавшиеся установить свое господство над другими группами феодальных вождей. Кровопролитные войны Феодора с восставшими против него феодалами носили варварский характер, сопровождаясь массовыми избиениями, уничтожением производительных сил, разрушением торговых центров (разрушение Гондара).

Ожесточенность внутренней борьбы при Феодоре объяснялась тем, что феодальная оппозиция, не желавшая примириться с фактом установления сильной центральной власти, соединилась с пришедшими в движение массами крестьянства. При Феодоре в Абиссинии происходит подлинная крестьянская война, направленная против феодального гнета, усилившегося вследствие того, что местные феодалы вынуждены были делиться плодами эксплуатации масс с центральным правительством, требовавшим больших средств для содержания армии негуса и его двора. Благодаря этому феодалам удалось отвести от себя гнев крестьянства, направив его на негуса как единственного виновника зла и на его ставленников, сменивших старых вождей. Среди крестьянства получил популярность выдвинутый феодалами лозунг: освободить вождей от гнета негуса. Таким образом крупные феодалы пытались использовать недовольство масс для восстановления своей фактической независимости.

Крестьянское восстание выразилось в массовом бегстве крестьян в горы и образовании партизанских отрядов, боровшихся с армией негуса. Карательные экспедиции, посылаемые Феодором, не достигали цели, так как они заставляли лишь пустые деревни. Невозможность в таких условиях содержать многочисленную армию вызвала массовое дезертирство. Полная изолированность негуса как от крестьянских масс, так и от феодалов и разложение его армии объясняют успех похода английского генерала Нэпира, взявшего Магдалу в 1868 г., что привело к самоубийству Феодора.

Поводом к походу англо-индийских войск и первой войне европейской державы с Абиссинией был арест Феодором английских консулов и резидентов. Но Англия рискнула на трудности этого похода только потому, что она была осведомлена о полной изоляции негуса, об отходе от него феодалов и недовольстве масс. Поход пользовался поддержкой феодалов Тигре, Ласта и других областей. В таких условиях его успех был обеспечен. Однако после своей победы над негусом Англия, понимая, что силы экспедиционного корпуса недостаточны для удержания страны, предпочла удалиться, с тем чтобы, пользуясь эффектом своей победы, действовать из-за кулис в желательном для себя направлении. Англия добилась прихода к власти своего ставленника тигрейского феодала Кассаи, коронованного под именем Иоанна.

Поражение Феодора в борьбе с внутренними и внешними врагами вызвало временное ослабление тенденций к централизации. Хотя Иоанну и удалось добиться признания центрального правительства крупнейшими феодалами, однако он вынужден был пойти по отношению к ним на значительные уступки. Сильнейшие феодалы — рас Шоа Менелик и рас Годжама Гекла Хайманот — были возведены в сан негусов. Они пользовались почти полной фактической независимостью. Сам Иоанн для усиления своей власти использовал борьбу между феодалами Шоа и Годжама и натравливал одного на другого. Внутренняя борьба в стране была связана с активизированием политики европейских держав в отношении Абиссинии. В этот период идет более быстрым темпом вовлечение Абиссинии в мировой товарооборот и в русло международной политики.

При Менелике II, взявшем власть над всей Абиссинией в 1889 г., процесс упрочения централизованной абиссинской государственности вступает в новую фазу. Менелику удалось, опираясь на несколько более широкую социальную базу — значительную часть феодальных элементов и возникавшую торговую буржуазию, — добиться создания крепкого государства и действительного подчинения местных феодальных правителей.

Замена наследственных правителей назначенцами из центра стала при Менелике совершившимся фактом. Вместе с тем Менелик использовал междуимпериалистические противоречия и выросшую силу Абиссинии не только для того, чтобы отстаивать независимость Абиссинии, но и для расширения ее границ в восточном, южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. В результате этой экспансии, одновременно с разложением феодализма под влиянием роста денежных отношений, происходит также развитие новых феодально-крепостнических форм, имеющих большое значение для характеристики абиссинского феодализма в целом.

Глава II

АБИССИНСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

В СЕРЕДИНЕ XIX в. Маркс писал, что «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелко-крестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги»¹. Это замечание может быть отнесено и к Абиссинии начала XX в. с ее феодальными замками, рыцарскими дружинами, внутренними таможняными, с феодальными ленами и крепостнической эксплуатацией. Многие из аксессуаров феодализма сохранились вплоть до настоящего времени.

Аграрный строй Абиссинии до сих пор не изучался систематически. Имеются лишь отрывочные, иногда противоречивые данные. Не только абиссинцы, но и буржуазные европейские исследователи иногда не различают форм земельной собственности и форм землепользования и иногда бывают введены в заблуждение чисто формальной стороной, например номинальной принадлежностью всей земли негусу. Изучение вопроса затрудняется также большим разнообразием форм землепользования и землевладения в разных районах. В Абиссинии, пишет французский исследователь абиссинского сельского хозяйства Фелькур, «представлены все виды собственности».

Основной формой землевладения является феодальная собственность на землю. Она совмещается с

¹ Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1934, стр. 816.

значительными сохранившимися остатками родовой собственности. Крестьянское землепользование (и землевладение там, где оно сохранилось) носит общинный характер. Крестьянская община — адди — пользуется или владеет землей, которая сдается отдельным ее членам пропорционально числу членов семьи. Переделы земли происходят периодически, в промежутки от двух до семи лет. Крестьянская община рассматривает себя как кровную родовую общность. Принятие чужеродных элементов обставлено рядом условий. Наряду с собственно надельной землей (медри-шефа), принадлежащей и используемой только родовой общиной, существуют участки — так называемые медри-деса, — которые с разрешения старейшин могут быть сдаваемы для пользования и чужим. Однако члены общины пользуются в этих случаях преимуществом. Только пятое поколение от брака члена общины с рабом и третье поколение от брака члена общины с свободным нечленом общины входят на равноправных началах в общину. Необрабатываемые земли общины могут быть сдаваемы чужим с разрешения начальника деревни.

Наряду с этим уже в пределах самой общины появляется наследственное землепользование; отдельные участки земли закрепляются за отдельными дворами для постоянного и наследственного пользования. Эти участки отчуждаемы, но только в пределах самой общины. Налицо форма, появление которой означает начало разложения общинного землепользования¹.

Феодальная земельная собственность основана на пожаловании земли в наследственное владение при условии выполнения феодальных обязанностей по отношению к сеньору. Такая собственность носит название «гульт», или «рист». Влияние родового начала выражается в существовании родовых гультов, основанных на пожаловании земли целому феодальному роду, состоящему из нескольких семейств. Такой гульт эксплуатируется целым феодальным родом или фамилией; он неотчуждаем и неделим. Хотя каждая семья,

¹ В северной Абиссинии индивидуальное землепользование повидимому уже получило значительное распространение.

входящая в род, обычно пользуется определенным отмежеванным участком, но это не нарушает права коллективной собственности всего рода на гульт. В некоторых случаях делится лишь готовая продукция. Таким образом гульт есть форма фамильной помещичьей собственности на землю, форма эксплуатации целым феодально-помещичьим родом крестьянства (абиссинского или галлаского), находящегося на земле гульта и обязанного нести различные повинности в пользу владельцев земли. Наряду с фамильными гультами существуют также индивидуальные гульты, т. е. земли, пожалованные негусом или расом не целому роду, а лишь определенному лицу. От описанных выше гультов, представляющих собой форму земельной собственности, необходимо отличать гульты, представляющие собой уступку негусом тому или иному феодалу всех или части доходов (т. е. налогов) с определенного участка,— институт, соответствующий иранскому «тиулю».

В северных и центральных областях Абиссинии земля почти целиком захвачена короной, церковью и помещиками феодального типа. Земля обрабатывается обычно на началах долгосрочной аренды и издольщины крестьянами — амхарцами и галла; часть крестьян-галла (особенно на юге Шоа) и юридически прикреплена к земле. В сельском хозяйстве помещиков применяется также и труд рабов. Расы и негус владеют огромными участками земли, обрабатываемыми издольщиками и крепостными.

Одним из крупнейших феодальных землевладельцев страны является церковь. По некоторым данным, церковь владеет третьей частью всей годной к обработке земли. Вся организация абиссинской церкви всецело приспособлена к этой эксплуататорской функции. Церковное землевладение построено по принципу феодальной иерархии. Церковная верхушка (митрополит, епископы и «ичаге» — глава черного духовенства) владеет огромными поместьями и участками земли, обрабатываемыми в значительной своей части рабами (церковь—крупнейший рабовладелец в стране). Каждая соборная церковь владеет своим гультом. Настоятель

собора — «алака» — представляет собой церковного помещика, он фактический хозяин всего гульты и живущего на нем крестьянства. Крестьяне, живущие на землях, принадлежащих епископам, не имеют права апеллировать даже к негусу.

Несколько иной характер имеют аграрные отношения в областях, присоединенных к Абиссинии во второй половине XIX в. Преследуя цель закрепления за собой завоеванных территорий, абиссинское правительство заселило эти территории абиссинскими солдатами, офицерами и чиновниками. На окраинах эти поселения имеют характер военных лагерей; в более отдаленных от границы, уже «умиротворенных» областях абиссинцы живут разбросанно среди местного населения. Не имея средств на содержание этой армии, всегда находящейся в боевой готовности, абиссинское правительство построило свою военную организацию на крепостнической основе. К каждому абиссинскому солдату, офицеру, чиновнику, вплоть до губернатора, было прикреплено известное количество (в зависимости от ранга от 2 до 100 и больше) туземцев, обязанных выполнять целый ряд повинностей и прежде всего повинность «кормления». Эти закрепощенные туземцы носят название «габары». В районах военных лагерей абиссинские отряды кормятся за счет населения, живущего в районе лагеря. Местные вожди обязаны собирать и доставлять в лагерь довольствие, дрова, рабочую силу и т. п.

Институт габаров по существу не затрагивал тех аграрных отношений, которые существовали в этих областях до их завоевания абиссинцами; он лишь надстраивал над этими отношениями новый этаж крепостнической эксплуатации. При этом были сохранены и родовые старейшины и вожди, на которых была возложена ответственность за правильное выполнение населением своих повинностей. Таким образом получалась тройная эксплуатация туземцев — своей феодально-племенной верхушкой, абиссинским колонизатором и наконец государством в лице раса и негуса, которые не поступались своей долей налогов с покоренного населения. К числу государственных повин-

ностей относились не только десятина, взимаемая в пользу центральной власти, и местный натуральный налог, но и «дерго» и трудовая повинность. Дерго заключалась в обязанности снабжать бесплатно дорожным довольствием находящихся в пути начальников и чиновников и всякое лицо, в отношении которого существует соответствующее распоряжение. Трудовая повинность заключалась в праве крупных феодалов распоряжаться трудом крестьянства один день из четырех для своих и государственных нужд (обработка своих владений, строительство дорог, транспортирование грузов). Такую же барщину крестьянство обязано нести и по отношению к своему непосредственному хозяину — помещику, владельцу гульта, и наконец низшим чиновникам. Помещик вправе требовать от зависимого крестьянина вспахать его же (крестьянина) быками указанный помещиком участок земли.

Крепостной габар формально вправе свободно распоряжаться своей продукцией за вычетом доли, причитающейся государству и местному начальнику. Он сохраняет за собой свой участок земли и скот, если он таковым владел. В действительности габар очень часто не может выполнить своих повинностей, вследствие чего к недоимкам прибавляются еще штрафы, налагаемые на него местными судами, к которым обращается «пострадавший» крепостник. В конце концов растущая задолженность приводит к полному закабалению габара.

Наряду с военными поселениями образовалось и помещичье землевладение в собственном смысле слова на феодально-крепостнической основе. Из большого количества земель, конфискованных в пользу короны, так же как из земель, издавна принадлежавших короне (при нынешней династии—в Шоа, Хараре, Валло), отдельные участки отдаются в качестве гультов крупным абиссинским феодалам-землевладельцам («мелканья»), обрабатывающим землю руками крепостного крестьянства на началах исполщины и барщины. Менелик практиковал в широких размерах также продажу коронных земель абиссинским помещикам во вновь присоединенных областях.

Описанная система представляет собой основу абиссинского феодализма. При рассмотрении абиссинского феодализма нельзя абстрагироваться однако от содержащихся в нем и дофеодалных элементов, в частности от рабства в его различных формах.

Одной из причин сохранения в Абиссинии элементов рабовладельческой формации является наличие неисчерпаемого резерва дешевого рабского труда в лице примитивных африканских племен, лишенных возможности защищаться от набегов лучше вооруженных и лучше организованных соседей. В течение долгих столетий границы Абиссинии представляли собой арену непрерывных войн, нападений, столкновений, набегов. Эти войны позволяли абиссинским феодалам широко пользоваться трудом военнопленных и захваченного мирного населения (в том числе женщин и детей). Это обусловило применение рабского труда в сельском хозяйстве наряду с использованием крепостного труда и труда юридически свободных исполщиков. Ряды рабов пополнялись также детьми, продаваемыми в рабство своими родителями из голодающих негритянских племен, или рабами, продаваемыми вождями негритянских племен в обмен на оружие или в счет уплаты налогов.

Широкое применение рабского труда вытекало из преобладавших в течение длительного времени самых примитивных и отсталых форм натурального хозяйства, слабого развития товарооборота как внешнего, так и внутри страны, слабого разделения труда, географической замкнутости отдельных районов. В таких условиях каждый более или менее состоятельный владелец стремился организовать в своем хозяйстве все необходимые работы для удовлетворения его потребностей — работы по изготовлению и переработке пищи, одежды, ковров, примитивной мебели, оружия, жилых и хозяйственных построек и т. д. Отсюда и развитие домашнего рабства, представляющего собой основную форму рабства в Абиссинии. Домашние рабы заняты преимущественно ткацкими, прядильными, кузнечными работами, помолом зерна, уходом за скотом, строительными работами, услужением хозяевам и прочими

работами, выполняемыми для удовлетворения потребностей самого рабовладельца, но не на рынок.

Рабство в Абиссинии проявляется и в форме применения рабского труда в сельском хозяйстве. Распространение последней формы ограничивается отсутствием крупного плантационного земледелия, господством мелких форм сельского хозяйства. В таких условиях крепостной труд, в несколько большей степени заинтересовывающий работника в сохранении живого и мертвого инвентаря и в поднятии своей производительности, является более выгодным с точки зрения помещика, чем труд рабов. Поэтому применение рабского труда в сельском хозяйстве фактически приводит к созданию переходной формы от рабства к крепостничеству — формы, по которой можно проследить процесс превращения раба в крепостного «колону». Это превращение происходит путем выделения рабам для обработки (но отнюдь не в собственность) определенного участка земли и наделения их необходимым живым и мертвым инвентарем, с обязательством поставлять помещику определенное количество продукции. Остини, изучавший район озера Тана в 1912 г., отмечал наличие «деревень галласких рабов, прикрепленных к земле», производивших злаки и хлопок. В действительности тут налицо уже не рабы в подлинном смысле слова, а промежуточная форма между рабами и крепостными. Эта форма встречается и в других абиссинских провинциях.

Переходный характер рабства в Абиссинии проявляется и в некотором ограничении власти хозяина над личностью раба. Так, убийство раба хозяином наказуемо наравне с убийством свободного человека, вплоть до смертной казни. Раб получил формальное право жаловаться на своего хозяина в суд. Крещеный раб получил некоторые личные права: он не мог быть продаваем¹.

¹ О дальнейших ограничениях рабства за последние годы будет сказано ниже. В данной главе мы пытаемся дать картину абиссинского феодализма в том виде, в каком он сложился к первым десятилетиям XX в., т. е. до реформ Хайле Селасие. Это относится и ко всем остальным сторонам социального строя феодальной Абиссинии, рассматриваемым в этой главе.

В период до Менелика и во время менеликовских завоеваний, т. е. до конца прошлого века, пополнение рабов шло по преимуществу за счет военнопленных. Солдаты и начальники, участники набегов на соседние страны, в случае оказания туземцами вооруженного сопротивления захватывали большое количество пленных для себя и для перепродажи во внутренние районы страны. Правда, уже при Менелике перепродажа военнопленных была строго запрещена. По окончании своих завоеваний Менелик распорядился о возвращении всех военнопленных после семи лет работы на родину. Однако это распоряжение очень часто нарушалось под тем предлогом, что освобождение пленных может составить «государственную опасность». По некоторым данным, это распоряжение было позже даже формально отменено самим Менеликом.

В последующий период источником пополнения рабов являлись эпизодические набеги абиссинских контрабандистов на соседние с Абиссинией районы, а также насильственный увод беззащитных туземцев из завоеванных областей абиссинскими чиновниками и офицерами. Некоторые негритянские и другие племена погашали рабами свою задолженность помещикам и местным расам; иногда даже практиковался формально запрещенный прием рабов в уплату налогов. Уводимые рабы либо присваивались, либо перепродавались в абиссинские деревни и города. Эта практика получила известное распространение в периоды ослабления центральной власти (например в годы гражданской войны, 1913—1920), ведшей борьбу с работорговлей и охотой за туземцами. Во всяком случае тот постоянный приток рабов, который имел место раньше, должен был неизбежно прекратиться. Дальнейшее сохранение института рабства в основном происходило за счет естественного размножения рабов.

Наряду с рабами и крепостными отметим еще одну категорию, приближающуюся по своему положению к крепостным. Это — население, принадлежащее к низшим кастам, наподобие париев в Индии или «эта» в Японии. В северной Абиссинии это «кемант», или «уйто», в провинции Каффа они носят название «ман-

чо» и отличаются своим языком от окружающего населения. Манчо имеют свою организацию и даже своего «короля», назначаемого расом. Здесь мы имеем повидимому дело с остатками покоренных охотничьих племен, стоявших на очень низком уровне развития и отстраненных от участия в экономическом и культурном развитии страны.

**
*

Абиссиния — чисто аграрная страна, страна примитивного земледелия и скотоводства. Торговля и ремесла до последнего времени не получили сколько-нибудь значительного развития. Ремесла были связаны с местным рынком и в значительной мере были рассчитаны на спрос местных феодалов, поскольку речь шла прежде всего о предметах роскоши, при изготовлении которых не мог быть использован неквалифицированный рабский труд. Точно так же и торговля в основном носила характер внутреннего товарообмена в пределах замкнутого района, сосредоточиваясь в районных центрах. Лишь несколько городов стали более значительными торговыми центрами. К этим городам относились Гондар, Джиран, Дессие и конечно столица государства, предьявлявшая повышенный спрос на продукцию сельского хозяйства страны.

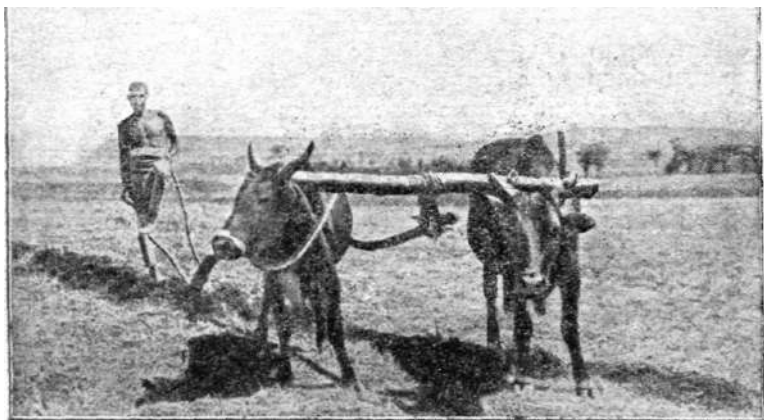
Особенно оживленным торговым центром была автономная Джимма, султанат, присоединенный к Абиссинии в восьмидесятых годах XIX в. Вследствие своего выгодного географического положения между «потребляющими» основными провинциями и «производящими» негритянскими районами, поставлявшими рабов, Джимма стала центром абиссинской работорговли; во главе этой торговли стояли султан и его приближенные. Купцы Джиммы развозили свой «товар» по всей Абиссинии, соседним странам и через Красное море — в Аравию. Благодаря этому Абиссиния одно время играла роль одной из важнейших стран вывоза и транзита рабов, торговли, рассчитанной в первую очередь на арабийский рынок, где до сих пор открыто происходит купля-продажа рабов. В настоящее время, как будет показано ниже, внешняя и внутренняя работор-

говля, загнанная в подполье, сильно сократилась в своих размерах.

Образование крупных торговых центров тормозилось помимо других причин также *географическими условиями*, затруднявшими сообщение между отдельными областями и разбивавшими страну на множество относительно замкнутых экономических районов. Странствующие торговцы — «нагади» — объезжают всю страну на мулах, нагруженных товарами отечественного и иностранного производства. Крупные купцы владеют целыми караванами мулов и ведут относительно обширную торговлю с Суданом и побережьем. Некоторые из них успевают сделать несколько оборотов в год.

Во главе торгового сословия стоят «нагадрасы», начальники купцов, обыкновенно назначаемые из наиболее крупных купцов. Их задача — собирание налогов и рыночных сборов, регулирование всех судебных споров между торговцами и всех дел торгового характера. Из их числа назначаются обычно и начальники таможен.

Но развитие всех видов торговли, в том числе и передвижной, тормозится не столько географическими условиями, сколько всей феодальной организацией страны. Абиссиния усеяна внутренними таможнями, взимающими сборы со всех проходящих караванов. Любой рас или даже губернатор, не имеющий средств для содержания своей вооруженной силы, устанавливает в любом пункте своей области таможенную заставу, назначая туда вооруженный отряд в несколько десятков человек, легальным образом обирающих все проходящие караваны и содержащихся, разумеется, за счет окрестного крестьянства. Экспедиция Грюля, предпринятая во время регентства нынешнего императора, насчитала по дороге от Аддис-Абебы до Джиммы десяток подобных таможен, представлявших собой нечто вроде средневековых замков и принадлежавших могущественным феодалам империи, как Хапте Гиоргис (военный министр) и рас Цаппата. Баум насчитал от Аддис-Абебы до Гондара двенадцать таможен. Кроме таможенных сборов купцы были обязаны производить еще всякие платежи в пользу местных вождей и на-

Крестьянин-галла с первобытной сохой

чальников. Так, местные начальники взымали особую плату за право втыкать в их землю колы, к которым привязывались мулы во время стоянок. Кроме нормальных пошлин давались подношения и взятки начальникам таможен и начальникам рынков (так называемым «берренья»).

Но главным тормозом в развитии торговли и товарного производства являются крайне низкая покупательная способность широких масс, обусловленная хищнической эксплуатацией крестьянства феодальной верхушкой, домашний рабский труд, господство натуральных форм хозяйства. Как уже было указано, в течение долгого времени междурайонная и внешняя торговля (если не считать торговли оружием и солью, всегда имевшими широкий сбыт) ограничивалась обслуживанием феодальной верхушки и преимущественно поставкой предметов роскоши — украшений, дорогих тканей, слоновой кости, дорогого оружия и рабов.

Политическая надстройка феодальной Абиссинии всецело соответствовала этой структуре производственных отношений.

Постоянные войны мешали упрочению власти отдельных феодальных родов, особенно на высших

звеньях феодальной иерархии. Отсюда — крайняя неопределенность наследственных прав феодальной верхушки, вплоть до негуса. Хотя трон негуса был закреплен за родом «соломонидов», но в пределах этого рода наследование престола решалось либо открытой военной силой, либо путем обеспечения поддержки со стороны наиболее могущественных феодалов, в том числе и церкви. В теории считалось допустимым, что любой дворянский род в области (особенно из родов, занимающих посты правителей провинций данной области) может претендовать на власть над всей областью. Претворение этой теории в практику зависела только от наличия достаточной военной силы. В периоды, когда центральная власть располагала достаточной силой, поддержка негусом того или иного кандидата в расы (или даже прямое назначение) могла иметь решающую роль. Но были случаи (хотя это являлось скорее исключением, чем правилом), когда во главе области становился чуждый ей завоеватель, иногда даже не амхарец, а галла, если он мог опереться на военную силу. Так, в первой половине XIX в. во главе Амхары стоял галла рас Али, державший через особу негуса контроль, хотя и формальный, над другими областями.

На низшей ступени феодальной иерархии, где имела непосредственная связь с землей и крестьянскими массами, отношения повидимому отличались большей устойчивостью. Правители областей вынуждены были считаться с осевшими на землю феодально-помещичьими родами, владельцами гультов, каждый из которых имел свою вооруженную дружину и «своих» крестьян. Узурпаторы извне или изнутри стремились всегда укрепить свою социальную базу среди местного дворянства, роднились с наиболее влиятельными фамилиями и т. д. Феодально-помещичьи роды на местах представляли собой как бы низовое звено государственного аппарата, осуществляя судебные, фискальные и полицейские функции.

Формально каждое помещичье имение представляла собой гульт, т. е. наследственный лен, обладание которым было обусловлено выполнением феодальных

повинностей и верностью своему сюзеру. Смена земельных собственников была нередким явлением, но она не была превращена в правило, так, как расы и правители считали полезным и выгодным использовать те связи с крестьянством, то влияние на местах, которыми обладали старые, давно осевшие дворянско-помещичьи роды. Поэтому смены наверху обычно не сопровождались *массовыми* перемещениями вниз, хотя нередко они влекли за собой появление новых гультов, новых феодально-помещичьих владений, принадлежавших приспешникам нового правителя.

Средние звенья феодального аппарата строились преимущественно на тех же основаниях. Каждая область, представлявшая собой фактически автономное государство, носившее иногда название королевства (например королевство Шоа), делилась на несколько провинций, которые иногда в свою очередь делились на округа. Формально должность правителя провинции зависела от назначения или утверждения правителя области; в действительности однако описанные выше причины обусловили относительную замкнутость и независимость провинций и монополизацию власти в них определенными местными феодальными родами. Расы предпочитали использовать в интересах укрепления своего господства установившийся авторитет и связи правителей провинций. Поэтому нередко даже восстания против расов не сопровождались смещением «кромольных» правителей; после подавления восстания и изъявления покорности правитель провинции восстанавливался на своем посту; иногда вместо него назначался другой правитель из того же рода; таким образом наряду с сохранением авторитета старого рода создавалась большая зависимость правителя провинции от раса.

Весь аппарат государства сверху донизу был построен на феодальных началах. Не только помещичий гульт, но и всякая государственная должность — правителя, провинции и округа, полицейского начальника («месланья»), судьи, наконец раса — рассматривалась как феодальный лен, т. е. как источник доходов, неограниченной власти на месте и некоторых обязанно-

стей по отношению к вышестоящему представителю феодальной иерархии. Всякий начальник получал свою долю из собираемых им государственных налогов и имел право на использование труда населения подчиненного ему района для своих хозяйственных надобностей в порядке барщины. Таким образом, независимо от того, что представителями государственной власти являлись местные крупные землевладельцы, само государство, сам государственный аппарат, представляли собой самостоятельный фактор эксплуатации масс внеэкономическими средствами принуждения. Это одно из общих свойств восточно-феодального государства, послужившее основанием для замечания Энгельса о том, что сатрап а ла паша является на Востоке главной разновидностью эксплуататора. Но в Абиссинии связь «паши» с феодальным землевладением была более непосредственной и более очевидной, чем в ряде других восточных государств.

Феодальный лен был универсальной формой вознаграждения за государственную и военную службу. Он принимал либо форму габаров, либо форму гульта — «тиуля», при котором чиновник пользовался налоговыми доходами с известного количества дворов или селений и некоторыми даровыми услугами их населения (обычно этим способом вознаграждались чиновники, связанные в силу своей функции с центром государства, области, провинции или округа, например секретарь, полицейский начальник, заместитель начальника провинции или уезда, в последнее время министр, военачальник и т. п.). Он принимал также форму помещичьего фамильного или индивидуального гульта, заключающуюся в даровании собственности на земли и предоставлении некоторой юрисдикции, полицейской и фискальной власти над крестьянством гульта. И наконец он принимал форму назначения на должность правителя области, провинции или уезда, предоставлявшую право на пользование значительной частью налоговых доходов области, право на барщину и почти неограниченную власть над всем населением «вверенного», района. Всякий правитель объединял в своих руках военную, полицейскую, гражданскую, фи-

скальную и судебную власть. В рамках выполнения общих указаний вышестоящей инстанции — обязательства представления положенной части налоговых доходов, представления на утверждение вышестоящей инстанции судебных приговоров, предусматривающих смертную казнь или увечье, и наконец обязанности выступить со своими «людьми» в поход — местный начальник любого масштаба пользовался всей полнотой власти на своем участке. Наличие собственных финансовых средств, собственной армии и вполне независимого аппарата само собой создавало тенденцию к присвоению местными феодалами и тех прав, которые формально им не принадлежали, — к расширению своей независимости. В тех случаях, когда этому благоприятствовали географические условия — недоступность местности, ее отдаленность от центра — или слабость центральной власти государства или власти соответствующего раса, это приводило к образованию новой, фактически независимой, области, иногда поглощавшей и соседние районы.

Сложность и многообразная взаимозависимость всех факторов, определявших структуру высших звеньев аппарата феодального государства, обуславливали собой крайнюю неопределенность границ и политического статуса отдельных частей государства. Характерно, что почти каждый из побывавших в Абиссинии в XVII—XVIII вв. и первой половине XIX в. европейских путешественников давал свой список абиссинских королевств и провинций. Так, Делакруа насчитал 10 королевств и 10 провинций, Людольф — 9 королевств и 5 провинций, Брюс — 4 королевства и 19 провинций, Салт — 3 королевства. Эти расхождения отражали не только изменения в положении отдельных областей и провинций, но и общую неопределенность их взаимоотношений, зависевших больше всего от фактического соотношения сил отдельных феодалов.

С общегосударственной точки зрения наибольшее значение имели взаимоотношения между центральной властью негуса и властью расов — правителей земель или областей. Хотя формально вся власть нижестоящего по иерархической лестнице имела своим источ-

ником власть вышестоящего, фактическое отношение между ними было иным: власть расов и других местных властителей зависела от их военной силы, от влияния и авторитета данного феодального рода, обусловленных его экономической мощью. Формальным изъявлением покорности негусу, внесением налогов, причитающихся центру, и военной помощью исчерпывались вассальные отношения раса по отношению к негусу. Но и это имело место лишь в те периоды, когда центральная власть была достаточно сильна, чтобы принудить своих вассалов к покорности, т. е., другими словами, в тех случаях, когда сам негус был наиболее сильным феодалом, сильнее каждого из расов, взятого отдельно, или даже коалиции нескольких расов. Основным и непосредственным источником мощи негуса было его феодальное наследственное владение, та область, в которой он осуществлял непосредственно функции феодального владетеля. Опираясь на нее как на базу, он смог заставить и других феодалов делиться с ним своими доходами, что усиливало его политическую и военную мощь. В известные периоды фактором относительного усиления власти негуса была внешняя угроза, требовавшая координации и объединения сил отдельных феодалов для ограждения феодального государства в целом.

Крайний упадок центральной власти в XVIII и начале XIX в. был обусловлен помимо ослабления хозяйственных связей, во-первых, исчезновением непосредственной внешней опасности, во-вторых, крайним ослаблением значения негуса как феодала. К тому времени во всех четырех главных областях — Амхара, Тигре, Шоа, Годжам — у власти встали местные или пришлые династии правителей: негус оказался лишенным своих главных феодальных владений. При амхарском расе Али негус, живший в Гондаре, расположенном в Амхаре и сохранившем свое название центра государства, фактически жил на те субсидии, которые ему давал «из милости» амхарский рас. Таким образом в этот период установилась не только полная независимость расов от негуса, но и полная зависимость негуса от того или иного раса, что получило выраже-

Феодалный вождь со своим ополчением

ние в отмеченном выше своеобразном абиссинском «сёгунате».

Положение резко изменилось, когда претендентом на престол выступил Касса (Феодор), хотя и не «соломонид», но зато полновластный хозяин в Амхаре, где он сверг власть своего тестя — раса Али. Кассе-Феодору действительно удалось заставить всех правителей области признать его власть, что однако не спасло его, как мы уже видели, от непрерывных восстаний феодалов и крестьян. Феодор попытался на практике осуществить свою прерогативу как феодалного сюзерена, а именно: поставить в области в качестве ленных владетелей своих сподвижников. Такая попытка была сделана в частности в Тигре и Шоа. Однако эта попытка, по существу выходящая из рамок старой феодалной государственной системы, оказалась неудачной. Ставленники Феодора были разбиты; во главе Тигре оказался тигрейский феодал Кассаи, впоследствии ставший императором после самоубийства Феодора, а в Шоа была восстановлена Менеликом (которому было суждено

сменить Кассаи-Иоанна на троне негусов) старая шоанская династия «соломонидов». При Иоанне, непосредственной базой которого была провинция Тигре, сохранились и даже укрепились наследственные владельцы Годжама и Шоа. Только Менелику, при котором относительная мощь центральной власти возросла в небывалой степени и который опирался уже на несколько более широкую социальную базу, проявляя в общем прогрессивные антифеодальные тенденции, удалось ввести в принцип назначение правителей областей (расов) из центра, хотя этот принцип не везде им применялся. Введение этого принципа (как будет показано в следующей главе) являлось началом превращения старого феодального строя в абсолютистский, содействуя развитию капиталистических элементов в стране.

Принцип назначения расов из центра был более последовательно проведен во вновь завоеванных при Менелике областях. Обширные завоевания Менелика поставили в порядок дня вопрос об организации управления в этих областях. Естественно, что эта организация заключалась в перенесении на новые территории абиссинских феодальных порядков, однако с оставлением большего объема прав за центральной властью. Система управления новыми территориями уже отражала централистские тенденции нового периода. В этих территориях были назначены расы и губернаторы из центра, однако им не были предоставлены никакие наследственные феодальные права за исключением прав на дарованную земельную собственность в этих областях. Кроме того в ряде случаев из ведения расов и губернаторов были изъяты некоторые функции, например в районах военных поселений судебные функции поручались особым гражданским чиновникам.

Наиболее ярким проявлением феодальных порядков в новых областях была описанная выше система крепостничества— габар. При Менелике расами и губернаторами новых областей обычно назначались военачальники, руководившие завоеванием соответствующих областей. При этом, как правило, наряду с назначением абиссинских начальников сохранились и туземные органы и формы управления. Роль абиссинских прави-

телей сводилась к военной организации области, к «замирению» туземцев, к сборанию налогов и к управлению абиссинскими поселениями; все внутренние дела туземного населения продолжали регулироваться по-старому. Где до завоевания господствовали примитивные родовые отношения, там власть сохранилась в руках вождей родов и племен. В тех местах, где уже образовались более развитые формы государственности, там они были включены в абиссинскую государственную систему почти без изменения. Наиболее интересна в этом отношении Каффа, завоеванная Менеликом в 1897 г.

Каффа представляла собой монархию с относительно развитыми феодальными учреждениями, хотя и сохранившими значительные родовые пережитки. Во главе монархии стоял император. При нем состоял «большой совет» из семи представителей родовой знати, пользовавшийся широкими правами и придававший всему управлению характер аристократического режима/Государство делилось на 18 провинций, во главе каждой из них стоял начальник, носивший титул «вораби-рашо», в некоторых округах эта должность была наследственной. Во главе всех рашо стоял «катамо-рашо», нечто вроде канцлера; эта должность была наследственной в роде.

Абиссинцы, завоевав Каффу после ряда кровопролитных войн, уничтожили каффскую монархию и великий совет. Во главе Каффы вместо короля был поставлен абиссинский рас — завоеватель Каффы Вольде-Гиоргис. Все остальные звенья управления однако остались нетронутыми. Вораби-рашо, так же как и катамо-рашо, сохранили своя посты. Была сохранена даже должность «каффи-рашо» — губернатора коронных земель бывшего каффского императора. Но к каждому рашо, включая и катамо-рашо, был приставлен абиссинский чиновник, задача которого заключалась в контроле над сборанием налогов и охране «государственной безопасности». Эти чиновники не имели права вмешиваться во внутренние дела туземного населения, которые остались подведомственными туземным рашо.

Если в Каффе, завоеванной после ожесточенных войн, было введено двойное, абиссинское и туземное, управление, то некоторые области, мирно подчинившиеся Менелику, сохранили свою полную внутреннюю автономию, превратившись лишь в вассальные государства по отношению к Абиссинии. Такими государствами при Менелике были Джимма, Лека, Валлега. Позже к ним присоединились султанаты Аусса (1898 г.) и Виру в области Данакиль. Во всех этих областях сохранились местные султаны и местное управление. В Аусса и Виру, отделенных от Абиссинии Данакильской пустыней, власть негуса до сих пор остается чисто номинальной.

Наиболее значительным из этих государств была уже упомянутая выше Джимма, своеобразный вид феодально-торгового государства, игравшая роль торгового центра всего юга Абиссинии. Подчинение Джиммы Абиссинии было выгодно купеческому капиталу Джиммы, быстро распространившему свои операции на всю страну. Во главе Джиммы стоял султан, при нем был «диван» (совет) из виднейших феодальных и купеческих родов; все управление вплоть до султана было теснейшим образом связано с торговыми интересами, в частности с интересами работоторговли. Происходило тесное срастание купечества с феодалами-землевладельцами.

Автономия Джиммы представляла собой род соглашения между абиссинскими феодалами и торговым капиталом Джиммы. Она сохранилась почти в нетронутом виде до 1933 г. Лека и Валлега утратили свою автономию еще раньше.

Эти данные в некоторой мере иллюстрируют и национальную политику Абиссинии. Эта политика целиком строилась на той же феодальной основе: масса неамхарских национальностей и племен составляла низшую ступень феодальной социальной лестницы — крепостное и зависимое крестьянство и рабы. Это имело место не только в присоединенных областях, где был введен институт габаров, но и в основных областях, где социальный водораздел в известной мере совпадал с национальными различиями между амхар-

цами и галла. В этих провинциях галла являлись наиболее угнетенной и эксплуатируемой частью населения. Вместе с тем сохранилась и галласская феодально-племенная верхушка, часть которой постепенно ассимилировалась с амхарской феодальной верхушкой; некоторые галла даже занимали руководящие посты. Однако эти случаи не меняли господствующего положения амхарской феодальной верхушки.

В результате расширения границ Абиссинии при Менелике она включила в свои пределы целый ряд неамхарских народностей и племен. Национальная политика в этих районах, так же как и политика экспансии, отражала в первую очередь (хотя и далеко не исключительно) интересы абиссинских феодалов—проводников этой экспансии, — т. е. стремление к расширению феодальной эксплуатации. Введенный в этих областях институт габаров, военные поселения, вся система управления, вплоть до сохранения на местах старых туземных вождей, иногда даже получавших генеральские титулы, были выражением классовых интересов абиссинской феодальной верхушки. Эта система помимо «легальных» форм эксплуатации открывала широко дорогу всяким нелегальным и полунелегальным формам грабежа и эксплуатации туземного населения амхарскими правителями, чиновниками и офицерами. Это, как мы уже показали, выражалось и во всяких незаконных поборах и вымогательствах, в присвоении земли, скота и наконец в участии в нелегальной работорговле.

Феодальное варварство тормозило хозяйственное развитие страны. Феодально-крепостнический гнет ложился тяжелым бременем на население, в особенности на неамхарское население Абиссинии. Однако не приходится принимать всерьез те преувеличения, в которых ныне изошряются итальянские фашистские пропагандисты, утверждающие, что абиссинцы превратили все присоединенные области в пустыню. Согласно итальянским «данным», население Каффы в результате увода в рабство сократилось с 1,5 млн. до 20 тыс. чел. Подобными утверждениями нельзя оперировать уже потому, что в Каффе не было никакой статистики ни

до завоевания, ни после него. Поэтому нельзя проверить и утверждения английских источников о том, будто население Каффы сократилось «только» наполовину. Зато нам известно, что в Ливии (Триполитания), где до итальянского завоевания в 1911 г. насчитывалось более миллиона (до 1,2 млн.), сейчас имеется всего лишь 680 тыс. чел. В Ирландии в первой половине XIX в. насчитывалось 8 млн. населения, а к началу XX в. осталось меньше 4 млн. Туземное население Австралии, некогда занимавшее весь остров, сейчас насчитывает не более 20 тыс. чел., а миллионы североамериканских индейцев исчезли под натиском «культурных» колонизаторов. Тот факт, что в настоящей войне неамхарские племена, особенно на окраинах, выставили десятки тысяч вооруженных бойцов, рост таких неамхарских центров, как Харар, Джимма, Дире-Дауа и др., в достаточной мере опорочивают итальянские «данные», имеющие своей задачей приукрасить открыто грабительский характер итальянской войны против Абиссинии.

Глава III

АБИССИНИЯ ПРИ МЕНЕЛИКЕ

ПРИ ФЕОДОРЕ усиливается наплыв иностранцев и устанавливаются более постоянные отношения с европейскими государствами, которые начали делать первые попытки обосноваться на побережье Красного моря. В 1859 г. узурпатор Негусие, ведший борьбу с Феодором, уступил Франции порт Зулу и два маленьких острова — Деси и Ауду; в 1862 г. французы купили у султана Обока порт Обок; в 1862 г. «частная» итальянская компания купила порт Ассаб для устройства угольной станции, который в следующем году перешел к более крупной итальянской паровой компании — Руббатино.

Уже в этот период намечаются противоречия и соперничество европейских держав в Абиссинии и попытки этих держав использовать внутреннюю борьбу в Абиссинии для утверждения в ней своего влияния. Борьба между Негусие и Феодором была в некоторой мере отражением борьбы между Францией и Англией. Франция воспользовалась этой борьбой для приобретения Зулу, обещав Негусие поддержать его доставкой оружия. Напротив, Англия в этот период поддерживала Феодора. Однако вся эта политика носила еще зачаточный характер, не выходя за пределы более или менее рискованных экспериментов. После взятия Магдалы Англия уже предприняла более серьезные шаги для закрепления своего положения в Абиссинии, выдвинув на престол своего ставленника и союзника раса Тигре Иоанна, которому лишь с помощью предостав-

ленной ему Нэпиром батареи горных орудий, мортир и ружей удалось победить своего соперника — амхарского раса Гобазе.

Экспедиция Нэпира совпала — и разумеется неслучайно — с открытием Суэцкого канала, внесшим коренное изменение в международное положение Абиссинии. Красное море стало одной из важнейших мировых артерий. Абиссиния была тем самым вовлечена в круг мировой политики. Европейские державы бросились наперерыв к африканскому побережью Красного моря, стремясь обосноваться на пути в Индийский океан; это вызывало необходимость в обеспечении абиссинского тыла. Даже Россию не миновала абиссинская «горячка». Некто Ашинов, ездивший в 1885 г. с миссией от русского правительства к Иоанну, добивался от последнего дарования большого участка земли для постройки монастыря под названием «Новая Москва». В 1888 г. Ашинов, получив крупную субсидию от московских капиталистов, соблазненных перспективой торговли с Абиссинией, при поддержке русского правительства, мечтавшего о создании антианглийской и антитурецкой базы в Красном море, снарядил экспедицию на побережье, насчитывавшую до 200 казаков и священников, и высадился в Сагалло (порт в Таджурском заливе), решив превратить этот порт в базу для дальнейших операций. Однако предприятие Ашинова кончилось бесславно: французы, претендовавшие на весь Таджурский залив, бомбардировали русскую колонию и принудили ее к сдаче.

Италия еще в 1885 г. заняла Массауа, принадлежавший до того Египту, заставив уйти египетского губернатора и гарнизон. Захват Массауа дал в руки Италии порт, служивший в течение столетий главным пунктом внешней торговли Абиссинии. Массауа был занят Италией как раз в тот момент, когда Менелик — тогда еще король Шоа — вел переговоры с англо-египетскими властями о передаче порта Абиссинии. Занятие итальянцами Массауа наносило смертельный удар надеждам Абиссинии на получение доступа к морю. Порт Ассаб, принадлежавший итальянской пароходной компании, еще в 1882 г. перешел в руки итальян-

янского правительства. В 1885 г. итальянцы распространились по всему побережью нынешней Эритреи. В 1881 г. французы обосновались в приобретенном еще ранее Обоке, продолжая расширять свои владения на сомалийском побережье, а в 1888 г. заняли Джибути. Англия с 1884 по 1888 г. обосновалась в нынешнем, британском Сомали, заняв Зейлу и Берберу. Первым последствием этой политики империалистов были захват ими контроля над всей внешней торговлей Абиссинии с восточными соседями и лишение ее перспектив на получение свободного выхода к морю. Вторым последствием было начало продвижения империализма (в частности итальянского) в глубь страны и созданная этим угроза независимости Абиссинии. Продвижение от побережья внутрь страны имело своей задачей; обеспечить тыл, с одной стороны, и «открыть» Абиссинское плоскогорье для европейского капитала, с другой. Оно было связано с общей борьбой за раздел Африки и усиливалось по мере того, как сокращалась еще не захваченная часть африканского материка. Поэтому стало неизбежным возникновение вокруг Абиссинии серьезнейших противоречий в лагере империалистических держав.

В 1879 г. Египет снарядил экспедицию в Абиссинию через Массауа, закончившуюся полным поражением египетской армии. Однако еще в 1875 г. египтяне заняли Харар, до того формально независимый эмират на подступах к Шоа. В 1884 г., после оккупации Египта англичанами и махдистского восстания в Судане, египтяне согласно решению Англии эвакуировали Харар, который в 1887 г. был занят войсками Менелика, тогда шоанского короля, под руководством раса Мако-нана (отца нынешнего негуса).

Разумеется, потуги египетского хедива Исмаила вести великодержавную политику не представляли серьезной опасности для Абиссинии. Гораздо более серьезную угрозу означало начавшееся с 1886 г. итальянское продвижение в глубь страны, приведшее уже в следующем (1887) году к битве при Догали, после которой итальянцы были вынуждены эвакуировать большую часть занятой территории и вернуться в Массауа.

Однако в 1888 г. итальянцы заключили договор с крупнейшим правителем данакильских племен султаном Аусса, по которому последний признал над собой протекторат Италии; в том же году итальянцы заняли Асмару и другие территории на севере, всегда входившие в состав Абиссинии. В 1889 г. Италия подписала с Менеликом договор в Учали, который она рассматривала как установление своего протектората над Абиссинией и как прекращение существования Абиссинии в качестве самостоятельного государства¹. В последующие годы Италия консолидировала свое господство в Эритрее, а в 1894 г. заняла Касалу в восточном Судане.

Итальянское продвижение углубило междуимпериалистические противоречия. Слабый итальянский империализм, не представлявший в то время вполне самостоятельного фактора, не мог выступить на арену без санкции английского империализма. Занятие Массауа, послужившее исходным пунктом усиления итальянской политики в Абиссинии, произошло, с прямого соизволения и при непосредственной поддержке Англии. Массауа в то время принадлежала Египту, который находился под фактическим управлением Англии. Уступая Италии Массауа, Англия хотела заручиться союзником в борьбе с суданской империей Махди, угрожавшей английским владениям в Египте. Взятие столицы Судана — Хартума — махдистскими повстанцами произошло за несколько месяцев до оккупации Массауа итальянцами. Вначале Массауа была обещана англичанами абиссинцам в награду за участие в войне против махдистов. Занятие Массауа итальянцами освободило Англию от выполнения этого обещания и обеспечивало ей помощь Италии против махдистов. Борьба с Махди была руководящей идеей английской политики в этой части Африки. Вместе с Италией Англия усиленно вовлекала в антимохдистский фронт и Абиссинию, помогая негусу Иоанну в борьбе с Суданом. До-

¹ В известном английском ежегоднике «Statesman's Yearbook» за 1892 г. Абиссиния внесена под рубрику «Италия» в качестве итальянского протектората.

пустив Италию к занятию Массауа, Англия стремилась столкнуть итальянцев с махдистами и в этих целях поощряла итальянскую экспансию на восток, по направлению к Кассале в Судане, которая была занята Италией после упорного боя с махдистами. Пока Судан находился в руках махдистов, Англия ничего не имела против «мирного» проникновения Италии в Абиссинию, установления в ней итальянского протектората «мирным путем». В 1891 г. Англия согласилась на такое размежевание сфер влияния с Италией, по которому вся Абиссиния была включена в итальянскую сферу влияния, признав тем самым итальянское толкование договора от 1889 г. Но попытки Италии установить свою гегемонию в Абиссинии военными методами уже выходили за пределы английских планов, так как это отвлекало абиссинские силы от борьбы с Махди. Англия не поддержала итальянской политики военной экспансии в Абиссинию (в частности в Тигре, составлявшем до 1889 г. непосредственное феодальное владение негуса Иоанна, английского ставленника), что привело к известной изоляции Италии, стимулировав сопротивление Абиссинии.

Если у Англии и Италии имелись в Абиссинии некоторые общие задачи, то интересы обеих держав находились в резком противоречии с интересами Франции. Итало-французские противоречия в Абиссинии были связаны с общим обострением итало-французских отношений после занятия Францией Туниса в 1881 г. Франция, обосновавшись в Джибути, стремилась оттуда открыть себе путь к экономическому и политическому «освоению» центральной части Абиссинии, чему препятствовала экспансионистская политика Италии, которая имела своим объектом не только север, но и восток Абиссинии, Харар. Поддержка, оказанная Францией Менелику во время итало-абиссинской войны 1896 г., отражала остроту итало-французских противоречий. С другой стороны, Франция рассматривала экспансию в Абиссинию как необходимый этап на пути к созданию великой африканской державы поперек всего африканского материка -- от Атлантического до Индийского океана, от Дакара до

Джибути. В этом грандиозном проекте Абиссиния фигурировала как «союзник» и как необходимое орудие. За несколько дней до прихода экспедиции Маршана, двигавшейся с запада, в Фашоду, абиссинские войска раса Тасаммы, в рядах которых находились французские и русские офицеры, достигли Белого Нила, подняв на нем абиссинские и французские флаги. Абиссинские отряды побывали и в самой Фашоде, и только недостаточная согласованность в действиях помешала соединению французских и абиссинских войск. Но в этом пункте интересы Франции вступили в крайне резкий антагонизм с интересами Англии, ставившей своей целью завладение всем течением Белого Нила и создание *британской* трансафриканской империи от Каира до Кэптоуна, противопоставляя ее планам *французской* трансафриканской империи от Дакара до Джибути.

После итало-абиссинской войны и Фашоды междуимпериалистические отношения вокруг Абиссинии вступают в период «мирной» экономической конкуренции: борьбы за концессии, за железную дорогу, за овладение рынками, за «освоение» естественных ресурсов страны. Острота противоречий, выявившаяся в предшествующий период, и сила сопротивления, оказанного Абиссинией внешней агрессии империализма, временно отодвинули вопрос о военном захвате Абиссинии или установлении над ней формального протектората. Абиссиния отстояла свою политическую независимость перед лицом враждующих между собой империалистических захватчиков. Однако она не смогла избежать превращения в экономическую колонию империализма, т. е. в страну полуколониальную.

Международные события начала XX в., в частности обострение англо-германских противоречий, отодвинули несколько на задний план противоречия между Англией, Францией и Италией в абиссинском вопросе. Попытка Германии сыграть на этих противоречиях и добиться экономического и политического влияния в Абиссинии ускорила соглашение трех держав в 1906 г. о разделе Абиссинии на «сферы влияния». Внешнеполитический переплет, в который Абиссиния попала в конце XIX и начале XX в., естественно оказал глу-

Улица в Хараре

бокое влияние на внутренние процессы в самой Абиссинии, на расстановку и передвижку социальных сил в стране. Вторжение капитализма вызвало ускорение разложения натурального хозяйства, более усиленное внедрение денежных отношений, известный рост товарности сельского хозяйства, некоторые продукты которого (например кожи, кофе) стали предметом вывоза. В первую очередь оказались втянутыми во внешний товарооборот феодалы, которые, получая натуральную ренту от крестьянства, сосредоточили в своих руках известные товарные запасы.

Открытие внешних рынков вызвало усиление эксплуатации крестьянства и стремление феодальных элементов к расширению сферы этой эксплуатации. Вместе с тем выросло значение торгового капитала, вначале в роли агента при феодалах, владевших товарными запасами; но постепенно торговый капитал начал играть относительно самостоятельную роль во внутреннем товарообороте, возросшем в связи с ослаблением феодальных междоусобиц, политическим объединением страны, ростом некоторых городских цент-

ров и т. д. Во внешней торговле местный торговый капитал выступал как посредник между местными производителями и потребителями и крупными европейскими, индусскими, армяно-греческими экспортно-импортными фирмами. Эту посредническую роль выполняли странствующие нагади, распространившие свои операции по всем местам, куда они могли проникнуть на своих мулах. В руках местного торгового капитала находилась караванная торговля с Суданом.

Связь феодально-помещичьих элементов с возрасставшим товарооборотом выражалась также и в финансировании торговцев — абиссинцев, армян, греков и арабов -- путем выдачи ссуд. Накопившиеся в течение столетий запасы серебра были пущены в обращение. Многие туземные и иностранные купцы вели свои дела на деньги феодалов—почти единственных монополистов местных капиталов. Сам Менелик II и его двор усиленно занимались этими ссудными операциями, способствовавшими росту торговобуржуазной верхушки.

Эти экономические сдвиги не могли не отразиться и на внутрэнсоциальных отношениях. Русский гвардейский поручик Булатович отмечал в 1897 г:

«Нагади—рас—молодой, очень деятельный и живой человек и принадлежит к нарождающемуся в Абиссинии классу дельцов, представляющему совершенный контраст с господствующим до сих пор типом абиссинских начальствующих лиц. Эти «новые люди», познакомившись с европейцами, переняли у них много хорошего, усвоили их энергию, открытость и доступность в обращении, не считая нужным, как люди старого закала, ради поддержания своего авторитета принимать важный вид, сокращать свою речь до минимума и т. п. Таких людей я встречал преимущественно среди торгового класса, но заметил то же движение и в других слоях населения. Сам император Менелик и его передовые сподвижники принадлежат к этому новому типу»¹.

Это свидетельство чрезвычайно ценно, оно прямо

¹ Булатович, С войсками Менелика II.

подтверждает, что Менелик и его непосредственное окружение представляли уже в некотором отношении новые социальные силы, втянувшуюся в товарооборот феодальную верхушку, с одной стороны, и торгово-капиталистическую верхушку, с другой.

Удельный вес этих слоев был, разумеется, совершенно неодинаков. Торговый капитал лишь зарождался в недрах феодального общества. Все военные, политические и экономические ресурсы находились в руках феодалов. Режим Менелика *непосредственно* выражал интересы втянутой в товарооборот феодальной верхушки, до некоторой степени учитывая потребности и торговой буржуазии, которая, как мы уже указали, в то время представляла собой в значительной степени лишь торгового агента феодальной верхушки. Вся внутренняя и внешняя политика Менелика проходила под знаком укрепления господства и гегемонии указанной выше категории феодалов. Особо привилегированное положение занимала та шоанская военно-феодальная прослойка, которая выросла на дрожжах менеликовских походов и завоеваний и которая вскоре затмила старую, родовую знать провинций, оставшуюся в стороне от новых политических, экономических и культурных веяний. Эта прослойка содержала известное количество «разночинцев»: захудалых помещиков, торговцев, писарей и даже бывших рабов и военнопленных (например всемогущий рас Балча). Это «новое дворянство» заняло господствующее положение в государстве. Именно эта прослойка сумела возглавить борьбу Абиссинии за независимость и за государственную консолидацию в обстановке надвинувшейся вплотную угрозы захвата страны империалистами.

Внешняя политика Менелика представляла собой искусное лавирование и использование империалистических противоречий для защиты независимости Абиссинии. Относительный характер самостоятельности внешней политики Менелика выразался в смене внешнеполитических ориентации, каждая из которых, взятая отдельно, была связана с известными уступками а экономической области (концессии). Менелик начал с итальянской ориентации, нашедшей свое выражение

в известном договоре 1889 г., согласно которому к Италии переходил контроль над внешними сношениями Абиссинии (пункт 17) и Италия получила преимущество при выдаче концессий иностранцам на территории Абиссинии (пункт 18). Согласно дополнительной конвенции к Италии в виде гарантии уплаты процентов и погашения основного капитала по предоставляемому Менелику займу переходили доходы харарской таможни—крупнейшей хозяйственной артерии страны. Учальский договор закрепил за Италией Эритрею, включая и основные абиссинские земли. Впоследствии Менелик разошелся с итальянцами в толковании пункта 17 Учальского договора, который в амхарском тексте предусматривал лишь *право* Менелика обращаться к услугам Италии как посредника во внешних отношениях, а не *обязательство*, как то вытекало из итальянского текста договора. В течение длительного времени до и после подписания договора Менелик пользовался поддержкой Италии в борьбе за власть в Абиссинии и за расширение границ Абиссинии на юге. Сообщая главе итальянского правительства Криспи о передаче Менелику (тогда еще шоанскому королю) большой партии оружия в качестве подарка итальянского правительства, итальянский представитель граф Антонелли писал: «В Шоа мы имеем дружественного короля, который, если мы будем продолжать помогать ему, обладает всеми возможностями занять трон короля королей и который нас щедро вознаградит за то, что мы сейчас сделаем для него».

Выбрав удобный момент и формально опираясь на расхождение между амхарским и итальянским текстами договора, Менелик потребовал аннулирования пункта 17 договора. С итальянской стороны были выдвинуты компромиссные предложения: предлагалось заключение дополнительной конвенции, согласно которой спорный пункт 17 отменяется, но Абиссиния «поручает итальянскому правительству гарантировать права, независимость и целостность абиссинской империи перед лицом держав». Однако Менелик отказался и от этого «поручения», следствием чего явились разрыв отношений, отмена договора, добровольный возврат Менели-

ком сумм, полученных в силу соглашения о займе, и наконец итало-абиссинская война.

Этот поворот в отношениях между Менеликом и Италией был связан с изменением внешнеполитической ориентации Абиссинии в сторону Франции. Франция, оказав помощь Менелику во время обострения итало-абиссинских противоречий, добивалась в виде вознаграждения наиболее выгодного для нее направления намечавшейся Трансабиссинской железной дороги, которая должна была соединить Абиссинию с морем. В качестве начального пункта дороги был намечен французский порт Джибути.

Концессия на дорогу, выданная советнику Менелика швейцарцу Ильгу, вскоре оказалась во французских руках, под контролем французского правительства. Выбор выхода к морю через Джибути и передача концессии Франции отдавали Франции контроль над наибольшей частью внешней торговли Абиссинии.

В связи с чрезмерным усилением французских позиций в Абиссинии Менелик в конце XIX в. вновь меняет свою внешнеполитическую ориентацию. Это изменение особенно наметилось после Фашоды, нанесшей сильный ущерб французскому престижу. Менелик берет курс на сближение с Англией, которая после покорения Судана охватывала Абиссинию с северо-запада, запада, юга и отчасти востока (британское Сомали). Сближение с Англией, создававшее противовес Франции, привело к соглашению 1902 г., по которому Абиссиния обязалась не производить никаких работ без согласия Англии в районе озера Тана, могущих изменить течение Нила.

В последние годы правления Менелика намечался некоторый поворот в сторону Германии, вступившей в непосредственные отношения с Менеликом в 1903 г., направившей в Абиссинию большое количество учителей, инженеров, врачей и пр., сыгравших роль германских политических агентов. В 1906 г. Германия установила в Аддис-Абебе постоянную дипломатическую миссию. Начавшаяся ориентация Менелика в сторону Германии выразилась в назначении германского поверенного в делах в Абиссинии советником абиссин-

ского правительства, заключенный в 1906 г. торговый договор с Германией предоставлял германским подданным полную свободу «пребывания, передвижения, торговли и промыслов» на территории Абиссинии. В Абиссинии появились германские концессии; германские товары начали вытеснять с абиссинского рынка товары других опередивших Германию стран. Однако действительный поворот в сторону Германии, лишь слабо намечившийся при Менелике, произошел уже при преемнике Менелика, в период империалистической войны.

Обзор внешней политики Менелика показывает, что искусное маневрирование между империалистическими Сциллами и Харибдами, благодаря которому Абиссинии удалось обеспечить свою политическую независимость, не могло избавить Абиссинию от превращения в полуконию империализма. Ни одна из держав, оказавшая Менелику помощь против своих империалистических соперников, не делала этого «даром». В результате получился тот парадокс, что период относительной внешнеполитической мощи Абиссинии совпал с ее экономическим подчинением европейскому империализму.

Англия обеспечила свои «права» в районе озера Тана и банковскую монополию (через Национальный банк Египта, получивший концессию на открытие своего филиала под названием Абиссинского банка). Франция овладела важнейшей хозяйственной артерией Жибути — Аддис-Абеба. Даже разбитая Италия получила крупную концессию на разработку горных богатств. В Абиссинии появились английские, германские, бельгийские, швейцарские и прочие концессионеры. Внешняя торговля Абиссинии оказалась монополизированной иностранным капиталом, и началось выкачивание естественных богатств.

Одним из важнейших мероприятий Менелика было расширение Абиссинии путем включения в нее целого ряда княжеств и племен, расположенных к югу, юго-западу и юго-востоку от основных абиссинских областей. Еще в годы 1883—1889, т. е. до прихода к власти во всеабиссинском масштабе, Менелик завоевал племена галла-тулама (1883 г.), харарский эмират (1887 г.),

который за несколько лет до того был эвакуирован Египтом, подчинил галлаское королевство Джимма. В следующие годы были завоеваны галлаское королевство Лека (1890 г.), королевство Воламо (1893 г.), Сидамо (1893 г.), были подчинены племена галла-аруссы (1895 г.), Огаден (от 1894 до 1897 г.) и в 1897 г. была завоевана Каффа и в том же году Гимирра. В 1898 г. была подчинена Аусса. В следующие годы Менелик закруглял свои владения.

Внешнеполитическое назначение этой экспансии заключалось в том, чтобы предотвратить использование этих племен и княжеств, занимавших подступы к Абиссинии, в качестве плацдарма для империалистического наступления на Абиссинию. При крайне низкой степени сопротивляемости этих племен, не знавших употребления огнестрельного оружия, их захват империалистами был бы совершенно неизбежным и создал бы величайшую угрозу для независимости Абиссинии. Перспективы развития этих территорий исчерпывались дилеммой: либо включение в состав Абиссинии, либо империалистическая кабала. Об этом свидетельствует хотя бы та откровенность, с какой Италия ныне выдвигает требование о передаче ей всех этих областей.

В то же время экспансия империи Менелика была результатом происходивших внутри страны социально-экономических сдвигов. Рост товарности сельского хозяйства, вовлечение—непосредственное и косвенное—феодальной верхушки в товарооборот вызвали стремление к расширению сферы эксплуатации, к захвату новых земель и новой рабочей силы. Для многих шоанских феодалов, особенно для тех сподвижников Менелика, которые вербовались преимущественно из средней и низшей ступеней феодальной иерархии и отчасти из «разночинцев» (крупные феодалы не могли относиться сочувственно к проводимой Менеликом политике централизации государства), завоевание и «освоение» новых территорий создавали возможность бурного и ускоренного «первоначального накопления», происходившего за счет богатств и труда завоеванных областей. Наконец и торговая верхушка не могла не

приветствовать расширения области своих торговых операций.

Успешное завершение Менеликом своей программы завоеваний объясняется не только превосходством абиссинцев в области организации и военной техники над разрозненными, слабыми и примитивными племенами, но и искусным использованием империалистических противоречий. Первые завоевания Менелика, совершенные до 1891 г. (Джимма, Тулама, Лека, Харар), были осуществлены при благосклонном сочувствии Италии и с помощью итальянского оружия. Рассматривая Менелика как своего человека, Италия видела в его завоеваниях, по признанию фашистской «Итальянской энциклопедии», «расширение сферы своего влияния». Включение всех этих областей в состав «абиссинского протектората» укрепляло позиции Италии перед лицом других держав, готовившихся к захвату этих территорий. Только после того как Италия убедилась, что Менелик «работает» не на нее, а на себя, она изменила свою оценку его завоеваний. Об этой первоначальной позиции Италии не мешает напомнить сейчас, когда она мечет громы и молнии против «незаконной» абиссинской экспансии при Менелике.

Последующие завоевания Менелика были осуществлены при поддержке Франции и ее союзницы России, снабжавших Менелика оружием, инструкторами, военными руководителями. Февр, Артамонов, Булатович фактически руководили действиями абиссинской армии, в то время еще совершенно лишенной обученных офицеров. Цели, преследовавшиеся Францией, были нами указаны выше. Таким образом Менелик сумел использовать междуимпериалистические противоречия не только в целях сохранения политической независимости Абиссинии, но и в целях максимального расширения ее границ.

Во внутренней политике основной задачей Менелика было преодоление политической раздробленности страны и создание подлинно централизованного государства. Эта задача отвечала интересам желающих торговать феодалов и купеческой верхушки, стремившихся покончить с хронической феодальной между-

усобицей и самоуправством местных владетелей, разрушавшими производительные силы страны и препятствовавшими нормальному ходу торговли. Вокруг этой задачи объединились и те феодальные элементы, которые видели во внутренней консолидации и централизации единственное средство спасения независимости Абиссинии. Политика централизации помимо всяких других соображений отвечала интересам шоанских феодальных элементов, связанных с центральным правительством, прежде всего многочисленной родни негуса и императрицы Таиту.

Наконец — это было наиболее важным моментом в условиях начавшегося разложения вековых устоев феодализма и роста денежных отношений — только сильная централизованная власть могла обеспечить подавление крестьянских движений — этих неизбежных спутников кризиса феодализма, — сохранение и усиление эксплуатации крестьянства в соответствии с возросшими потребностями и аппетитами феодальной верхушки.

И в своей политике централизации Менелик при случае использовал империалистические противоречия. Самый захват власти Менеликом был результатом стовора с итальянским империализмом, противопоставившим Менелика антиитальянски настроенному негусу Иоанну, ставленнику Англии. Во время войны с Италией Менелик даже не остановился перед тем, чтобы дать возможность Италии разбить расов Тигре — наиболее непокорных ему абиссинских феодалов, стремившихся к восстановлению своего бывшего привилегированного положения при Иоанне (во главе Тигре стоял рас Мангаша, сын Иоанна), — вступив в войну уже после того, как силы тигрейцев были ослаблены и большая часть Тигре (Адуа, Адиграт, Макалле) была оккупирована итальянцами.

Политика Менелика в отношении местных крупных феодалов сводилась к подавлению всяких сепаратистских попыток. Путем ряда войн и экспедиций он усмирил годжамского раса Текла-Хайманота, раса Валло — Микаэля, расов Тигре — Мангаша и Абата, султана Ауссы. Авторитет центрального правительства был утверждён с помощью вооруженной силы. Принцип

назначения правителей областей из центра получил общее признание. Однако Менелик в ряде случаев для избежания дальнейших обострений с местными феодальными элементами оставлял на местах при условии полного признания его авторитета старых наследственных расов, продолжавших править, но уже не в силу наследственных прав, а в силу назначения из центра. Такие феодалы могли быть в любой момент лишены своих владений или перемещены в другие области, что практиковалось довольно часто. После смерти годжамского негуса Текла-Хайманота в 1901 г. Менелик спустя некоторое время передал Годжам его сыну Хайфо. Основная часть Тигре была отдана расу Сеюму, сыну восстававшего несколько раз и устраненного в конце концов раса Мангаша, внуку негуса Иоанна. Рас Микаэль был оставлен в Валло. Вместо восставшего султана Ауссы в 1900 г. был поставлен его племянник. С некоторыми—из старых феодалов были установлены родственные; связи: так, рас Микаэль женился на дочери Менелика и его сын лидж (принц) Яссу был даже намечен Менеликом в наследники престола. Особенное усердие в этой матримониальной политике проявляла императрица Таиту. Шоанские феодалы, соратники Менелика, направлялись преимущественно во вновь завоеванные области.

Назначение правителей на места не повлекло за собой однако существенных изменений в самом порядке управления. Новые правители наделялись теми же почти неограниченными полномочиями во внутренних делах своей области, как и старые наследственные правители. Внутренние таможи сохранились как один из основных источников местных доходов. Правда, прежние феодальные междоусобицы в общем прекратились (однако отдельные межплеменные столкновения, особенно среди галла и данакильцев, продолжались и при Менелике), что создало более благоприятную обстановку для экономической деятельности, но политическая обособленность районов не была преодолена. Все это свидетельствовало о чрезвычайно неглубоком, поверхностном характере внутренних реформ при Менелике, не опиравшихся еще на солидную и сплоченную

социальную базу. Буржуазное преобразование страны по существу находилось еще в эмбриональном состоянии.

Еще ничтожнее были реформы в области экономики и технического перевооружения Абиссинии. Правда, Менелик, выражая интересы торгово-феодальной верхушки, старался обеспечить торговые отношения, особенно внешние: он добился свободного вывоза из Абиссинии через Массауа; в своих посланиях европейским монархам он выражал надежду на то, что «христианская» Европа вернет когда-нибудь Абиссинии выход к морю. Менелик предпринял кое-какие дорожные работы, ввел в Абиссинии телефон и телеграф, что должно было сыграть свою роль и в деле централизации государства и в деле усиления его обороноспособности. Особое значение придавалось Менеликом строительству железной дороги Джибути — Аддис-Абеба.

Однако Менелик ничего не сделал для самостоятельного экономического развития страны. Развитие страны пошло по линии раздачи концессий, преимущественно по разработке естественных богатств, т. е. по линии полукOLONиального развития. Проявляя лично огромный интерес к технике, Менелик ничего не сделал для внедрения новой техники в хозяйство страны. Все эти вопросы лежали вне кругозора феодальной верхушки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АБИССИНИИ

ПОЛИТИКА Менелика не разрешила ни одной из внутренних и внешних проблем Абиссинии. Формальная политическая независимость страны была куплена ценой потери экономической независимости. Централизация государства в конечном итоге свелась к насаждению новых феодалов, неограниченных хозяев на местах, которые при ослаблении нажима из центра вновь превратились в полунезависимых владетелей; задачи экономического и технического развития не были разрешены. Для трудящихся масс, для закрепощенного крестьянства большинство реформ Менелика обернулось лишь одной стороной: усилением налогового гнета и феодальной эксплуатации. Феодально-крепостнические отношения в деревне не только были сохранены, но и усилены, с одной стороны, введением института габара в присоединенных районах, а с другой стороны, ростом заинтересованности феодалов, вовлеченных в торговлю, в увеличении феодальных повинностей и наконец ростом требований со стороны центрального правительства.

Не разрешив ни одной из проблем буржуазного преобразования Абиссинии, политика Менелика все же способствовала некоторой кристаллизации антагонистических социальных сил, некоторому размежеванию политических тенденций среди имущих классов и вовлечению в борьбу более широких народных масс, пришедших в движение под влиянием кризиса феодальных отношений. Брожение в массах нашло свое

выражение в спорадических выступлениях крестьянских и солдатских низов.

В последние годы правления Менелика политическая борьба среди абиссинской верхушки, естественно, обострилась в связи с вопросом о преемнике. На этой основе оформились три группы, претендовавшие на господство.

Во-первых, староабиссинская партия. Она объединила шоанских феодалов «старого покроя» и сподвижников Менелика, засевших в качестве правителей в присоединенных провинциях и потерявших всякую заинтересованность в дальнейшем развитии реформ. Для этой группы феодалов основное значение деятельности Менелика заключалось в установлении гегемонии шоанских феодалов в Абиссинии и в предоставлении им монополии грабежа своего и чужих народов. Прикрываясь именем Менелика, эта группа по существу имела в виду лишь консервативно-реакционную, феодальную сторону его деятельности. Одним из главных вождей этой группы был Хапте-Гиоргис, галла, крупнейший феодал, правитель огромной территории, военный министр при Менелике, хваставшийся тем, что он ни разу в своей жизни не видел железной дороги. К этой партии примыкало также высшее духовенство во главе с митрополитом Матфеем, составлявшее оплот реакции. Она группировалась вокруг императрицы Таиту, чрезвычайно энергичной и ловкой женщины, оказывавшей огромное влияние на Менелика и использовавшей это влияние для того, чтобы поставить своих родственников во главе целого ряда областей и на высшие государственные должности.

Во-вторых, младоабиссинская партия, представители которой получили от староабиссинцев презрительную кличку «чернопиджачников» за свое пристрастие к европейским внешним формам жизни. Эта партия представляла более прогрессивную часть феодально-помещичьих кругов, втянувшуюся в торговые операции, и абиссинскую торговую буржуазию. К этой партии, естественно, тяготели и нарождавшаяся абиссинская интеллигенция И пока еще немногочисленные национально-революционные элементы, которым при

крайней слабости массового движения участие в младоабиссинском движении представлялось как единственная возможность выхода на политическую арену. Наиболее активными деятелями этой партии были абиссинцы, получившие образование в европейских школах. Она группировалась вокруг Тафари Маконне — на, родственника Менелика, сына одного из наиболее видных деятелей менеликовского периода — раса Маконнена. В своей программе эта партия подчеркивала прогрессивную сторону деятельности Менелика, требуя ее дальнейшего развития.

Наконец третий центр группировал вокруг себя обойденные нешоанские феодальные элементы, отнесенные от правительственного пирога, торговую буржуазию неамхарских мусульманских районов, верхушку подчиненных племен (сомалийцев, данакильцев и др.), недовольную менеликовскими правителями и губернаторами.

«Лидером» этой партии обиженных был рас Микаэль, галла, вначале ведший в качестве правителя Валло ожесточенную борьбу с Менеликом, но потом амнистированный последним, оставленный во главе провинции Валло и даже получивший в жены дочь Менелика. Сын от этого брака, подросток лидж Яссу, был главным козырем этой партии.

На первой стадии борьба развернулась преимущественно между первой и третьей партиями. Младоабиссинцы оставались в тени. Сам Менелик назначил лиджа Яссу своим преемником, повидимому не из каких-либо партийных побуждений, а из чувств личной симпатии к даровитому внуку. В связи с уходом Менелика от дел регентом и воспитателем юного принца был назначен рас Тасама, один из сподвижников Менелика, принадлежавший к партии императрицы и в то же время высказывавший известное сочувствие и «модернизаторской» программе младоабиссинцев. Фактически вершительницей дел оставалась императрица Таиту. Младоабиссинцы ограничивались в то время преимущественно пропагандой своих взглядов. В 1910 г. в Аддис-Абебе имела подпольное хождение напечатанная за границей анонимная брошюра «О поисках и

нахождении правильного пути в целях укрепления хорошего управления народом и страной». Партия обойденных феодалов заигрывала с массами, используя начавшееся среди них брожение, направляя недовольство масс против своих политических противников. Лидж Яссу разыгрывал «демократа», общался с крестьянскими низами, добываясь популярности в массах в качестве «мужицкого» негуса, что ему отчасти удалось. Разумеется, эта демагогия ни в малейшей мере не меняла реакционного характера этой группировки.

Создавшееся положение неустойчивого равновесия не могло оставаться длительным. В 1910 г. сторонники Яссу произвели дворцовый переворот, результатом которого были отстранение от власти императрицы и дочери Менелика Заудиту и переход власти к стороннику лиджа Яссу. В следующем году регент Тасама умер от яда. Партия Яссу вынуждена была согласиться на образование регентского совета с участием виднейших феодалов и духовенства, в котором руководящее влияние все же принадлежало партии императрицы. Входившие в эту группу крупнейшие феодалы сосредоточили в Аддис-Абебе свои феодальные дружины. Это привело к новому перевороту 1913 г. Лидж Яссу во главе со своими сторонниками взял штурмом дворец, в котором засели его противники; Таиту вместе с совершенно парализованным Менеликом была вынуждена скрыться в подвале. Этот переворот и смерть Менелика, последовавшая через несколько месяцев, временно решили вопрос в пользу лиджа Яссу, который занялся усиленным продвижением к власти на местах своих сторонников; отец Яссу, рас Микаэль, получил титул негуса.

Начавшаяся империалистическая война усугубила остроту внутривнутриполитической борьбы в Абиссинии, поставив ребром вопрос о внешнеполитической ориентации. Лидж Яссу, связанный с мусульманской торговой буржуазией, с мусульманскими племенами на юге, сомалийцами и данакильцами, соплеменники которых находились под пятой английских, французских и итальянских империалистов, склонялся в сторону Турции к

Германии, недвусмысленно подчеркивая свои симпатии к четверному союзу. Германско-австрийская и турецкая миссии в Аддис-Абебе развивали энергичную деятельность с целью втянуть Абиссинию в войну. Нападение Абиссинии на Судан, на Эритрею, на Сомали и Кению составило бы серьезнейшую угрозу для позиций стран Антанты в Африке.

Однако этот удар был предупрежден благодаря сговору Антанты с двумя враждебными Яссу партиями — староабиссинской и младоабиссинской, сговору, который был облегчен издавна установившимися экономическими связями абиссинской торгово-феодальной верхушки со странами Антанты и культурными связями младо абиссинцев с Францией. Младоабиссинцы, давнишние сторонники англо-французской ориентации, объединились при ближайшем участии держав Антанты с представителями партии консервативных шоанских феодалов и реакционного духовенства в целях свержения Яссу. В этой борьбе было пущено в ход влияние духовенства, относившегося резко враждебно к Яссу в связи с явным предпочтением, которое он отдавал исламу перед христианством, и особо тесной близостью его с мусульманскими элементами.

В 1916 г. в отсутствие Яссу, отправившегося в Харар с целью сменить харарского губернатора Тафари Маконнена, в Аддис-Абебе сконструировалась новая власть во главе с вновь коронованной императрицей Заудиту, дочерью Менелика, и Тафари Маконненом в качестве регента и наследника престола. Новая власть немедленно получила признание держав Антанты. Лидж Яссу пытался мобилизовать население Харара и Огадена против нового правительства и занял железную дорогу у Дире-Дауа, но потерпел неудачу и вынужден был очистить Харар, занятый правительственными войсками. Выступление раса Микаэля, двинувшегося во главе сильной армии к столице и занявшего Анкобер, закончилось его полным разгромом.

Однако эти победы ещё не означали конца борьбы. Лидж Яссу, скрывавшийся в течение нескольких лет, попытался опереться в своей борьбе на феодалов Тигре, используя давнишнюю вражду между Тигре и

Шоа. Появление Яссу в Тигре было повидимому связано с итальянскими планами, пытавшимися противопоставить его Тафари Маконнену как стороннику французской ориентации и получить от лиджа Яссу признание итальянских притязаний в Абиссинии. В 1916—1917 гг. Италия в награду за поддержку, оказанную Тафари против Яссу, добилась от последнего обещания «реорганизовать» управление Тигре в соответствии с итальянскими пожеланиями, в частности удалить из Тигре италофоба раса Сеюма. Но Тафари обманул надежды Италии, которые естественно обратились в сторону его противника лиджа Яссу.

Выступление лиджа Яссу соответствовало итальянским планам, строящийся на принципе «разделяй и властвуй». Ставка на антагонизм между Тигре и Шоа, политика раздувания этого антагонизма, является давнишней и постоянной политикой Италии в Абиссинии — от заговора с шоанским Менеликом против тигрейского негуса Иоанна, заговора с тигрейским расом Мангаша против Менелика в 1891 и 1896 гг. и до сговора с тигрейским феодалом Гукса против Абиссинии в последней итало-абиссинской войне. Одним из этапов этой политики является попытка Италии в 1920—21 гг. использовать лиджа Яссу и даже самого раса Сеюма, потомка Иоанна, который был назначен в Тигре при Менелике и отставки которого Италия добивалась еще в 1917 г., против центрального правительства и в целях расчленения Абиссинии. Однако эта ставка была бита. Рас Сеюм после некоторого колебания в конце концов взял сторону Тафари и выдал лиджа Яссу аддис-абесскому правительству. Тем самым был завершен один из важнейших этапов внутренней борьбы в Абиссинии.

На гребне гражданской войны 1916—1917 гг. к власти пришло правительство Заудиту — Тафари. Это правительство представляло собой своего рода коалицию старо-и младоабиссинской верхушки, составившуюся в целях борьбы с Яссу. Однако эта коалиция была лишена всякой принципиальной положительной основы. Вскоре после устранения опасности со стороны лиджа Яссу, с неизбежностью вырвались наружу

внутренние противоречия в правящем блоке, противоречия между староабиссинской партией, группировавшейся вокруг императрицы Заудиту, и младоабиссинцами, знаменосцем и лидером которых стал регент Тафари Маконнен.

Борьба обеих партий заполняет всю историю Абиссинии в течение 1920—1930 гг., обостряясь с каждым годом и достигнув наибольшего напряжения в 1928—1930 гг. Это прогрессирующее обострение внутренней борьбы является вполне естественным результатом развития страны за этот период. Известное внутреннее затишье после бурных лет гражданской войны, усилившийся приток иностранных капиталов, некоторый рост экономических связей (рост внешней торговли с 1 864 457 ф. ст. в 1912 г. до 2 822 852 ф. ст. в 1929 г.¹), причем рост импорта значительно перегнал рост экспорта, еще больший рост внутреннего обмена — все это способствовало увеличению удельного веса товарного хозяйства и ускоряло разложение феодальных отношений, по крайней мере в наиболее развитых районах страны, как районы Аддис-Абебы, Джиммы, Харара. Такое развитие страны объективно поддерживало программу реформы и модернизации, выдвигавшуюся младоабиссинцами, и усиливало приток в их ряды растущих буржуазных и обуржуазившихся элементов среди феодалов и интеллигенции. Но эти элементы, рвавшиеся к власти, наталкивались на все большее сопротивление староабиссинской партии, фактически монополизировавшей весь аппарат как в центре, так и на местах. С другой стороны, реформы, которые регенту все же удавалось проводить, пользуясь той властью, которая ему была предоставлена и которую он всячески старался расширить, вызывали резкое недовольство староабиссинцев, стремившихся во что бы то ни стало устранить регента, обвинявшегося ими в том, что он «продает страну ференгам» (европейцам). При таких условиях непрерывные трения, и столкновения были неизбежны.

¹ Эти цифры не включают торговлю с Эритреей, сильно выросшей за этот период.

Наконец — и это было наиболее важным — правящие группы испытывали растущее давление снизу крестьянских масс. Недовольство масс крестьянства режимом феодальной эксплуатации и увеличивающимися государственными повинностями, сдерживаемое в течение десятилетий железной рукой Менелика, вырвалось наружу уже вскоре после его смерти. Симптомом начавшегося движения были солдатские выступления 1918 г., когда солдаты, возмущенные продажностью и разложением высших правительственных органов, потребовали ликвидации министерств и ареста всего кабинета министров, состоявшего почти исключительно из староабиссинцев. Буржуазный деятель Рей, присутствовавший при начальной стадии реформ Тафари, считался тогда с возможностью того, что «оппозиция реформам потеряет свою силу и постепенно сойдет на-нет. Ибо хотя эта оппозиция и существовала, но могли появиться и другие влияния, меняющие положение. Не было недостатка в симптомах, свидетельствовавших о том, что не все довольны своей долей и что реформы не встретят такого общего сопротивления, как предполагалось. Шли слухи, что солдаты критиковали приказ военной экспедиции, что они открыто обсуждали вопрос об обращении с ними вождей и что вожди вынуждены прислушиваться к их голосу». В период, последовавший за переворотом 1916 г. и восстанием 1918 г., в стране стихийно образовались крестьянские и солдатские комитеты, которые выдвигали свои требования к правящей верхушке. Эти требования пока еще не касались самой основы феодального строя. Необходимость ломки всего строя феодальной эксплуатации еще не проникла в сознание масс. Речь шла об уничтожении паразитарных должностей, установлении фиксированного жалования чиновникам, запрещении спекуляции предметами первой необходимости, создании школ и организации бесплатного обучения. На собраниях комитетов раздавались резкие упреки по адресу министра земледелия, ничего не сделавшего для стимулирования и развития сельского хозяйства.

Случаи критики высших чиновников среди крестьянства и солдат становились все более частым явлением.

Младоабиссинцы, хотя в большинстве те же феодалы, но насчитывавшие в своих рядах также значительное количество разночинцев, некоторые демократические элементы и обладавшие более широким кругозором, прислушивались к настроениям масс, пытаясь мелкими реформами, не затрагивающими основ феодализма, предотвратить более серьезную угрозу для господства феодалов. Староабиссинцы, засевшие в замках со своими дружинами, удовлетворенные свержением «беспкойного» Яссу, заигрывавшего с низами, не склонны были уступать в чем бы то ни было, сопротивлялись всякой попытке подновить вековые устои феодализма и не согласны были идти дальше формального, внешнего государственного единства, установленного Менеликом. Среди староабиссинцев наиболее реакционную часть составляло духовенство, оберегавшее свои огромные владения и свое влияние в социальной и политической жизни.

Староабиссинцы срывали и саботировали все реформаторские попытки Тафари. Фактически в период до 1928 г. власть Тафари распространялась лишь на внешние сношения, а внутри страны — на его собственные феодальные владения в Хараре. Во всех других областях староабиссинские расы были неограниченными владыками, игнорируя распоряжения и законы, издаваемые Тафари. Программа младоабиссинцев в этот период была более чем скромна: речь шла об усилении и некоторой модернизации с помощью иностранных советников центрального аппарата, об ограничении произвола и независимости местных властей и феодалов, о некотором смягчении — весьма незначительном — наиболее грубых и резких форм рабства, крепостничества и национального гнета, об открытии школ европейского типа для детей феодально-купеческой знати, о некоторой европеизации быта. В области внешней и экономической политики проповедовались необходимость сближения с капиталистическими странами, умеренная политика концессий и в то же время мобилизация имеющихся национальных капиталов. Борьба за и против этой программы заполняла историю Абиссинии в период 1920—1930 гг.

Когда в 1924 г. Тафари Маконнен совершил путешествие в Европу, он взял с собой виднейших феодалов в качестве якобы почетного эскорта, в действительности же для того, чтобы предупредить возможный заговор против него во время его отсутствия. В 1926 г. после смерти главы староабиссинской партии, военного министра Хапте-Гиоргиса, Тафари удалось усилить свои позиции: он завладел регулярной армией центрального правительства, подведомственной Хапте-Георгису, а также огромными владениями бывшего военного министра, одного из крупнейших феодалов Шоа. Опираясь на армию, Тафари пытался несколько форсировать темп реформ. Это вызвало уже в начале 1928 г. восстание крупнейшего феодала юга Абиссинии, бывшего одним из наиболее приближенных лиц к Менелику, внуха Балча, правившего как независимый царек Сидамо и Огаденом, не платившего налогов и не показывавшегося в столице. В марте 1928 г. пяти-тысячная армия Балча расположилась на подступах к Аддис-Абебе; Балча предъявил Тафари ультиматум. Однако Тафари удалось разложить войска Балча, изолировать его и арестовать. Крушение Балча произвело огромное впечатление в стране, особенно в кругах староабиссинцев. Его непосредственным отзвуком была попытка переворота при участии гвардии императрицы во главе с Аба-Укаи, одним из членов партии императрицы, захватившим в сентябре того же года часть «Геби» (императорский городок в Аддис-Абебе). План заговорщиков заключался в захвате Тафари. Тафари, проявив большое личное мужество, мобилизовал свои отряды и своих сторонников, осадил повстанцев и принудил, используя посредничество Заудиту, убедившейся в неудаче переворота, заговорщиков к сдаче. Аба-Укаи был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. Результатом этой победы был огромный рост престижа и влияния Тафари, который получил титул негуса: сама Заудиту была вынуждена короновать своего противника. С 1928 г. фактическая власть уже перешла к Тафари.

В 1930 г. произошло новое реакционное восстание против Тафари. Во главе восстания встал рас Гукса,

один из бывших мужей Заудиту, ближайший родственник жены Менелика Таиту, бывший еще со времени Менелика правителем Багемедера. Лозунгом восстания было освобождение императрицы, «плененной» Тафари Маконненом. Гуксе удалось использовать и недовольство крестьянских масс, подняв их против Тафари. Некоторое время Гукса медлил с ответом на требование Тафари явиться к нему, стараясь выиграть время. Наконец Тафари двинул свои войска под командованием военного министра раса Мулугеты. В сражении при Зебите, где Тафари впервые использовал военную авиацию, войска Гуксы были разбиты, а сам Гукса убит бомбой, сброшенной с аэроплана. В Багемедер был направлен правителем дядя негуса — рас Касса.

На следующий день после победы Тафари скончалась Заудиту. Одновременно сошел со сцены один из виднейших членов партии императрицы, тигрейский рас Габре Селасие. Эти события внесли наконец ясность в положение. Тафари стал императором Абиссинии под именем Хайле Селасие.

Разумеется, победа Тафари (Хайле Селасие) не ликвидировала внутренней борьбы среди господствующей абиссинской верхушки; Ускорение хода реформ, с одной стороны, и растущая активизация масс — с другой, не могли не вызвать обострения этой борьбы, которая к тому же поощряется из-за границы, отражая подготовку империалистических захватов и взаимные империалистические противоречия, в первую очередь англо-итальянские противоречия. По мере того как негус все более открыто и последовательно склонялся к английской ориентации, Италия усиливала «обработку» всех оппозиционных элементов, преимущественно из среды местных рядовых феодалов, сохранивших свои наследственные посты в Тигре и Годжаме. В 1932 г. была вновь использована ставка на лиджа Яссу, но на этот раз, после неудачи попыток сговора с расом Сеюмом, в союзе с феодалами Годжама. Правитель Годжама Хайлю, махровый представитель староабиссинского феодализма, решил возглавить оппозицию против Тафари, вступив в зашифрованную переписку с заключенным Яссу, нахо-

дившимся под охраной раса Касса. Заговорщики освободили Яссу, который бежал в Ходжам. Однако планы заговорщиков были предупреждены, и роль Хайлю была разоблачена. Хайле Селасие немедленно принял меры: Аддис-Абеба была окружена военным и полицейским кордоном в целях недопущения бегства из столицы лиц, замешанных в заговоре. Рас Хайлю был смещен, арестован и предан верховному суду. Суд приговорил Хайлю к смертной казни, но последняя была заменена благодаря ходатайству высшего духовенства пожизненным заключением. Имущество Хайлю было конфисковано, его многочисленные рабы были освобождены. Еще до этого Яссу, скитавшийся по берегам Голубого Нила, был пойман и вновь водворен в свою «золотую клетку» (где он умер в конце 1935 г.). На место Хайлю был назначен один из ближайших помощников негуса, шоанец рас Имру. Смена наследственного правителя вызвала известное брожение среди шоанских феодалов. Один из сыновей Хайлю, Адмасу, пытался захватить Дебра-Маркос, столицу Годжама, который на время перешел в руки повстанцев, вынужденных однако капитулировать перед правительственными войсками. В 1933 г. в западном Годжаме произошло новое восстание сторонников Хайлю. Однако и это восстание было подавлено войсками негуса и Имру.

В настоящее время можно считать установленным обстоятельство, о котором в самый момент заговора нигде не упоминалось, а именно — причастность Италии к годжамским событиям¹. Италия действовала через консульство, содержащееся ею в Дебра-Маркосе исключительно в политических целях и располагавшее большим штатом, отнюдь не соответствовавшим его официальным задачам. Италия надеялась использовать влияние старинного феодального рода Хайлю, вербуя свою агентуру среди довольно значительного числа годжамцев, служивших в качестве наемников в рядах итальянской армии во время триполитанской войны 1911—1912 гг.

¹ Роль Италии разоблачена осведомленной арабской газетой «Falastin» от 27 августа 1935 г.

Весьма характерно, что вскоре после начала военных действий между Италией и Абиссинией, в октябре 1935 г., в итальянских газетах появились сообщения о восстании в Годжаме, вскоре умолкнувшие. Происхождение этой исключительной «осведомленности» итальянской прессы совершенно ясно. Италия несколько поторопилась оповестить мир о предполагавшемся, но тогда так и не состоявшемся результате своей «деятельности» в Годжаме¹.

В октябре 1934 г. вспыхнуло восстание в восточном Тигре, на итальянской границе, среди данакильских племен. Во главе восстания встал действительный или мнимый сын лиджа Яссу от данакильской наложницы. Подлинный источник этого восстания тоже ее может вызывать никаких сомнений.

Дальнейшее развитие внутренней борьбы в Абиссинии происходит в обстановке нависшей военной угрозы, а затем и вспыхнувшей войны.

¹ Долгожданное выступление в Годжаме состоялось лишь в конце декабря 1935 г., т. е. через два с половиной месяца по появлении сообщений о нем в итальянской печати. Выступление возглавлялось Гуэсесой, племянником низложенного раса Хайлю, состоявшим при Хайлю начальником одного из округов Годжамы. В 1932 г., после того как провал заговора Хайлю обозначился с полной отчетливостью, Гуэсеса быстро перекинулся на сторону негуса и выдал последнему лиджа Яссу, скрывавшегося на его территории. Благодаря этому он не только сохранил свое губернаторство после «изложения раса Хайлю, но даже расширил его. В начале войны Гуэсеса со своим отрядом был включен в армию нового годжамского раса Имру. В разгар ожесточенных боев в Тигре Гуэсеса со своими соратниками бежал с фронта и направился в Годжам с целью поднять восстание под лозунгом восстановления раса Хайлю. Однако эта попытка не встретила никакой поддержки со стороны населения. Гуэсеса был разбит войсками негуса на подступах к Дебра-Маркосу и спустя некоторое время взят в плен. Итальянская ставка на годжамских феодалов оказалась битой.

Глава V

РЕФОРМЫ В АБИССИНИИ

В ЭТОЙ сложной обстановке внутренней борьбы и постоянной внешней угрозы Абиссиния вступила на путь преобразования.

В период Менелика аппетиты феодалов и купеческой верхушки находили себе выход в расширении границ государства, в завладении новыми территориями и новыми источниками дешевой рабочей силы, в расширении сферы эксплуатации и сферы торгово-ростовщической деятельности. Движение вширь временно затормозило углубление буржуазных реформ. Завоевания омолодили было одряхлевший организм абиссинского феодализма, расшатанный внутренними и внешними процессами. Но эффект этого «лечения» не мог продолжаться вечно. Расширение границ достигло своего предела. Дальнейшее усиление эксплуатации крепостного крестьянства на старой производственной базе было уже невозможно. Об этом свидетельствовали и первые признаки глубокого недовольства крестьянских масс. При таких условиях не мог не встать вопрос о новых, более существенных по сравнению с менеликовскими, реформах, которые могли бы послужить стимулом к активизации хозяйственной деятельности и некоторому росту производительности крестьянского хозяйства путем смягчения наиболее хищнических форм крепостнической эксплуатации и уменьшения административно-налогового произвола, к открытию новых форм и способов вложения капиталов и извлечения прибыли феодально-торговой верхушкой.

Экономической основой этих реформ являлось медленное, но безостановочное складывание новых денежно-товарных отношений. Рост абиссинской внешней торговли не приостановился даже во время последнего мирового кризиса, хотя ценностное выражение вывоза сильно снизилось вследствие резкого падения цен на колониальное сырье. Появились первые промышленные предприятия в Аддис-Абебе, Адуа и некоторых других городах, кое-где стала налаживаться более рациональная культура хлопка и кофе. Рост таких городов, как Аддис-Абеба, Харар, Дире-Дауа, увеличивал емкость внутреннего рынка местной продукции сельского хозяйства и стимулировал известное развитие ввоза. Развилось отходничество из деревни в город. На улицах Аддис-Абебы и других городов появилась дешевая неквалифицированная рабочая сила гураре и других племен в качестве носильщиков, черно-рабочих при строительстве, рабочих по прокладке дорог и т. п. На железной дороге, на первых фабриках и заводах, в дорожном и жилищном строительстве появились первые, пока еще незначительные, пролетарские кадры Абиссинии. Хотя абсолютные цифры, характеризующие эти новые явления, весьма невелики, однако на фоне векового застоя эти сдвиги не могли не сыграть значительной роли, расшатывая устой феодальных отношений в стране.

Характерны те процессы, которые свидетельствуют о некотором переключении феодально-купеческой верхушки на новые формы экономической деятельности, разумеется, в узких рамках, допускаемых полуколониальным положением страны и скудостью капиталов.

Делаются первые попытки поставить самостоятельно на новых началах эксплуатацию естественных богатств страны, начать строительство национальной промышленности и т. д. Пример подает сам негус, вкладывающий свои капиталы в торгово-промышленные, горные и дорожно-транспортные предприятия. Появляются первые национальные акционерные торгово-промышленные общества, имеющие своей задачей концентрацию распыленных капиталов феодалов, куп-

цов и чиновников. Отдельные феодалы берут горно-промышленные и дорожные концессии. Эти явления свидетельствуют о процессе растущего обуржуазивания феодально-помещичьих элементов.

Абсолютные размеры и результаты этих процессов очень невелики. При полуколониальном положении Абиссинии, в условиях огромного экономического влияния империализма, задерживающего промышленное развитие колоний и полукolonий, не может быть и речи о широком и еще менее о самостоятельном развитии производительных сил страны. Но все же эти процессы приводят к известным социальным сдвигам в стране, стимулируя дальнейший ход младоабиссинских реформ.

В течение всего периода реформ Хайле Селасие гегемония в движении остается в руках феодалов, подчиняющих реформы задачам консолидации классового господства феодальных элементов в новых формах, отвечающих новым условиям. Верхушка туземной торговой буржуазии допускается лишь на второстепенные и служебные роли в управлении. Однако в области экономической политики влияние этой верхушки является довольно значительным. Обычно нагадрасы занимают посты министров торговли и финансов, начальников таможен и пр. Некоторые нагадрасы играют большую политическую роль в «Геби». Они участвуют и в идеологическом оформлении движения. Так, нагадрас Габра Хейват является автором трактата о «правительстве и публичной администрации». Весьма значительна политическая и идеологическая роль нагадраса Афеварка. Но купечество уже не удовлетворяется отводимой ему подчиненной ролью и требует расширения своего влияния. Во время патриотической демонстрации нагади в сентябре 1935 г. негус «обещал устранить обиды нагади, которым до сих пор предоставлялось лишь небольшое количество административных постов. Это обещание было принято с удовлетворением нагадрасами, т. е. главами сословия, обещавшими негусу полную военную поддержку»¹.

¹ «Times», 16/IX 1935.

Носителями реформ является следовательно прогрессивная часть феодалов, купечества и интеллигенции, причем гегемония в этом блоке принадлежит феодальным элементам. Среди непосредственных исполнителей и вдохновителей реформ имеется также немало количество «разночинцев», вплоть до детей рабов и бывших рабов крупных феодалов; некоторые из этих «разночинцев» занимают даже министерские посты. Демократические, мелкобуржуазно-интеллигентские элементы в младоабиссинском движении могут рассматриваться как зародыш будущей национально-революционной организации Абиссинии, появление которой несомненно будет ускорено последними событиями. Но в настоящее время политический удельный вес этих элементов еще весьма невелик; они значительно слабее староабиссинских феодальных элементов, которые отнюдь не отстранены от участия в управлении. Даже после окончания двоевластия Тафари—Заудиту и сосредоточения всей власти в руках первого староабиссинские феодальные сановники сохранили свои должности в центре и на местах. Подавляя выявляющиеся наружу признаки их недовольства, негус в то же время всячески стремится приручить старых феодалов (в том числе и духовенство), использовать их влияние, приспособить свои реформы к их интересам и идеологии, избегая резкого разрыва со старыми феодальными родами и лишь постепенно и по возможности безболезненно заменяя старых «зубров» своими сторонниками. Ибо сил одних младоабиссинцев недостаточно для создания прочной базы режима или даже для заполнения всех мест в государственном аппарате, о расширении же социальной базы путем привлечения масс, разумеется, не может быть и речи с точки зрения младоабиссинских феодалов. Отсюда — необходимость сохранения связи со старыми феодальными родами, сохранения староабиссинцев на ответственных постах. Стремление «уважить» староабиссинских феодалов чувствительно отражается на объеме и темпах реформ.

Программу-максимум реформ Хайле Селасие можно было бы охарактеризовать условно краткой формулой:

«японский» путь развития от полуколониальной страны к сильному современному государству. Этот путь состоит в сохранении феодальных аграрных отношений, приспособляемых к нуждам капиталистического развития, сохранении господства и гегемонии феодалов в форме полуабсолютистской монархии с сильной и независимой исполнительной властью, овладении европейской техникой, обеспечении независимости и завоевании равноправного положения в лагере «белых» держав (об империалистической экспансии по примеру Японии в Абиссинии конечно и не мечтают). Япония, ставшая из полуколониальной страны мощной мировой державой, властвует над думами младоабиссинских националистов. Некоторые абиссинцы увлекаются внешней аналогией между двумя современниками — Мутсу-хито (эра Мейдзи) и Менеликом, поборовшими феодальную раздробленность своих стран¹. Однако различия во внутренних и внешних условиях делают «японский» путь развития для Абиссинии чистойшей утопией. Современная Абиссиния находится на более низкой ступени развития производительных сил и культуры и располагает гораздо меньшими средствами, и предпосылками быстрого капиталистического развития, чем Япония накануне переворота Мейдзи с ее многомиллионным городским населением, в высоко развитом ремесле, с удобным для развития торговли географическим положением и значительными накоплениями капитала. Внешние условия развития Японии в эпоху Мейдзи были несравненно более благоприятными, чем внешние условия развития современной Абиссинии. Япония прошла свой путь к независимости в эпоху промышленного капитализма, а не в эпоху империализма, не будучи окружена со всех сторон владениями враждебных империалистических держав, опираясь на гораздо более многочисленное население и на гораздо большую этническую однородность населения, имея возможность вследствие больших финан-

¹ Эту аналогию проводит Херуи (о нем см. ниже) в своей книге, содержащей описание путешествия в Японию по поручению негуса в 1933 г.

совых ресурсов быстрее вооружиться до степени европейских держав. Наконец Абиссиния лишена «удобства грабить Китай» (Ленин), давшего Японии возможность ускорить свое капиталистическое развитие, сохранив в то же время феодальные отношения в деревне.

Абиссиния, как и другие полуколониальные и колониальные страны, будет искать других путей завоевания и обеспечения своей независимости и экономического развития, в корне отличающихся от грабительского «императорского пути» Японии, ныне использующей свой престиж как азиатской державы среди феодально-буржуазных элементов в колониальных странах для вящего закабаления своих «цветных» собратьев под соусом «паназиатизма», «объединения цветных народов против белых» и т. п.

Остановимся в немногих словах на внешней обстановке реформ Хайле Селасие (подробнее см. в гл. XIII). Эта внешняя обстановка характеризуется ростом экономического закабаления Абиссинии, ростом ее экономической зависимости от империалистических государств, выражающейся в концессиях, в монополизировании экспорта и импорта иностранным капиталом, Политическая независимость Абиссинии продолжает базироваться на использовании междуимпериалистических противоречий.

Вхождение Абиссинии в Лигу наций, сопровождавшееся усилением французского влияния (Франция была инициатором вхождения Абиссинии в Лигу наций, добившись его против воли Англии и Италии), вызвало временный сговор между Италией и Англией о разделе Абиссинии на сферы влияния, сговор, элиминировавший третьего партнера аналогичного соглашения 1906 г. — Францию. Поддержка, оказанная «обойденной» Францией абиссинскому протесту в Лиге наций против англо-итальянского соглашения, заставила Англию и Италию на словах отказаться от этого соглашения. В дальнейшем конфигурация держав в абиссинском вопросе подверглась значительным изменениям. Усиление итальянской агрессии достигает той ступени, при которой чрезмерное расширение и укрепление по-

зиций Италии в Абиссинии создавало бы серьезную угрозу интересам Британской империи — важнейшему имперскому пути через Красное море в Индию и английской хлопководческой базе в Судане и Египте. Господство над Абиссинией предоставило бы Италии огромное преимущество в грядущей войне за передел мира: опираясь на абиссинский плацдарм, Италия смогла бы блокировать выход из Красного моря, завладеть течением Голубого Нила, ударить в Судан, Кению, британское Сомали, Аден. Этот момент обуславливает собой обострение англо-итальянских противоречий вокруг Абиссинии, достигшее своей кульминационной точки в связи с нападением Италии на Абиссинию. С Яругой стороны, давнишний и традиционный «друг» Абиссинии Франция, вынужденная опираться на Италию в европейских делах, теряет значение самостоятельного политического фактора в абиссинском вопросе. Роль «защитника» независимости Абиссинии переходит к английскому империализму, видящему в этой независимости барьер против чрезмерной итальянской экспансии. Разумеется, эта «защита» имеет весьма условный характер. Во-первых, она дается недаром, во-вторых, она, как об этом свидетельствуют зигзаги политики Англии во время нынешней итало-абиссинской войны, отнюдь не исключает выгодной для империализма в целом сделки между империалистическими странами за счет «подзащитной» Абиссинии.

Эта обстановка постоянной империалистической угрозы, с одной стороны, и постоянной необходимости искать опору среди других империалистических держав, приспособляя к ним свою внешнюю и внутреннюю политику—с другой, не может не наложить своего отпечатка на характер реформ в современной Абиссинии.

Глава VI

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ

В ЦЕНТРЕ новаторской деятельности Тафари находятся административные реформы. Вопрос об административных реформах выдвигается младоабиссинцами как основной¹. Эти реформы непосредственно связаны с консолидацией аппарата классового господства абиссинских помещиков на подновленной основе, приспособленной к условиям начавшегося буржуазного развития страны. В этой области Хайле Селасие выступает как продолжатель Менелика, внося однако в политику унификации и централизации страны новые моменты, отражающие относительно более высокий уровень развития современной Абиссинии.

Как уже было указано выше, борьба за централизацию направлена как против сохранившихся крупных старых наследственных феодалов, так и против ставших полунезависимыми правителей и губернаторов менеликовского поколения. Последним был нанесен удар в лице Гуксы и Балчи; смерть Хапте-Гиоргиса в конце 1926 г. лишила эту категорию феодалов главной опоры. Что касается феодалов первой категории, то им был нанесен решительный удар, особенно в лице годжамского раса Хайлю в 1932 г. Он был заменен приближенным к негусу расом Имру, не принадлежащим к числу наследственных феодалов Годжама,

¹ В ответах на анкету, организованную в 1926 г. журналом «Брехан энна селам» о путях прогресса в Абиссинии, основное место занимали предложения о переводе феодалов на жалованье, роспуске феодальных дружин и т. п.

Таким образом было покончено с обособленностью Годжама, сохранившейся при Менелике в почти неприкосновенном виде.

Стремясь к укреплению позиций центральной власти, Хайле Селасие придерживается при назначении губернаторов на места двух правил: 1) в провинции назначаются «чужие» губернаторы, не принадлежащие к числу феодалов данной местности, не связанные с ними родственными узами; 2) при определении границ губернаторств игнорируются старые деления, они не отражаются на административно-политическом делении страны. В настоящее время еще нельзя говорить об устойчивом новом районировании Абиссинии. Границы отдельных губернаторств устанавливаются всякий раз в зависимости от заслуг, надежности и тому подобных качеств губернатора. Поэтому с каждым новым назначением административная карта нередко перекраивается. Иногда в виде взыскания у губернатора отнимается часть его области и прирезывается к области соседнего губернатора.

В применении первого принципа — назначение губернаторов, происходящих из других провинций, — было сделано исключение для Тигре в силу специфических условий этой области, не изжитых полностью до настоящего времени. Отдаленность ее от нового центра государства, пограничный характер местности, экономическая связь с Эритреей при отсутствии экономической связи с остальными частями Абиссинии вследствие отсутствия дорог, наконец языковые отличия — все это вместе взятое требовало особой осторожности при организации управления в Тигре. В течение периода 1916—1921 гг. Тигре управлялся своими расами фактически самостоятельно и связь с центром была чисто номинальной. После пленения лиджа Яссу, пытавшегося использовать Тигре как плацдарм для наступления на Абиссинию, была произведена в некотором смысле «унификация» Тигре. Высший контроль над областью был передан присланному из центра расу, компетенция местных расов была урезана. В общем Хайле Селасие проводит в отношении Тигре политику сохранения влиятельных местных расов, по-

томков негуса Иоанна, во главе округов, на которые была разделена эта область, вовлекая их в орбиту своей политики и своих интересов путем брачных союзов. Главными правителями Тигре были внуки Иоанна — рас Сеюм и рас Гукса Арая, а после смерти последнего сын его Хайле Селасие Гукса. Они связаны родственными узами с императором.

Унификаторская политика негуса распространяется также и на сохранившиеся автономные государства в неамхарских областях. Наиболее значительными из этих государств являются данакильский султанат Ауссы и галлаский султанат в Джимме. Аусса, отделенная от собственно Абиссинии пустыней и населенная воинственными данакильскими племенами, фактически сохраняет свою независимости и ее подчинение Абиссинии остается чисто номинальным. Недоступность местности, не представляющей никакого интереса с экономической точки зрения, помогла султану Ауссы сохранить свою автономию вплоть до последнего времени, несмотря на известное стратегическое значение Ауссы вследствие ее близости к итальянской границе, с одной стороны, и к железной дороге Джибути — Аддис-Абеба, с другой.

Иначе обстоит дело с Джиммой, на значение которой как торгового центра мы указывали выше. В 1932 г., воспользовавшись как предлогом болезнью престарелого султана Аба-Джифара, Хайле Селасие направил в Джимму абиссинского нагадраса Сахле для «изучения положения». Поставленный во главе управления внук султана, Аба-Джабир, был вскоре устранен вследствие разоблачения его связи с Италией и участия в работоторговле и арестован. Джимма перешла под прямое военное и гражданское управление Аддис-Абебы. В Джимму был назначен абиссинский губернатор Вольде Манозль, бывший наставник негуса. Столица Джиммы была выделена, получив самостоятельную муниципальную организацию по образцу Аддис-Абебы.

В целях усиления авторитета центральной власти в пограничных районах и ликвидации сомалийских банд, переброшенных итальянцами через границу, в 1931 г.

была отправлена экспедиция в Огаден, установившая постоянные военные посты в Герлогуби, Сасса-Бене и других пунктах и введшая абиссинскую гражданскую администрацию, отличную от военной. Одновременно с этим были установлены базарные пункты, устроены стоянки и приступлено к строительству дорог. Вся эта деятельность имела своей задачей укрепление сомалийской границы. Гораздо менее успешными были мероприятия по укреплению центральной власти в данакильских районах, встречавшие упорное сопротивление со стороны воинственных племен этой пограничной области. Время от времени в область направляются абиссинские чиновники и сборщики налогов в сопровождении вооруженных отрядов, иногда предпринимаются экспедиции в более широком масштабе, особенно в случае «волнений» среди племен, как в 1934 г.; фактически этим исчерпываются взаимоотношения между данакильцами и Абиссинией.

При Хайле Селасие была проведена также унификация управления в Каффе, где, как мы указывали выше, после завоевания были сохранены под контролем абиссинских комиссаров местные рашо во главе с катама-рашо. Хайле Селасие вначале упразднил уездных рашо, сохранив на некоторое «время» должность катама-рашо, которая впоследствии была тоже упразднена. В настоящее время Каффа управляется на общих основаниях как одна из абиссинских провинций.

Чрезвычайно важным способом усиления центрального правительства является дифференцирование административных функций на местах, создание должностей, подчиненных непосредственно центральному правительству, минуя местных губернаторов и расов. Такая практика еще не превращена в систему, но постепенно получает все большее распространение. Иногда в виде взыскания губернатор лишается отдельных функций, обычно связанных с получением доходов. Так, Хайлю был лишен права рыночных сборов, что нанесло ему серьезный финансовый ущерб. Иногда уже в акте назначения губернатора оговаривается оставление императором за собой ряда админи-

стративных функций, как например права суда, собирания общегосударственных налогов. В связи с созданием регулярной армии практикуется размещение на местах военных отрядов, подчиненных непосредственно центральному правительству, что ограничивает военную власть губернатора. При реорганизации управления Джиммы были назначены наряду с губернатором «директор» по гражданским делам, чиновник по финансам и по делам с иностранцами и глава муниципалитета Джирана.

Подобное разделение властей на местах проводится более последовательно в так называемых «образцовых» провинциях. «Образцовое» управление введено или намечено к введению в провинциях Бале, Сайо, Маджи, т. е. в пограничных с английскими колониями провинциях, издавна служивших полем деятельности работоторговцев и охотников за рабами. Основные принципы «образцового» управления следующие:

замена по возможности натурального налога денежным налогом; там, где эта замена является невозможной, нормы натурального налога должны быть твердо зафиксированы;

все налоги должны непосредственно направляться в Аддис-Абебу;

«кормление» чиновников и солдат за счет населения заменяется фиксированным жалованьем, выплачиваемым центральным правительством; это должно прекратить произвол и вымогательство в отношении габаров;

и наконец в «образцовых» провинциях учреждается регулярная полиция, подчиненная непосредственно центральному правительству, основной задачей которой является борьба с работоторговлей, охотой за рабами и набегами в соседние английские колонии.

Губернаторами «образцовых» провинций назначают обыкновенно младоабиссинцы, прошедшие европейскую школу.

Усиление центральной власти требовало, разумеется, организации- и укрепления самого центрального аппарата. Со времени Менелика в Абиссинии уже формально существовали министерства; они были уч-

реждены Менеликом в 1907 г., когда начавшаяся болезнь сделала невозможным дальнейшее ведение дел самим Менеликом.

Однако в большинстве случаев должность министра была лишь почетным титулом или синекурой, в других же случаях европейские названия прикрывали старую функцию, имевшую мало общего с названием. Так, министром юстиции был назван председатель императорского трибунала (так называемый афа-негус); военным министром — главный военачальник; министром финансов — казначей императорских имуществ (разделение между государственными доходами и личными доходами негуса еще не было проведено). Министерства не имели никакого аппарата ни в центре, ни на местах. В 1918 г. в результате военного восстания министерства были даже формально упразднены.

К 1919 г. правительство было реконструировано, и с этого времени начинается организация министерств по европейскому образцу. В период двоевластия Заудиту — Тафари министрами состояли староабиссинские «зубры», но в большинстве министерств были учреждены должности директоров, которые, как правило, отдавались членам группировки Тафари. После 1930 г. некоторые из этих директоров были назначены министрами.

Иностранные дела до 1931 г. непосредственно велись негусом с помощью «главного директора» министерства. С 1931 г. главный директор Херуи назначен министром иностранных дел.

Пост премьер-министра в абиссинском правительстве отсутствует. Обычно в качестве представителя правительства выступает «министр пера» — нечто вроде главного секретаря правительства, — иногда величаемый «канцлером». Однако эта должность не связана с руководством всеми правительственными делами. Некоторое значение имеет Имперский совет, состоящий из негуса, принцев крови, 10 назначенных советников и придворных чинов (хранитель печати, секретарь, начальник гвардии и т. п.). К участию в работах

совета привлекаются виднейшие местные расы и губернаторы. Негус и принцы крови составляют Верховный совет империи, обсуждающий важнейшие государственные дела и дела императорской фамилии.

Весьма важным нововведением негуса является различие — пока скорее в теории, чем на практике, — между частным имуществом императора и государственной казной, состоящейся из государственных доходов. Однако правильного государственного бюджета, предусмотренного конституцией 1931 г., до сих пор не существует. Государство еще не в состоянии содержать всю массу чиновников и армию, вследствие чего система «кормления» еще сохранена в значительных размерах.

При некоторых министерствах (например при министерстве торговли) уже создан технический аппарат (в частности статистический) по европейскому образцу. Однако некоторые министерства все еще существуют лишь на бумаге или в зародыше, либо проявляют чрезвычайно слабую активность. Во главе некоторых министерств продолжают стоять невежественные феодалы староабиссинского типа, не понимающие и не приемлющие реформ и выдающие в министерских постах лишь почетные титулы. Фактически министры играют лишь роль секретарей и исполнителей (а иногда — саботажников) приказаний негуса по отдельным линиям государственной политики. Министр пера — лишь начальник канцелярии негуса. Негус лично принимает участие чуть ли не во всех делах, иногда вплоть до наиболее мелких.

Главными препятствиями для развертывания деятельности министерств являются, с одной стороны, острый недостаток квалифицированных кадров и, с другой стороны, отсутствие соответствующего аппарата на местах. В большинстве провинций выполнение постановлений, выносимых исполнительной властью, зависит от воли губернатора; постоянных органов контроля не существует. К тому же при губернаторах нет того специализированного аппарата, через который отдельные министерства могли бы проводить свои

решения (такой аппарат создан лишь в одной области, а именно по делам рабов и работорговли). Все это в высшей степени ослабляет практическое значение провозглашаемых в центре, мероприятий.

Говоря об административных реформах Хайле Селасие, нельзя не упомянуть особо о начатой реорганизации армии. Наряду с созданием немногочисленного отряда «особых войск» в виде гвардии негуса, обученной и вооруженной в соответствии с требованиями современной военной техники, созданы и правительственные регулярные войска, размещенные в провинциях, но подчиненные непосредственно центру и по видимому недурно вооруженные с точки зрения абиссинских возможностей. Наряду с этим сохранены однако и войска правителей провинций и всякие феодальные и племенные ополчения как необходимая вооруженная сила для отражения империалистической агрессии. Центральное правительство в настоящее время еще не в состоянии подчинить себе и содержать всю военную организацию страны, однако усиление зависимости губернаторов и провинций от центра облегчает использование их военных сил в общенациональных интересах, о чем свидетельствует последняя война с Италией.

Каково значение и общие итоги реформ Хайле Селасие в административной области?

Младоабиссинцы стремятся к консолидации классового господства феодальных помещиков путем приспособления государственной организации к потребностям буржуазного развития, хотя и в слабых, полуколониальных, преимущественно аграрных формах, но все же обеспечивающих известный подъем производительных сил страны. Они проводят политику преодоления феодальной политической раздробленности, политику централизации государства, некоторой унификации управления, укрепления власти центра. Феодальное государство превращается в государство бюрократическое, сохраняя классовую феодальную основу, но несколько меняя методы феодального господства. Из государства, непосредственно осуществлявшего функции феодальной эксплуатации масс, оно превра-

щается в государство, являющееся прежде всего орудием политического господства класса, осуществляющего эту феодальную эксплуатацию. Эта эволюция влечет за собой некоторое ослабление внеэкономического ограбления масс, тормозившего всякий хозяйственный подъем. Однако это превращение находится лишь в начальной стадии. Наиболее ярко роль государства как прямого носителя эксплуатации масс проявляется в «кормлении» чиновников, в системе габаров, которые еще существуют, хотя и в несколько ослабленных формах.

Административные и военные реформы Хайле Селасие в известной мере повысили силу сопротивляемости Абиссинии империалистической агрессии. Это—результат реформ, создавших регулярную армию, известное политическое единство в стране, способность к координированному действию в общенациональном масштабе и ослабивших сепаратистские феодальные роды, в любой момент могущие стать внутренней агентурой империализма, выполнявшие эту роль неоднократно в прошлом и отчасти пытающиеся повторить ее и в нынешней итало-абиссинской войне. Недаром итальянский меморандум жалуется Лиге наций на «устранение важных вождей, пользовавшихся обширным влиянием в известных районах», на замену «традиционных вождей» шоанскими чиновниками центрального правительства, что якобы «дезорганизовало провинциальную администрацию». Итальянский империализм действует вполне последовательно с точки зрения своих интересов, когда выступает в защиту своей потенциальной или действительной агентуры внутри страны. Он однако оказывается менее последовательным в логическом построении своего обвинительного акта против Абиссинии. Ибо, протестуя против излишнего на его взгляд рвения абиссинского центрального правительства в деле устранения «традиционных вождей», итальянский меморандум чуть ли не на следующей странице обвиняет Абиссинию в том, что «центральное правительство неспособно осуществлять эффективный контроль над районами, отдаленными от центра». Как будто уstra-

нение «традиционных вождей» не является первым условием к установлению «эффективного контроля» центрального правительства над отдаленными районами?

В действительности опыт войны показал, что правительство негуса слишком робко и половинчато проводило устранение местных феодалов от власти, в результате чего оказалось возможным предательство такого «традиционного вождя», как тигрейский рас Гукса, в момент войны оказавшийся полновластным хозяином одного из самых ответственных участков фронта.

Глава VII

РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ПРАВА И СУДА

АБИССИНСКОЕ право и юстиция, отражая наличие значительных пережитков родового и патриархального строя, в основном уже давно превратились в прямое орудие классового господства абиссинских светских и духовных феодалов. Пережитки родового и патриархального строя выражаются в преобладании норм обычного права, в широком распространении судов, имеющих характер добровольного арбитража, выносящих решения, обязательные для обеих сторон. Поспорившие между собой абиссинцы могут всегда с согласия обеих сторон обратиться к первому встречному лицу с просьбой вынести решение по их делу. Для такого импровизированного суда отведены особые места на всех базарах и в других публичных местах; иногда в них принимают участие и профессиональные «адвокаты», изощряющиеся в судебном красноречии.

Наряду с этим «народным» судом существует государственный суд, представляющий собой одно из главных орудий и функций феодального государства. Суд производится непосредственно представителем власти: помещиком, губернатором, расом, наконец негусом; чиновник и судья обозначаются одним словом «данняя».

В феодальном суде были особенно велики привилегии духовенства. Знание закона было монополией духовенства. Единственный действовавший и отчасти продолжающий действовать в Абиссинии кодекс — это

«фетха-негест», кодекс церковного, уголовного и гражданского права, составленный в XIV в. египетским коптом Ибн-аль-Ассалем на арабском языке и появившийся в Абиссинии в XVI в. в переводе на «священный» язык геез, который более или менее понимает незначительная часть духовенства (большая часть духовенства вообще неграмотна). Кроме того духовенство обладает правом суда на всех принадлежащих ему землях на общих основаниях. Наконец представители высшего духовенства являются непременно членами высшего императорского суда — «шиллот». Шиллот — высший апелляционный суд и единственный суд, имеющий право выносить смертные приговоры. Этот суд происходил ранее в присутствии императора, обычно воздерживавшегося от вмешательства в разбирательство дела. Председательствовал и выносил приговор верховный судья, так называемый афа-негус (т. е. уста негуса). Исполнение приговора над убийцей нередко поручалось родственникам убитого. Еще до сравнительно недавнего времени существовали варварские наказания, вроде отсечения руки за воровство, мучительные казни, истязания, пытки. Уголовные дела решались по принципу «око за око». Некоторые наиболее варварские формы калечения были формально отменены еще при Менелике (например отсечение руки или ступни вора-рецидивистам), хотя они, возможно, практиковались еще некоторое время после Менелика. В своем ответе на итальянский «обвинительный акт», представленный Совету Лиги наций, абиссинские делегаты, утверждая, что отсечение руки вора не практикуется со времени победы при Адуа, указывают не без иронии (с явным намеком на национал-социалистско-«арийский» топор) на то, что «в Европе для наказания некоторых преступлений, как например государственная измена, ныне прибегают к мерам, которые, казалось, умерли вместе со средневековьем...».

В области суда и права абиссинские реформы идут по нескольким направлениям.

Прежде всего упразднение или смягчение наиболее архаичных методов судебно-следственной процедуры: «леба-шай» и «афарсата». Леба-шай применялся при

поисках вора. В этих случаях прибегали к услугам «профессионалов» (обычно подростков), которым приписывали медиумические способности. Мальчика поили опьяняющей смесью; в состоянии опьянения он своими жестами прямо или косвенно указывал направление, в котором следует искать вора, а иногда приводил к тому месту, где якобы находится вор. Этот обычай был источником обогащения для ловких импрессарио, держателей этого своеобразного «сыскного» заведения. Излишне указывать на злоупотребления, совершавшиеся при посредстве леба-шай. В ряде случаев он использовался уголовными элементами, для того чтобы путем сговора с держателем леба-шай устранить от себя подозрения, оклеветав совершенно непричастных лиц. Этот обычай был отменен еще в период регентства Хайле Селасие.

Еще более вредной была процедура афарсата. Когда в какой-либо местности находили труп убитого или происходила кража, то в случае необнаружения вора или убийцы судья собирал к себе все население данного пункта, допрашивая каждого жителя наедине; результаты этого допроса должны были храниться в тайне. До окончания допроса всех жителей никто не отпускался домой. Иногда эта процедура останавливала хозяйственные работы целых селений на неделю и больше. Для того чтобы ускорить допрос, многие, будучи ограждены секретным характером допроса, оговаривали первое пришедшее на память лицо; очень часто в этих случаях некоторые лица просто сводили старые счеты со своими врагами. Иногда сам преступник таким образом отводил от себя подозрение и навел следствие на ложный путь. Тайные доносчики назывались в народе «птицами», так как судья, обязанный держать в тайне имя лица, выдавшего действительного или ложного преступника, заявлял в мотивировке приговора: «птица мне сообщила, что...».

Эта своеобразная система допроса, не гарантируя верных результатов, в то же время наносила крестьянскому хозяйству значительный ущерб.

В 1933 г. негусом было издано постановление, вносящее ряд изменений в эту процедуру. Согласно

новому закону, афарсата может быть применена в одном месте лишь раз в месяц и должна продолжаться не больше двух дней. Этими днями должны быть суббота и воскресенье, являющиеся в Абиссинии нерабочими днями. Если в течение этих двух дней процедура не дала никаких положительных результатов, то она может быть повторена, но не раньше чем через месяц. Место допроса должно отстоять не больше чем в трех часах пути от населенного пункта, подвергающегося процедуре. Население созывается не сразу, а поочередно; каждое лицо должно быть опрошено и отпущено в течение дня, и только в случае убийства максимальный срок увеличивается еще на один день. Наиболее существенным является пункт, по которому «птицы» обязаны повторить публично и скрепить подписью свое показание; лишь в том случае, если свидетель может указать местонахождение похищенного, он может настаивать на оставлении его показания в тайне. Неявка на афарсата облагается штрафом. Закон запрещает кормление судьи за счет населения и требует подбора квалифицированного судебного персонала. Эти ограничения по существу заменяют афарсату другой процедурой, не влекущей за собой столь значительного хозяйственного ущерба для крестьянского населения.

В порядке судебной реформы было проведено удешевление суда: плата за обращение в суд снижена с двух талеров до одного, снижены также «ставки» судебного заклада. Предприняты некоторые меры к созданию новой судебной организации. Верховный суд наделен специально апелляционными функциями. Этот суд с участием императора, высших чиновников, расов и духовенства продолжает оставаться высшим судом по государственным преступлениям. Именно такой суд судил заговорщика раса Хайлю. Новые законы о суде предписывают протоколирование приговора и устанавливают твердые ставки судебных сборов.

Наиболее существенным моментом судебной реформы являются составление и введение в действие в 1932 г. нового уголовного кодекса. Самый факт опубликования светского уголовного кодекса является в

абиссинских условиях вызовом всем староабиссинским элементам, особенно духовенству, рассматривающим новые уголовные законы как покушение на самые основы общества. Уголовный кодекс является началом нового законодательства, приспособленного к начинающемуся буржуазному развитию, хотя и избегающего резкого разрыва со старым.

Характерна мотивировка необходимости нового уголовного кодекса, приводимая в указе негуса: «Продвижение нашего народа по пути цивилизации, усиление торговли, рост богатства в результате экономических отношений с разными чужими странами, появление промышленных компаний — все это сделало необходимым издание закона». Эта мотивировка свидетельствует о ясном понимании социального назначения новых законов.

Далее в качестве мотивировки необходимости издания нового кодекса указывается на имевшие место за последние десятилетия сильный рост цен и падение стоимости талера, вследствие чего действовавшие нормы штрафов оказались явно устаревшими.

Одним из важнейших мотивов составления нового уголовного кодекса является стремление к упразднению особой юрисдикции для иностранцев, установленной еще в 1908 г. по договору с Францией и распространенной затем и на другие страны.

Уголовный кодекс делится на пять книг: 1) перечень и порядок применения наказаний, 2) о преступлениях против государства, 3) о преступлениях против личности, 4) о преступлениях против собственности, 5) о правонарушениях. В основу кодекса положен сиамский кодекс 1908 г. с учетом ряда европейских кодексов и сохранением некоторых специфических абиссинских особенностей.

Одним из важнейших нововведений уголовного кодекса является разрыв со старым правилом абиссинского права: «преступник наказывается в соответствии с ущербом, видимым глазу», т. е. независимо от субъективных моментов, от наличия или отсутствия злого умысла, от состояния и степени вменяемости преступника и наконец от степени его сознательности.

В последнем пункте новый абиссинский кодекс отвергает принцип римского права: «заблуждение или незнание закона не может служить оправданием». Так, он устанавливает, что обвиняемый полностью платит предусмотренный законом штраф лишь в том случае, если он «изучил и знает закон, читал постановления, своими ушами слышал приказы». Однако в том случае, если обвиняемый принадлежит к культурно отсталой среде, то, хотя он и «видел своими глазами и слышал своими ушами закон», штраф уменьшается на одну десятую. Для крестьянина, не знающего законов, штраф уменьшается на одну пятую; для монаха и отшельника, далекого от мирских дел, — на три десятых; для нищего, не имеющего возможности следить за законами, — на четыре десятых; для чужеземца, находящегося в Абиссинии не больше шести месяцев, — наполовину; для женщины, ведущей затворнический образ жизни и не слышавшей про закон, — на шесть десятых; для «крестьянина, не знающего амхарского языка, на котором составлены постановления и законы правительства, и говорящего лишь на своем местном диалекте», — на восемь десятых. Однако последняя льгота действительна лишь в течение трех лет после опубликования уголовного кодекса. Этот пункт относится к галла, сидамо, данакильцам, сомалийцам и другим неамхарским племенам. Для детей от девяти до двенадцати лет штраф уменьшается на девять десятых. Установлены случаи невменяемости подсудимого.

Новый уголовный кодекс в общем проникнут тенденцией к смягчению применяющихся наказаний. Остается однако в силе телесное наказание (сечение кнутом) — один из наиболее распространенных способов наказания в абиссинском обычном праве. Негус в своих комментариях к этому пункту поясняет: «Сечение кнутом должно применяться внимательно, дабы преступник, осужденный к сечению, не получил удары, превосходящие законную меру сечения, и не был засечен до смерти. Присуждение к сечению еще сохранилось до настоящего времени в практике других государств. И хотя мы желаем, чтобы в будущем это наказание было отменено, мы все же сохраняем его

временно и в нашей стране для наказания виновных в некоторых серьезных преступлениях, не влекущих за собой смертной казни. Однако судья, взвесив степень серьезности преступления, если ему представляется возможным смягчить наказание, может применять замену сечения денежным штрафом, приравнивая каждый удар к пяти талерам. Если обвиняемый не в состоянии уплатить штраф, он должен быть подвергнут сечению».

Последнее замечание делает ясным классовый характер новой абиссинской юстиции: фактически телесные наказания сохраняются лишь для «черни», богатые могут откупиться штрафом.

Глава VIII

РАБСТВО И КРЕПОСТНИЧЕСТВО

НАИБОЛЕЕ дальновидная и прогрессивная часть абиссинских феодалов и купцов понимает, что крайне непроизводительная рабская форма труда является одним из самых существенных тормозов экономического развития и подъема Абиссинии. Не только задачи экономического развития, но и внешнеполитические соображения заставляют правящие круги Абиссинии подойти вплотную к вопросу о рабстве. И все же, верные своей классовой природе, младоабиссинцы оказались неспособными на быстрое и радикальное освобождение рабов; в этой области, как и в других, они ограничивались лишь реформами и половинчатыми мероприятиями. В своих заявлениях по этому вопросу, сделанных в 1932 г., негус выговорил себе двадцатилетний срок для полной, но постепенной ликвидации рабства в Абиссинии.

Абиссинские феодалы мотивируют необходимость этой отсрочки (вернее, рассрочки) невозможностью предоставить занятия массе освобождаемых рабов в условиях неразвитой абиссинской экономики. Освобожденные рабы, заявляют они, превратятся в бандитов («шифта»). Абиссинский полуофициальный орган «Бре-хан энна селам» в 1932 г. разъяснял, что освобождение рабов было бы невыгодным для самих рабов, которые внезапно оказались бы лишенными средств к существованию. Это послужило бы «источником беспорядков, так как освобожденные рабы, чтобы не умереть с голоду, занялись бы воровством». При этом журнал

ссылается на некоторые случаи, когда освобождение рабов крупнейших феодалов Тасама и Вольде-Георгиса вызвало рост преступности в Аддис-Абебе, и указывает на те случаи, когда освобожденные рабы добровольно вернулись к своим хозяевам.

Младо абиссинцы отдают себе полный отчет (об этом свидетельствуют приведенные выше рассуждения), что полное освобождение рабов поставит под угрозу феодальную земельную собственность, что устройство сотен тысяч рабов выполнимо лишь при условии конфискации земли и сельскохозяйственного инвентаря у абиссинских помещиков и духовенства. Это делает понятным то предпочтение, которое они отдают своему методу «разрешения» вопроса о рабстве.

Не рискуя пойти на полную отмену рабства, правящие классы Абиссинии переносят центр тяжести проблемы в область борьбы с работорговлей. Законы против работорговли были изданы последовательно еще Феодором, Иоанном и Менеликом. В 1918 г. был издан новый указ против торговли рабами; в 1922 г. в Аддис-Абебе были публично повешены два работорговца.

Новое законодательство о работорговле датируется 1924 г., когда был издан основной закон против рабства. Закон устанавливает, что лица, занимающиеся покупкой и продажей рабов, присуждаются в первый раз к штрафу в пятьсот талеров и десяти годам заключения; в случае рецидива — к пожизненному заключению. Лицо, которое путем ложных обещаний обратит освобожденных рабов в рабство, подвергается штрафу в пятьсот талеров и пяти годам заключения, а в случае рецидива — к пожизненному пребыванию в цепях. Ответственность за исполнение законов о борьбе с работорговлей возлагается на местные власти: деревенского старосту, начальника племени и губернатора. При обнаружении на подведомственной им территории случая продажи или покупки раба губернатор платит 300 талеров штрафа, начальник племени — 200 талеров, сельский староста — 100 талеров. В случае повторного нарушения закона штрафы повышаются

Усадьба богатого абиссинского помещика

до 500, 300 и 200 талеров. Наконец в третий раз губернатор подлежит смещению, начальник племени подвергается конфискации имущества, а сельский староста лишается своей должности.

Законы против работорговли были впоследствии еще подкреплены рядом новых постановлений. Наряду с этим был усилен контроль над пограничными провинциями, служившими базой работорговли и охоты за рабами. Выделение «образцовых» провинций в пограничных районах, создание особых полицейских отрядов, усиление наказаний против участников набегов, наложение суровых взысканий на провинившихся губернаторов и чиновников, ликвидация центра работорговли в автономной Джимме — все это дало несомненно существенные результаты в области борьбы с работорговлей и охотой за рабами. Работорговля загнана в подполье, ее размеры сильно сократились. Сильно сократились и набеги. Работорговля как узаконенная и широко распространенная практика уже не существует. Итальянский священник Берлассино, глава каффской миссии и церкви, находившийся в Каффе в

течение нескольких десятков лет, отмечал в 1933 г. в органе Ватикана «L'Osservatore romano»: «Если у меня создалось впечатление, что рабство в Абиссинии хотя и не искоренено полностью, но все же получило серьезный удар и осуждено на смерть, то это потому, что в моих постоянных поездках по этим же областям (в которых некогда автор встречал караваны рабов. — *И. Л.*) я вовсе не встречал транспорты человеческого товара или людей, которые предложили бы мне этот товар. Сейчас мы уже встречаем затруднения при подыскании пар из того же племени для наших питомцев из бывших рабов... Некогда в Каффе крестьяне избегали ходить небольшими группами, боясь быть схваченными и обращенными в рабство. Ныне, под управлением раса Деста, издавшего и применившего суровые меры, по дорогам из одного района в другой видны группы в 2—3 чел. и даже спокойно путешествующие женщины, так как агенты полиции и патрули гвардии раса Деста совершают разведки по стране... Несомненно, что начавшаяся борьба дала реальные и осязаемые результаты»¹.

Лицемерие империалистических обвинителей Абиссинии вскрывается уже при взгляде на карту. Основной поток работорговли, идущий из Судана и западной части Абиссинии Красным морем в Аравию, проходит через колонии европейских стран, завладевших абиссинским побережьем на всем его протяжении. В работорговле с Аравией и Абиссинией заинтересованы непосредственно сомалийские и эритрейские феодальные владетели, составляющие местную базу и агентуру империалистического господства (например таджурский султан во французском Сомали, ведущий обширную торговлю рабами с Аравией; таких «султанов» и «шейхов», ведущих работорговлю под защитой своих империалистических покровителей, много и в итальянских и английских колониях). Прекращение потока работорговли зависит следовательно всецело от самих империалистических держав, которые, видимо, настолько заняты судьбой абиссинских рабов, что не могут

¹ «L'Osservatore romano», 17/II 1933.

найти времени и средств к искоренению рабства в собственных владениях.

Менее значительны результаты законов и мероприятий, направленных к ограничению самого института рабства в Абиссинии.

Как мы уже указали выше, основным закон об ограничении рабства был издан в 1924 г., во время регентства нынешнего негуса. Уже в первой статье закона указывается, что «если будут сразу освобождены все рабы... то они могут стать ворами, бандитами и злоумышленниками, нарушающими общественный порядок. Поэтому рабы должны остаться под властью своих хозяев». Закон состоит из перечисления тех случаев, когда рабы могут «законно» получить свободу; закон указывает порядок оформления этой перемены состояния. Такими случаями являются например плохое обращение, недостаточные питание и одежда, в случае если предупреждение, сделанное по этому поводу хозяину судьей по делам рабов, останется безрезультатным; рождение рабыней ребенка от хозяина или от его сына; передача владельцем раба за деньги или в виде подарка родственникам или любым третьим лицам. Раб, крещеный в доме хозяина, крестным отцом которого был хозяин или его наследник, считается свободным. Рабы, получившие образование и ставшие священниками или офицерами, являются свободными. Рабы, бежавшие от своих хозяев и задержанные властями, считаются свободными, если хозяева не затребовали их в течение восьми дней. Рабы становятся свободными через семь лет после смерти хозяина. Военнопленные, обращенные в рабство до издания закона 1924 г., освобождаются после смерти хозяев. Хозяин не имеет права силой вернуть к себе бежавшего раба, не представив его предварительно судье, задача которого заключается в выяснении мотивов бегства. Рабы, поступившие с согласия хозяев в армию и участвовавшие в сражении, должны быть освобождены. Дети освобожденных рабов являются свободными и не могут быть обращены в рабство. Все дети рабов являются свободными со дня рождения. Однако они остаются в доме хозяина, обя-

занного их содержать до достижения ими пятнадцатилетнего возраста. Рабы, спасшие своих хозяев от смерти, имеют право на свободу. Дети рабынь от свободных свободны. Рабы, ставшие любовниками своих незамужних хозяек или их дочерей, имеют право на свободу.

Закон 1924 г. предусматривал создание специальных должностей судей по делам рабов по всей стране, по два в каждой провинции. Судьи в Аддис-Абебе назначаются правительством, в областях — губернаторами по согласованию с правительством. Судьи должны наблюдать за выполнением закона, регулировать взаимоотношения между хозяевами и рабами, рассматривать «законность» притязаний рабов на освобождение и оформлять освобождение рабов согласно закону.

Всякие случаи разногласия между рабом и хозяином по вопросу об освобождении рассматриваются этими судьями. В случае несогласия одной из сторон с решением судьи дело переходит в специальную центральную комиссию, назначаемую правительством, а в провинциях — к местным комиссиям, назначаемым губернаторами. Дела об освобождении рабов ни в коем случае не подсудны обыкновенным судьям. Судьи обязаны каждый месяц присылать министерству внутренних дел сводки о числе освобожденных рабов и о мотивах освобождения.

Каждый освобожденный раб получает грамоту об освобождении, заключающую данные об имени, месте рождения, имени бывшего хозяина и его занятии, мотиве освобождения, времени и т. д. На грамоте должны фигурировать подписи судьи и его секретаря и правительственная печать.

Закон содержит также некоторые указания по вопросу о судьбе рабов после их освобождения. Губернаторы должны принять меры к возвращению освобожденных рабов на родину. Рабы, освобожденные согласно закону, освобождаются в течение семи лет от всяких налогов. Рабы, освобожденные в возрасте от 7 до 13 лет, вступают в специально созданную правительством школу, в которой они обучаются грамоте. Освобожденным рабам открыт доступ к занятию всех

государственных должностей. Освобожденные рабы, привлеченные после освобождения к суду за воровство или грабеж, должны судиться на общем основании и ни в коем случае не могут быть вновь обращены в рабство.

В соответствии с законом 1924 г. были учреждены на местах и в центре 12 судов по делам рабов и основана в Аддис-Абебе школа для детей освобожденных рабов. Недостаточность этих учреждений при наличии массы рабов в несколько сот тысяч человек ясна сама собой.

Новый этап по борьбе с рабством начинается в 1931—1932 гг. В 1931 г. было издано дополнение к закону о рабстве 1924 г., по которому рабы получают автоматически свободу после смерти хозяина. В 1932 г. в связи с падением раса Хайлю в Годжаме и устранением династии Аба-Джифара в Джимме были освобождены их многочисленные рабы.

В 1932 г. в целях активизации мероприятий по борьбе с рабством было учреждено особое «управление по делам о рабстве», независимое от министерства внутренних дел и подчиненное непосредственно императору. Директором управления был назначен младо-абиссинец Мангаша. Был создан совет управления, в который вошли все расы провинций и во главе которого был поставлен наследник негуса. Наряду с учреждением центрального управления были созданы отделения на местах, которые должны были действовать согласованно с судами по делам рабов, учрежденными в 1924 г., число которых было увеличено с 12 до 62. В 1934 г. негус созвал съезд судей по делам рабов для обсуждения и координирования мероприятий в этой области.

Из мероприятий по борьбе с рабством можно отметить проведенную в 1934 г. в Годжаме расом Имру регистрацию всех рабовладельцев и рабов.

В мае 1935 г. негус издал указ, «в принципе» отменяющий рабство на всей территории Абиссинии. Указ предусматривал установление определенных этапов освобождения рабов. Однако этот указ, изданный в предвоенной, обстановке, имел повидимому деклара-

тивное значение и почти не отразился на фактическом положении вещей.

Корреспондент «Манчестер гардиан», посетивший в 1935 г. аддис-абесский суд по делам рабов, присутствовал при рассмотрении двух дел, иллюстрирующих нынешнюю фазу рабовладельческих отношений в Абиссинии.

Галлаская рабыня Деста пришла из Харара с жалобой на избивавшего ее хозяина. Она требовала освобождения. Суд постановил вызвать хозяина в течение восьми дней и в случае подтверждения обвинения признать рабыню свободной и привлечь хозяина к ответственности.

Освобожденный раб Зелека предъявил хозяину требование оставить за ним участок земли и дом, предоставленные ему отцом нынешнего хозяина¹.

Последнее дело характеризует указанный нами выше процесс трансформации рабов в арендаторов крепостного типа.

Наряду с правительственными мероприятиями младоабиссинцы создают и общественные организации, ведущие пропаганду в пользу освобождения рабов, оказывающие помощь освобожденным рабам. Так, в 1926 г. было организовано «общество для просвещения и устройства освобожденных рабов». В 1932 г. было организовано общество по борьбе с рабством, все члены которого при вступлении в общество обязаны освободить своих рабов.

До 1932 г. итоги всей «борьбы» за освобождение рабов выражались лишь сотнями освобожденных рабов. После 1932 г. число освобожденных рабов начинает возрастать. Так, в 1933 г. было освобождено 1 427 рабов, в 1934 г. — 3 647 рабов. В 1934 г. 293 лица были осуждены за нарушение законов о рабстве. Несмотря на этот рост, абсолютные цифры продолжают оставаться незначительными.

Причины незначительности результатов по борьбе с рабством были уже отчасти отмечены выше. В условиях господства феодальной собственности на землю

¹ «Manchester Guardian», 16/IX 1935.

и отсутствия промышленности право на свободу превращается в чисто формальное право — право свободно умереть с голоду. Те многочисленные рабы, которые фактически уже превратились или находятся на пути к превращению в крепостных, не заинтересованы в освобождении, «освобождающем» их от земли, которой они фактически пользуются. Второй из приведенных английским корреспондентом случаев показывает, что таким рабам приходится в судебном порядке отстаивать свои права на дальнейшее использование своих участков, а решения этих судов едва ли идут вразрез с интересами феодальных помещиков. Неудивительно, что, как разъяснил абиссинский судья этому корреспонденту, даже рабы, имеющие право на свободу, в таких случаях избегают обращаться в суд для оформления этой призрачной «свободы».

Мероприятия по освобождению рабов наталкиваются на упорное сопротивление массы феодалов, купцов, чиновников, владеющих рабами и иногда продолжающих тайно наживаться на торговле ими. В этом вопросе и некоторые европеизированные младоабиссинцы действуют солидарно со всей массой рабовладельцев. Заполняя собой весь правительственный аппарат, они имеют возможность саботировать проведение законов о рабстве. Так, в Гондаре во главе городского управления в течение длительного времени стоял работорговец, превративший Гондар в центр полулегальной торговли рабами в северной Абиссинии. Дело не обходится и без прямых служебных злоупотреблений. Достаточно указать на то, что генеральный секретарь управления по делам рабства, созданного в 1932 г., сын вице-председателя сената, был уже через год смещен и посажен в тюрьму по обвинению в присвоении рабов, «освобождаемых» его учреждением. Количество этих злоупотреблений и случаев коррупции возрастает по мере увеличения расстояния от столицы и от правительственного контроля.

Сломить сопротивление рабовладельцев, саботаж и злоупотребления чиновников можно было бы, лишь опираясь на массы рабов и крепостных, проведя решительную демократизацию аппарата и разгром фео-

дализма в стране. Но это возможно лишь на путях революции.

* *
*

Младоабиссинские реформисты не ставят своей задачей ломку феодально-крепостнических отношений в деревне, составляющих основу всего существующего строя. В области реформы крепостнических отношений речь идет лишь о некотором смягчении наиболее резких и варварских форм крепостнической эксплуатации, вызывающих наибольшее недовольство масс и больше всего тормозящих хозяйственное развитие страны. Эти реформы, не затрагивая взаимоотношений между крестьянством и помещиками, имеют своей задачей заменить феодальные формы эксплуатации «правильной» налоговой системой. Эта замена, с одной стороны, консолидирует аппарат и усиливает зависимость местных звеньев от центра, с другой стороны, приводя к твердой фиксации повинностей населения, избавляемого от произвольных вымогательств, создает предпосылку для активизации хозяйственной деятельности.

Фиксация налогов облегчается проводимой по возможности заменой натуральных налогов денежными, что в свою очередь способствует дальнейшему разложению феодальных отношений.

Основные мероприятия в области феодальных отношений в деревне направлены против системы габаров, являющейся способом содержания чиновников и солдат в неамхарских областях. В 1928 г. был издан закон, предписывающий постепенную замену системы габаров определенными днями принудительного труда. В «образцовых» провинциях институт габаров заменяется фиксированными повинностями. В мае 1935 г. одновременно с «отменой» рабства издано новое постановление, «в принципе» отменяющее систему габаров и устанавливающее период, по истечении которого применение ее будет считаться «незаконным». Реальное значение этих мероприятий ничтожно хотя бы потому, что государство не может взять на себя содержание всей армии чиновников и солдат.

Другим мероприятием в этой области является от-
108

Хижина крестьянина

мена (1932 г.) дерго, т. е. обязательства дорожного довольствия знатных лиц и чиновников крестьянами тех мест, по которым данные лица проезжают. Губернатор мог даровать право на дерго любому путешественнику. По закону 1932 г., дерго объявлено незаконным; всякие услуги и довольствие, требуемые от населения, должны быть оплачены. Вместе с тем были сняты все недоимки по уплате штрафов, наложенных на крестьян за невыполнение дерго. В августе 1935 г. в «образцовой» провинции Маджи проведена ликвидация системы габаров.

Как видим, общий баланс «борьбы» младоабиссинцев с крепостническими пережитками пока что невелик.

Глава IX
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

РАЗРЕШЕНИЕ национального вопроса имеет огромное значение для судеб Абиссинии, объединяющей в своих пределах огромное количество народностей и племен, находящихся на разных ступенях развития. Исторический процесс образования Абиссинии привел к тому, что господствующее положение в ней было занято амхарцами, или собственно абиссинцами, представляющими господствующую национальность в государстве. Правительственные должности были монополизированы амхарцами. Неамхарские районы подвергались жестокой эксплуатации, приводившей их к экономической деградации.

Младоабиссинцы, представляющие правящий класс амхарских феодалов, разумеется, не намерены отменить привилегированное положение амхарской национальности в государстве. Однако интересы сохранения государства требуют смягчения форм национального господства и неравенства, отмены наиболее варварских феодальных форм национального гнета, установления некоторой минимальной базы для урегулирования межнациональных отношений.

Существующие формы национального гнета тормозят всякое хозяйственное развитие неамхарских, а в конечном счете также и амхарских районов. Еще сравнительно недавно каффы на вопрос путешественника Грюля отвечали: «Зачем нам культивировать кофе в размере, превышающем наши потребности? Амхарцы все равно отнимут». В интересах развития

Абиссинии в целом хищническое хозяйничание в неамхарских областях должно было быть прекращено.

Младоабиссинцы, в частности негус, пытаются опереться на передовую часть абиссинского купечества. Но значительную, даже большую, часть этого купечества составляют неамхарцы, в частности мусульманское купечество Джиммы, Харара, Дире-Дауа.

В основных провинциях мусульмане составляют значительную часть абиссинского купечества — в Аддис-Абебе, Гондаре, Адуа и т. д. (в данном случае мы имеем в виду туземный торговый капитал, в отличие от пришлого элемента — индусского, арабского, греческого, армянского). Вопрос о расширении социальной базы правительства среди торговой буржуазии Абиссинии зависит от прекращения или смягчения национальной дискриминации.

Наконец проблема национальных взаимоотношений вклинивается в вопрос о взаимоотношениях Абиссинии с империализмом. От него зависит возможность сплочения народов Абиссинии против империалистической агрессии, возможность парализовать империалистические интриги и спекуляции на национальном вопросе, попытки использования империализмом племенной розни.

Все эти моменты вместе взятые определяют новый курс в национальном вопросе, под знаком которого проходит политика негуса.

Конституция 1931 г. провозгласила формальное уравнение в правах всех граждан Абиссинии, допущение всех на равных правах к отправлению общественных и государственных должностей. На практике это означало включение в государственный аппарат представителей верхушки неамхарских народностей, в частности мусульман восточных и юго-восточных районов. Одним из приближенных лиц негуса, выполняющим ответственные поручения, является мусульманский купец Али. Представители мусульман (харарцев, сомалийцев, галла) допущены к занятиям должностей в аппарате и армии.

Негус оказывает содействие открытию мусульманских школ в Хараре, Дире-Дауа и других центрах му-

сульманского населения, пытается установить хорошие отношения с влиятельным мусульманским духовенством, жертвует на строительство мечетей (в настоящее время строится мечеть в Аддис-Абебе).

Эта политика рассчитана в первую очередь на установление союза с мусульманской купеческой и феодально-клерикальной верхушкой. С точки зрения интересов более широких слоев неамхарского населения большее значение имеют административные реформы, проводимые преимущественно в неамхарских районах, борьба с работоторговлей и рабством, некоторое смягчение форм крепостнической эксплуатации, упорядочение налогов, так как все формы феодальной эксплуатации, гнета и насилия ложились главным образом именно на население неамхарских областей.

Наряду с официальными правительственными мероприятиями младоабиссинскими общественными кругами ведется широкая пропаганда солидарности всех народов Абиссинии в борьбе с империализмом. Панабиссинская патриотическая лига «Любовь к отечеству», охватывающая широкие слои молодежи, проповедует преодоление религиозных и племенных распрей и объединение всех народностей и племен для защиты абиссинского отечества. Итальянская угроза способствовала успеху этой кампании. Общественные организации мусульман, например «Национальная мусульманская ассоциация в Абиссинии», стали на платформу всеабиссинского патриотизма. В августе 1935 г. в Аддис-Абебе образовался мусульманский комитет под председательством сомалийца шейха Омар-аль-Азгари, поставивший своей задачей «широкую пропаганду в мусульманских районах, призывающую к объединению, согласию и защите родины»¹.

Собрание «Национальной мусульманской ассоциации» в Аддис-Абебе в августе 1935 г. вынесло решение об активном участии в войне против итальянской агрессии и о готовности ко всяким жертвам в защиту независимости страны. Одновременно с этим правительству была предъявлена программа требований

¹ Арабская газета «Аль-балаг» от 4/IX 1935 г.

мусульман в целях обеспечения полного единства всех национальностей Абиссинии. Программа состоит из пяти пунктов:

«1. Вооружение мусульман, обучение их военному делу наравне с их христианскими соотечественниками.

2. Основание мусульманских школ для воспитания мусульман в духе служения отечеству под знаменем негуса.

3. Равенство в распределении государственных должностей между христианами и мусульманами.

4. Уважение к духовным вождям и судьям и назначение им соответствующего содержания.

5. Назначение губернаторов-мусульман в районах с мусульманским большинством населения».

Тот факт, что эта программа была напечатана в полуофициальном абиссинском органе «Брехан энна селам»¹, показывает, что правящие абиссинские круги повидимому склонны к удовлетворению требования равноправия национальностей в пределах, не угрожающих гегемонии амхарской верхушки. Политика Хайле Селасие в национальном вопросе несомненно дала известные реальные результаты. Проверкой этих результатов послужили уже первые месяцы войны, сведшие на-нет попытки Италии использовать национальные противоречия в своих интересах. Империалистическая угроза лишь способствовала сплочению и объединению всех племен и народностей Абиссинии против империализма.

¹ Нами использован ее арабский перевод, приводимый в газете «Аль-балаг».

Глава X

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ

В КОНЦЕ 1931 г. негус провозгласил абиссинскую конституцию. Конституция не ставит своей задачей даже создание представительных учреждений в духе буржуазного парламентаризма. Она исходит из того, что народ еще «не готов» к участию в управлении, — еще одно проявление верхушечного и поверхностного характера младоабиссинского движения. Ее значение — в попытке стабилизировать и усилить унитарный характер государства, предотвратить рецидивы феодального раздробления и ввести систему управления, построенную по европейскому образцу, на основе разделения властей.

Конституция делится на семь глав.

Глава I — «Об абиссинской империи и наследовании престола». Статья 1 устанавливает, что «территория Абиссинии в своей совокупности, от края до края, подчинена правительству его величества императора. Все рожденные в Абиссинии подданные империи составляют абиссинскую (эфиопскую) нацию». Статья 2 подчеркивает, что «имперское правительство обеспечивает единство территории, нации и закона Абиссинии». Следующие статьи устанавливают права на престол царствующей династии. В пределах этой династии наследование происходит согласно особому закону об императорском доме. Значение этих статей — в установлении единства государства, исключая всякий феодальный и племенной сепаратизм, и в предотвращении феодальных междоусобиц, сопровождавших

вплоть до самого последнего времени приход к власти каждого нового негуса. Они направлены в частности против таких претендентов, как Яссу и его сыновья или родственники.

В своем публичном выступлении по поводу провозглашения конституции негус пояснил значение статей о единстве государства: «Абиссиния должна оставаться единой, без делений, как едины члены одной семьи... сила этого согласия должна быть основана на общности интересов».

Чрезвычайно симптоматично то обстоятельство, что конституция не содержит никаких указаний или упоминания об официальной религии Абиссинии, хотя редко какая восточная конституция и даже целый ряд новейших западных конституций (например польская, румынская) не обходятся без «официальной религии», что не могло не быть известным и творцам абиссинской конституции, тем более что в Абиссинии религиозные церемонии продолжают носить официальный характер, так же как и официальные торжества включают почти всегда и религиозный церемониал. Исключение религиозного момента из конституции — это не только удар по реакционному духовенству, это также существенный момент в подчеркивании *единства* Абиссинии, национального равноправия, в приобщении к этому единству и абиссинских мусульман, составляющих около половины населения.

Дальнейшим развитием тезиса об единстве государства является глава II — «О власти и атрибутах императора». Единство управления приводит к сосредоточению всей власти в руках негуса, в том числе и тех функций, которые в силу феодальных порядков осуществлялись всякими феодальными вождями и правителями. Суверенность негуса ограничена лишь законом и конституцией. Так например только император имеет право раздавать наследственные лены — яркая иллюстрация того, что новое абиссинское государство построено на феодальной основе и даже консервирует наиболее примитивные элементы феодальной организации. И наряду с раздачей наследственных ленов император созывает, открывает, закрывает и в случае

необходимости так же распускает совещательные учреждения—верхнюю и нижнюю палаты, учреждения, вводимые согласно европейским образцам.

Статьи 9 и 10 предоставляют императору право издавать независимо от палат чрезвычайные указы, имеющие силу закона, в целях «поддержания порядка и избежания общественной опасности». Эти указы подлежат последующему утверждению палат. Император имеет право издавать «в рамках буквы и духа действующих законов» приказы, ставящие своей задачей «сохранение общественного порядка и содействие благосостоянию подданных».

Эти пункты представляют собой воспроизведение наиболее реакционных сторон японской конституции, влияние которой открыто признается младоабиссинскими авторами.

Конституция предоставляет императору право объявления войны, заключения мира и всяких договоров.

Глава III — «О правах, признанных императором за нацией, и об обязанностях, возлагаемых на нацию». Уже само название главы подчеркивает, что права «нации» вытекают из их признания императором. Эта глава содержит перечень прав абиссинского гражданина, заимствованных из стандартного перечня формально демократических личных прав, фигурировавших во всех буржуазных конституциях дофашистского периода, но с исключением прав политического характера, как свобода слова, собраний и печати. Статья 19 устанавливает, что все абиссинские граждане могут занимать офицерские посты в армии и государственные должности. Статья 22 дает абиссинским гражданам «в пределах, предусмотренных законом», права свободного передвижения. Конституция запрещает незаконные аресты, нарушение тайны переписки, конфискацию движимого или недвижимого имущества. Абиссинский гражданин может быть подвергнут обыску лишь в случаях, обусловленных законом. «Свобода» слова состоит лишь в праве подачи правительству петиций «в законных формах». Абиссинский гражданин может быть осужден лишь законным судом. Наряду с этими «правами» на абиссинских граждан возлагается

обязанность уплачивать «законные налоги», а на военнослужащих — обязательство абсолютного повиновения императору. Последняя статья этой «декларации прав абиссинского гражданина» устанавливает, что «постановления данной главы не препятствуют мерам, которые император может предпринимать в силу своей высшей власти в случаях войны или общественных бедствий, угрожающих интересам нации».

Глава IV — наиболее значительная по объему — посвящена парламенту. Она устанавливает двухпалатную систему. Парламент состоит из «палаты определения законов» и «законодательной палаты» (в официальном французском переводе конституции палаты названы сенат и палата депутатов). Палаты отличаются по способу своего комплектования, однако ни одна из них не является выборным или представительным учреждением даже в формальном смысле. Верхняя палата (сенат) состоит из членов, назначенных императором из среды заслуженных сановников империи, служивших долгое время в чине министров, судей или начальников армии. Члены палаты депутатов «временно, до тех пор когда народ сможет сам выбирать», избираются сановниками и местными начальниками. В своем выступлении по поводу провозглашения конституции: негус подчеркнул, что и члены палаты депутатов выбираются с утверждения императора (в конституции это не предусмотрено). Фактически члены обеих палат первого созыва были назначены императором.

Обе палаты формально составляют законодательное учреждение империи. «Никакой закон не может быть установлен без обсуждения его в палатах и утверждения императором». Но из этого текста не следует, что результаты обсуждения законопроекта являются обязательными для императора. Конституция настаивает лишь на факте *обсуждения*, т. е. выявления мнения палат по поводу данного закона. Поэтому законодательные учреждения по существу должны рассматриваться лишь как совещательные органы. Помимо предоставленного конституцией императору права издания указов, полуофициальный комментарий к конституции, составленный известным младоабиссинским деятелем

Текла Хавариатом, различает также между «основами законодательства» и «частными законами», относя лишь последние к компетенции парламента.

Палаты лишены права законодательной инициативы. Депутат, желающий внести какой-либо проект на обсуждение палаты, сообщает его императору через председателя палаты. Такой проект может быть поставлен на обсуждение лишь с согласия императора. Таким образом император может предотвратить обсуждение любого нежелательного для него проекта в палатах. Статья 36 устанавливает, что каждая палата может сделать императору представление по тому или иному вопросу. Если император не согласится с этим представлением, то такое представление может быть повторено лишь на следующей сессии.

Палаты заседают шесть месяцев в году, главный перерыв совпадает с периодом дождей. Император имеет право созвать парламент на чрезвычайную сессию. В случае роспуска императором палаты следующий состав палаты должен быть созван не позже чем через четыре месяца. Регламент работ парламента устанавливается императором.

В случае разногласий между палатами решающее слово принадлежит императору, который либо утверждает решение одной из палат, либо отсрочивает вопрос в целом.

Последняя статья этой главы устанавливает, что «без согласия императора палаты не могут, даже если они в этом чувствуют надобность, вызывать министров на свои заседания. Министры со своей стороны не могут присутствовать на заседаниях и принимать участие в обсуждениях вопросов, не получив согласия его величества».

Этот пункт доводит до логического конца независимость исполнительной власти от законодательной. Ни о какой ответственности правительства перед парламентом в таких условиях не может быть и речи. Этот пункт подчеркивает вместе с тем подчиненную и зависимую роль министров, играющих вспомогательную роль при императоре и не имеющих права самостоятельно выступать в палате.

Глава V уточняет это зависимое положение министров. Задача министров состоит в даче коллективных заключений по общегосударственным делам по требованию императора. Индивидуально каждый министр дает императору советы по делам его ведомства и является ответственным за эти советы. Однако законы и указы носят лишь подпись императора и не нуждаются в контрассигновании «ответственным» министром или премьером. Министр пера сообщает эти законы и указы соответствующим министрам за своей подписью. Эта роль передаточной инстанции не имеет ничего общего с понятием «главы кабинета» парламентарных стран. Глава о министрах -- единственная глава конституции, которая в общем правильно отражает действительный порядок управления в Абиссинии, при котором все дела, вплоть до относительно мелких, сосредоточены в руках негуса.

Глава VI — «Об отправлении правосудия» — обещает устройство нормальных и чрезвычайных судов согласно закону, который должен быть издан. Обычные в буржуазных конституциях указания на «независимость» суда здесь отсутствуют.

Наконец глава VII предусматривает введение ежегодного государственного бюджета, вырабатываемого министром финансов и утверждаемого императором после его обсуждения в палатах.

Если подойти к абиссинской конституции даже с мерилom формальной буржуазной демократии, то она должна быть отнесена к числу наиболее реакционных и консервативных конституций. Она представляет собой типичный плод младоабиссинской «постепенности» и «умеренности». Возвещая о введении конституции в 1930 г., Хайле Селасие подчеркнул, что «конституция не противоречит обычаям страны, хотя она приближается к принципам других цивилизованных народов. Она была разработана при содействии принцев, сановников и сотрудничестве наиболее просвещенных подданных». Даже вновь созданный парламент по возможности строится по образу уже существовавших учреждений: верхняя палата является дальнейшим развитием государственного совета, существовавшего со

времени переворота 1916 г. Предшественниками депутатов нижней палаты были представители областей при центральном правительстве, которые раньше выполняли информационные функции и осуществляли юрисдикцию над поселившимися в Центре жителями своих областей.

Наиболее «темным пятном» конституции является способ составления палаты депутатов, превращаемой в представительство служилой и феодальной верхушки. Правда, как мы видим, конституция указывает на «временный характер» этого порядка выборов. В своем выступлении по поводу объявления конституции Хайле Селасие отметил, что необходимо, чтобы современный абиссинец «приучился сотрудничать в работе всех звеньев государственного механизма». Комментатор конституции Текла Хавариат утверждает, что применение конституции пойдет в направлении демократизации: от совещательного режима, в котором вожди и сановники выступают в качестве «опекунов» недостаточно развитых народных масс, к форме более непосредственного участия менее образованных классов в управлении государственными делами. Однако в настоящем виде конституция лишь оформляет «опеку» феодалов над народными массами, давая первым в руки оружие, которое может быть при известных условиях использовано даже против куцых реформ младоабиссинцев. Недаром, негус так ревниво оберегает свою власть от им же созданных «парламентских» учреждений. Эти гарантии направлены, с одной стороны, против возможности использования парламентских учреждений для форсирования и радикализации реформ, а, с другой стороны, против возможных попыток срыва реформ через дворянский парламент.

3 ноября 1931 г. в присутствии дипломатического корпуса и знати состоялось торжественное открытие обеих палат. В своих посланиях палатам негус подчеркнул принцип единства государства, резко осудив всякий сепаратизм. Но одновременно было сделано все, чтобы успокоить феодальных вождей, усматривавших опасность для себя в создании новых учреждений, функции которых еще были им неясны. Негус обещал

феодалам сохранение их наследственных прав и почестей.

С ответом негусу от имени верхней палаты выступил ее председатель Вольде Садек. Он указал, что только единство государства может обеспечить прогресс и независимость Абиссинии. Вольде Садек выразил надежду на то, что народ сможет подавить всякую попытку к неповиновению. Речь свою он закончил заявлением, что Абиссиния путем просвещения и труда двинется быстро по пути прогресса, гармонически сочетая свои традиции с европейской цивилизацией.

От нижней палаты выступил один из депутатов, Баша Десален, заверивший негуса от имени палаты в поддержке его программы объединения государства, распространения просвещения, создания современного законодательства и сильного правительства, программы, создающей предпосылки к использованию Абиссинией своих естественных богатств. Церемония закончилась приведением депутатов к присяге.

Деятельность парламента сводится в основном к штампованию законопроектов, вносимых правительством. За первые два года своего существования парламент утвердил законопроекты о судоустройстве, о торговле оружием, об отмене дерго, закон о банках, некоторые законы о землеустройстве, закон, разрешающий муниципалитетам введение дополнительных налогов на землю и дома, и законопроект об абиссинской монете. Состав парламента отличается большой текучестью.

В торжественных случаях парламента созывается для выслушивания деклараций императора, отвечая на них выступлением председателей и отдельных депутатов, в которых изъясляется преданность реформам.

Практическое значение абиссинского парламента как законодательного органа весьма невелико. В силу своей структуры и состава парламента не может ни оказать существенного содействия реформам негуса, ни противопоставить им подлинную народную программу обновления Абиссинии. Но это не значит, что парламента на данной стадии развития лишен всякого политического значения. Парламент, собирая в своих сте-

нах представителей разных провинций, несомненно играет роль фактора, укрепляющего политическое единство государства. Он приобщает к реформаторской деятельности негуса некоторое, хотя бы и небольшое, количество людей с мест, которые по возвращении из Аддес-Абебы могут служить активными проводниками младоабиссинского движения на местах.

С этой точки зрения необходимо подойти и к оценке конституции в целом. В данный момент — это некоторая программа государственных реформ, которые при всей своей недостаточности и половинчатости, поверхностности и нереальности в современных условиях все же являются шагом вперед на пути от феодального варварства, господства феодального произвола и раздробленности. Уже один тот факт, что конституция не сочла необходимым хотя бы одним словом упомянуть о роли духовенства в аппарате и суде, говорит об известном прогрессивном значении ее, особенно при отсутствии на данном этапе развернутого массового антифеодального движения. Недаром объявление конституции было принято с нескрываемой злобой фашистскими кругами в Италии, избравшими ее мишенью для плоских острот, играющими на контрасте между ее европейскими конституционными формами и африканской действительностью¹. На фоне этой африканской действительности абиссинская конституция, навеянная буржуазно-европейскими влияниями — прогрессивный документ, чего нельзя сказать про фашистскую «хартию труда», про «конституционные» акты фашизма, низведшие страну Мадзини и Гарибальди до уровня африканской деспотии.

¹ Так, влиятельнейший фашистский ежемесячник «Gerarchia», руководителем которого является Муссолини, оценивает конституцию как маневр, предпринятый, с одной стороны, из династических соображений, а с другой стороны, для введения в заблуждение Лиги наций («Gerarchia», Ottobre 1931).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

ДЛЯ ТОГО чтобы вывести Абиссинию из трясины отсталости и застоя и двинуть ее по пути экономического развития, необходима антифеодалная и антирабовладельческая революция, которая освободила бы производительные силы страны, нужна смелая и решительная политика освобождения страны от экономической полуколониальной зависимости от империализма. Само собой понятно, что абиссинские феодалы, даже наиболее «прогрессивно» настроенные, не могут стать носителями такой подлинно революционной политики. Такая политика заменяется частными мероприятиями, которые либо не затрагивают самой сути экономической проблемы Абиссинии, либо, как политика концессий, усугубляют зависимость Абиссинии и ее полуколониальное положение.

Из мероприятий правительства Хайле Селасие в экономической области необходимо прежде всего упомянуть *дорожное* строительство, имеющее помимо своего экономического также и непосредственно политическое значение, облегчая контроль центра над окраинами. Однако ни по количеству, ни по качеству это строительство не является хотя бы в какой-либо мере удовлетворительным. Главными выстроенными дорогами, годными для колесного движения, являются: Аддис-Абеба — Джимма, Аддис-Абеба — Аддис-Алем, Дире-Дауа — Харар. Последняя дорога, соединяющая Харар с железной дорогой, повидимому является наилучшей. Одновременно со строительством дорог рас-

тет и число автомобилей (в 1934 г.— около 600 автомобилей на всю страну).

Строительство дорог тормозится не только отсутствием средств, но и постоянной угрозой империалистического вторжения. Абиссинские правители опасаются постройкой дорог облегчить империализму проникновение в Абиссинию. Этим объясняется решение, принятое парламентом, об ограничении дорожного строительства радиальными дорогами, связывающими столицу с провинциальными центрами; это постановление было направлено против строительства дорог, связывающих Абиссинию с окружающими ее европейскими колониями, особенно с итальянскими. Из этих же соображений—независимо от соображений финансового свойства—абиссинское правительство задерживало строительство предусмотренной по соглашению с Италией от 1928 г. дороги Дессие--Ассаб, абиссинский отрезок которой должно было построить само абиссинское правительство. Такая дорога открывала бы итальянским завоевателям прямой путь в самый центр страны — район Дессие.

Наряду с дорожным строительством несколько расширена телеграфная и телефонная связь, установленная еще при Менелике. Протяжение телеграфных линий около 3 тыс. км. Телефонные линии, протяжение которых равно 7 792 км, связывают Аддис-Абебу с Хараром, Дире-Дауа, Джибути и рядом других важных пунктов. Впрочем телефонное обслуживание поставлено еще крайне неудовлетворительно.

В последнее время в Аддис-Абебе построена радиостанция.

Из мероприятий в финансовой области наиболее значительным является создание национального абиссинского банка путем выкупа правительством банковской концессии (фактической монополии), предоставленной Англии Менеликом еще в 1905 г., концессии, на основе которой действовал «Банк Абиссинии» как филиал египетского национального банка. Выкуп концессии, наложивший дополнительные тяготы на абиссинские массы, не дал ощутительных результатов. Операции банка ограничиваются финансированием не-

которых кофейных плантаций и торговых фирм. Филиалы банка открыты в Хараре, Дире-Дауа и других городах. В 1932 г. парламентом был принят закон о выпуске абиссинской национальной монеты вместо обращающихся «талеров Марии Терезии».

В области налоговой специальным мероприятием, направленным к поднятию хозяйства страны, являются декретированное в июле 1933 г. снятие недоимок и уменьшение налогов с сельского хозяйства и торговли. Некоторые предметы потребления, производимые в стране, были освобождены от акциза. Одновременно были освобождены от акциза импортные нитки и хлопчатобумажная пряжа. Общее упорядочение налоговой системы, замена натуральных налогов денежными и ограничение произвола и вымогательств со стороны чиновников и сборщиков налогов конечно дают известный экономический эффект, но их действие парализуется тем, что абсолютная цифра налогов остается весьма значительной, усугубляемой растущими потребностями правительства в связи с реформами и техническим перевооружением страны, в частности в военном отношении. Тот факт, что прямые налоги отчасти заменяются косвенными — акцизом, налогом на потребление, — конечно не только не облегчает, но еще ухудшает положение крестьянства. Такой же отрицательный эффект имеют и правительственные монополии (на табак, на импорт соли, на спички и спиртные напитки), имеющие своей задачей увеличение правительственных доходов и сдаваемые в ряде случаев иностранным компаниям (так, бельгийская спиртная монополия до 1921 г., — смешанная — наполовину французская, наполовину абиссинская — соляная монополия). Введение соляной монополии сразу сильно сократило потребление соли. Один из главных тормозов развития торговли — внутренние таможи — до сих пор не устранен, хотя еще в начале двадцатых годов были сделаны попытки сократить число таможен; эти попытки возобновлены и в последнее время в связи с реорганизацией управления Джиммы.

Для поощрения улучшения сельского хозяйства установлены премии для сельских хозяев — земледель-

Уличные портные в Аддис-Абебе

цев и животноводов. Министерством земледелия издана книга о научных основах сельского хозяйства (автор книги—Текла Хавариат). Сделаны попытки создания нескольких образцовых хозяйств (сам негус владеет образцовой молочной фермой). Все эти частичные меры рассчитаны на незначительную численно группу «передовых» помещиков. Основная масса землевладельцев предпочитает хищническую феодальную эксплуатацию дешевого рабского, крепостного или полукрепостного крестьянского труда дорогим «иноземным» машинам. Большинство кофейных и хлопковых плантаций (насчитываемых единицами или в лучшем случае немногими десятками) принадлежит иностранному капиталу.

Основным способом эксплуатации естественных ресурсов, а также насаждения зачатков промышленности и плантационного хозяйства остаются концессии и привилегии иностранного капитала. Наиболее значительной из горнопромышленных концессий является платиновая концессия, добывавшая в 1931—1933 гг. до

200 кг платины в год. В Тигре имеется итальянская концессия до добыче калийной соли. Всего разрабатывается около десяти небольших по объему иностранных концессий в области добывающей промышленности.

Если к этому добавить, что вся внешняя торговля и большая часть промышленности находятся в руках иностранцев, то картина экономической зависимости Абиссинии станет вполне ясной.

В последние годы, несмотря на кризис, приведший к сильному снижению в ценностном выражении абиссинской внешней торговли, наблюдается появление и рост некоторых промышленных предприятий, особенно в Аддис-Абебе. Развивается лесопильная и мукомольная промышленность. Появилось несколько дубильных заводов, маслобоек, мыловарен, завод искусственных минеральных вод, фабрика колониальных шлемов, ткацкая и канатная фабрики, несколько типографий. Удельный вес этих предприятий, большинство которых принадлежит европейцам, в общем хозяйстве страны с десятиmillionным населением остается ничтожным. Колониальная зависимость, ничтожная емкость внутреннего рынка вследствие ужасающей нищеты крестьянства, еще усугубившейся в годы мирового экономического кризиса, — эти связанные друг с другом важнейшие препятствия на пути хозяйственного и промышленного подъема Абиссинии, страны, располагающей несомненно значительными естественными ресурсами, могут быть устранены лишь в ходе антифеодальной и антиимпериалистической революции.

КУЛЬТУРНЫЕ РЕФОРМЫ

ЕЩЕ НЕДАВНО европейцы, путешествуя по Абиссинии, чувствовали себя в обстановке полной «экзотики». Но корреспонденту «Таймса», посетившему Джиджигу в августе 1935 г., прежде всего бросились в глаза школа, новая белая нефтяная цистерна, гараж, радиостанция, телефон. Правда, в данном случае речь идет о городе, находящемся в относительно развитом районе Харара. Но в большей или меньшей степени элементы европейской техники и культуры распространяются и в других районах страны, внося новые навыки, новые представления и понятия и, взятые в связи со всей суммой хозяйственных сдвигов политических движений и реформ, определяют собой зарождение элементов новой абиссинской культуры.

Абиссиния — страна старинной феодальной культуры, знавшей периоды расцвета и длительного упадка. В XIV—XVI вв. абиссинские историки дали ряд трудов, стоящих по характеру и стройности изложения на высоком литературном уровне. Производилась интенсивная переводная работа с греческого и арабского языков. Упадок абиссинской культуры был обусловлен не только общими причинами, вызвавшими упадок абиссинского феодального общества, но и некоторыми специфическими причинами и прежде всего тем, что литературным языком вплоть до самого последнего времени был древнеабиссинский язык геез, понятный лишь кучке церковников и лиц, окончивших духовную

школу, и, во-вторых, культурной монополией церкви, душившей всякие ростки светской культуры и светской мысли. В течение многих столетий абиссинская литература была лишь служанкой богословия и богослужения. Огромное большинство произведений старой абиссинской литературы — это произведения богословско-религиозного характера. Вплоть до самых последних лет в Абиссинии существовала лишь духовная школа, в которой наивысшим достижением считалось выучить наизусть псалтырь, научиться церковному пению, искусству сочинять по определенному закону духовные гимны и т. п.

Младоабиссинское движение вызвало к жизни светскую школу. Еще при Менелике в Аддис-Абебе была основана школа иностранных языков (лицей Менелика), имевшая своей задачей вырастить дипломатические и чиновничьи «кадры» для сношений с иностранными державами. Кроме того Менелик начал практиковать посылку детей высшей абиссинской знати в европейские школы. Под влиянием новых течений существовавшие в Абиссинии, миссионерские школы начали уделять большее внимание преподаванию элементарных светских знаний.

При Хайле Селасие школьное дело получило дальнейшее развитие, хотя общие итоги в абсолютных величинах очень малы. В настоящее время во всей стране имеется четыре школы, которые могут кое-как сойти за средние школы (в Аддис-Абебе — лицей Менелика и лицей Хайле Селасие, школа в Хараре и школа в Дире-Дауа), и около 12 начальных школ в разных провинциальных центрах и крупных городах. Если к этому прибавить несколько миссионерских школ, школу для детей освобожденных рабов, военную школу, то этим будет почти исчерпан список учебных заведений Абиссинии. Разумеется, эти школы охватывают лишь детей знати, чиновничества и купеческой верхушки. В еще большей мере это относится к составу молодежи, отправляемой в европейские школы.

Развитие абиссинской школы наталкивается на такие серьезные трудности, как отсутствие преподава-

тельских кадров, учебников на амхарском языке и квалифицированных авторов. Лишь по отдельным дисциплинам изданы учебные пособия: по истории Абиссинии, географии, арифметике, амхарской грамматике. В 1929 г. правительством была выделена особая комиссия для разработки учебных программ.

В 1932 г. возникает проект об основании университета в Аддис-Абебе, вначале на средства американских филантропов. Инициатором этого проекта был американец Уорк, советник абиссинского правительства по вопросам просвещения. Проект до сих пор не дал практических результатов.

Наиболее важным проявлением нового культурного движения в Абиссинии является рост современной светской литературы на амхарском языке. Вначале произведения новой литературы обращались в рукописном виде или печатались за границей, но после 1916 г. в Абиссинии появились собственные типографии, одна из которых лично принадлежит негусу» другая — нынешнему министру иностранных дел Херуи. Одновременно появились и первые периодические издания на амхарском языке: «Аэмро» («Знание») и полуофициальный орган «Брехан энна селам» («Свет и мир»), в котором ближайшее участие принимает негус. Типографии и пресса способствовали распространению новой литературы.

Целый ряд виднейших политических младоабиссинских деятелей подвизается на литературно-художественном, публицистическом и научно-филологическом поприще. Среди них заслуживают упоминания: доктор Мартин (Варкне), двухлетним ребенком увезенный англичанами (при Нэпире) в Англию, получивший высшее медицинское образование в Оксфорде, вернувшийся в Абиссинию в 1907 г. и ныне являющийся посланником в Лондоне. Мартин — автор публицистических статей, направленных против влияния церкви, рассматриваемой им как причина отсталости Абиссинии, и против рабства (которое он между прочим осуждает и с «расовой» точки зрения: домашнее рабство де приводит к смешению «чисто» семитской абиссинской расы с «шанкалла» — негритян-

скими рабами). Нагадрас — представитель купеческой верхушки — Яссу Афеварк, бывший к моменту войны абиссинским посланником в Риме, — автор исторического романа «Клеопатра и Марк Антоний», амхарской грамматики, истории Менелика и других работ. Виднейший писатель современной Абиссинии Вольде Селасие Херуи, ныне министр иностранных дел, — автор ряда романов из современной абиссинской жизни, дидактических поэм, философских размышлений, жизнеописаний знаменитых людей, описания путешествия в Японию, очень ценной библиографии абиссинской литературы и т. д. Текла Хавариат, получивший военное образование в царской России, бывший министром финансов, губернатором провинции Черчер, председателем муниципалитета в Аддис-Абебе, а в последнее время послом в Париже и председателем абиссинской делегации на ассамблее Лиги наций в сентябре 1935 г., — автор комментариев к конституции и книги о научных основах сельского хозяйства. «Кантиба» (префект) Тая — автор абиссинской истории. Габру — автор первой научной грамматики на амхарском языке.

Вначале в новой абиссинской литературе господствовали старые формы. В форме церковных гимнов (кене) с их сложной и запутанной системой образов и игры слов воспевались и воспеваются реформы Хайле Селасие, свержение лиджа Яссу, посрамление феодалов типа Хайлю и т. п. Но постепенно приобретают права гражданства и новые жанры: роман, повесть, фельетон, драма. В любительских драматических кружках Аддис-Абебы, возникших в старших классах средних учебных заведений, рождается абиссинский театр.

Основная тема новой абиссинской литературы, варьируемая на разные лады во всех литературных жанрах, — это проповедь приобщения к европейской культуре, борьбы с отжившими вредными традициями прошлого. Журнал «Свет и мир» иногда не стесняется ставить этот вопрос со всей резкостью. «С тех пор как мы узнали, — писал в 1927 г. на страницах этого журнала нагадрас Дафта Метеке, — что ради сохранения независимости нашей родины необходимо свер-

гнуть с престола госпожу Традицию, ей следовало бы, не унижая себя, молча удалиться из нашей страны. Ныне она с плачем и стенанием двинулась в путь: оставьте ее в покое, не маните назад... Время традиции должно быть сброшено. Читатели «Света и мира» разбили его, сломали его, скинули его. Какой дурачок будет еще хвататься за эти обломки?»¹.

Текла Хавариат в поэтической предисловии к своей весьма прозаической книге об основах сельского хозяйства плачет о «бедном пленнике, лишенном науки — этого света жизни, — закованном в цепи традиции, тащущемся окольными путями к пропасти».

Художественная литература, отличаясь большим реализмом, проникнута дидактическим духом: она бичует темные стороны абиссинского быта — невежество, ранние браки, неустойчивость браков, веру в знахарей, суеверия, распущенность духовенства и т. д.²

¹ Этот и другие отрывки в настоящей главе приводятся нами согласно итальянскому переводу амхарского текста.

² Вот содержание романа Херуи «Новый мир». Герой романа, «парижанин» Авако, молодой абиссинец, пробывший восемь лет в Париже, вернулся в родную деревню. Начинается упорная борьба с окружающими тьмой и невежеством. «Парижанин», одетый в европейское платье, подвергается насмешкам. Вначале его принимают за сумасшедшего. Его связывают и ведут к местному священному источнику для очищения, затем около месяца держат связанным дома. Но молодой человек не унывает, он пользуется всяким случаем для распространения своих идей: он разоблачает знахарей, от которых умирает его отец, развратных священников, проповедует новый взгляд на брак.

Родители Авако подыскали ему невесту и, по абиссинскому обычаю, обручили сына без его ведома. Авако отвергает невесту: спутницу жизни он должен избрать сам. Родители потрясены: стоит ли раздумывать и выбирать, когда в любой момент можно развестись и жениться на другой?

Молодой человек проповедует необходимость прочного, устойчивого брака. Удивление переходит в негодование. Больше всего шокирован и возмущен отец невесты. Как? Чтобы его дочь, красивая девушка из хорошей семьи, не имела возможности по своему желанию «перезнакомиться» с достаточным количеством мужей разных оттенков кожи? Это — дерзость, это переходит всякие границы!

Авако отправился в столицу и там нашел себе девушку по вкусу. Он женится на ней и возвращается в свою деревню.

На этой литературе лежит общая печать «оппортунизма» и «умеренности» младоабиссинского движения. Она проходит мимо главных язв абиссинской действительности: феодализма, крепостничества, рабства. Сугубо осторожно подходит она к церкви—этому оплоту феодальной реакции и невежества в Абиссинии. В церковном вопросе младоабиссинцы проповедуют лишь робкие реформы во внешней организации церкви, создание национальной церкви, независимой от коптского патриарха в Египте, «улучшение» духовного образования и «нравов» духовенства. Не щадя стрел по адресу «госпожи Традиции», младоабиссинцы в церковном вопросе стоят на почве традиционализма.

Сам негус в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что новая культура должна строиться «не на песке», а на «твердом фундаменте» старой, феодально-церковной культуры. Проводя линию «освоения» культурного «наследства», издательство негуса предпринимает переиздание большого количества произведений религиозной литературы на языке геез с переводом и комментарием на амхарском языке, с тем чтобы сделать доступной эту «духовную пищу» более широким читательским кругам.

Появление новой литературы, составление учебников по неизвестным до сих пор дисциплинам, основание новых учреждений, издание новых законов, вво-

Родные не желают упустить случая поесть и повеселиться вдоволь и наперекор молодым устраивают традиционную абиссинскую свадьбу с вином и медом, с молодежью, поюшей скабрзные свадебные песни, с пьяными попами, воспевающими в подражание «Песни песней» с подчеркнутым цинизмом прелести невесты. Авако, прогнав пьяную ватагу, для развлечения гостей заводит привезенный из Парижа патефон. Пластинка содержит гимн добродетельной брачной жизни. Это сочетание иноземной выдумки с моральной проповедью окончательно выводит из себя гостей. Они уходят, по дороге делясь воспоминаниями о том, сколько у каждого и каждой из них было жен и мужей: следуют любовные истории, изобилующие игривыми подробностями.

В конце концов «свет» побеждает «тьму»: родственники Авако признают его правоту и обещают «перестроиться».

дящих новые нормы, — все это приводит к глубоким изменениям в языке, созданию новой терминологии, внедрению иностранных общеевропейских слов, приспособлению грамматической структуры языка к этим новым понятиям. В этом же направлении действует и факт усиления связей центра с местами, вследствие чего шоанский диалект, на котором говорят в Аддис-Абебе, все в большей мере накладывает свой отпечаток на литературный язык. Появляется новая терминология — политическая, сельскохозяйственная, научно-техническая. Крупнейший итальянский абиссиновед Энрико Черулли пишет: «Новая амхарская литература и распространение журналов, написанных на амхарском языке, имели важнейшие лингвистические последствия. Влияние говора, употребляемого в Шоа, необходимость выражения новыми словами новых идей и новых открытий западных наук, официальное употребление некоторых фраз и слов, долженствующих точно выразить некоторые особые понятия и учреждения, свойственные новой модернизирующейся администрации, — все это вызывает быстрый рост амхарского языка; этот процесс зашел настолько далеко, что уже сейчас никакой ученый, не знакомый с новым литературным и лингвистическим движением, не сможет прочесть и перевести аддис-абесбийский журнал с помощью существующих словарей и не сможет объяснить их грамматические особенности с помощью наличных учебников».

Выработка нового, современного литературного языка, реформа письменности (например замена арабскими цифрами греческих букв, употреблявшихся ранее для обозначения чисел) свидетельствуют об известном размахе нового литературного движения. Революция в языке — это бесспорное свидетельство крупных идеологических сдвигов, в свою очередь характеризующих общие социальные изменения в стране.

Однако и в этой области, как и во всех прочих, движение остается верхушечным, охватывающим лишь небольшую прослойку населения и лишь слегка задевающим более широкие слои населения. Революция в

языке — это революция в языке незначительного слоя помещиков, чиновничества и купеческой верхушки, приобщившихся к новым идеям. В массу эта новая литература, так же как и новая школа, почти не проникает.

В политическом отношении младоабиссинская литература отражает общие установки движения, популяризуя и обосновывая проводимые реформы. Программа этой литературы заключается в распространении европейских знаний, усвоении техники, использовании естественных ресурсов и развитии хозяйства, преодолении феодальных распрей, достижении национального единства и охране национальной независимости. Последний, патриотический, мотив является наиболее сильным.

Всю новейшую литературу молодой Абиссинии пронизывает сознание смертельной опасности, угрожающей извне последнему независимому государству на африканском материке.

Приведем несколько выдержек из стихотворения, напечатанного в 1926 г., но отражающего настроение, которые именно сейчас являются особенно актуальными:

Эфиопия, наша родина, — точно рай.
Дабы враг, внезапно напав, не задушил ее,
Будем учиться, будем настойчивы, окажем ей помощь.
Как? Из-за неумения в согласим насладиться ее благами,
Из-за отсутствия любви отдадим ее чужому?
Кто бесполезен своему отечеству, где он родился,
Тот проклят на этой земле.
Обладая знанием, другие умеют многое:
Они могут в день пробежать месячный путь.
Но мы все родились от одного Адама,
Неужели же мы отстанем из-за отсутствия единства?
Будем изучать науки, не возгордясь перед другими,
Дабы нас не коснулась горькая рука чужого...
Разве мы не едим плоды трудов наших рук?
Зачем же нам стоять, дрожа, заискивая у чужих?
В нашей стране много железа и меди,
Серебра и олова много в нашей стране.
Своими руками можем черпать пригоршни золота, как песок.
Наша почва может произвести наилучший хлопок.
Давайте жить дружно!
Как? Неужели наше богатство должно итти в чужие страны?
Будем много учиться, усиленно учиться,

Дабы не пришли чужие господствовать над нами.
Если будем мыслить и внимательно изучать,
Научимся делать то, что делают другие;
Если же не будем учиться, горе нашей родине, мы ее
потеряем!

Родина моя, Эфиопия, в которой я родился,
Сколь многочисленны твои враги!
Но мы не выдадим тебя: мы защитим тебя!
Мы знаем: враг не оставит нам и крошки хлеба.
Мы окружены, как логовище львов,
Но мы, твои сыны, дружно поднимем щиты!..

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АБИССИНИИ И ИМПЕРИАЛИЗМ

В ОБСТАНОВКЕ империалистического окружения, с одной стороны, и боязни активизации массового антиимпериалистического революционного движения, раскрывающего перед массами перспективу социального раскрепощения, — с другой, младоабиссинцам остается лишь один выход — игра на империалистических противоречиях, этот основной метод абиссинской внешней политики со времени Менелика. Разумеется, сам по себе метод использования противоречий между враждебными странами — это не только законный, но и вполне разумный и необходимый способ самозащиты. Но беда в том, что полуколониальная Абиссиния не может играть самостоятельной роли в концерте держав; ее игра на империалистических противоречиях возможна лишь путем превращения в подголосок какой-либо одной из групп империалистических стран.

В условиях абиссинской отсталости вопрос о внешнеполитической ориентации — это не вопрос о союзнике или попутчике, а вопрос о *хозяине*, о высоком покровителе, который дорого возьмет за свое покровительство.

Благодаря наличию империалистических противоречий и использованию этих противоречий Абиссинии удалось сохранить формально политическую независимость в условиях империалистического окружения. Но это не могло уберечь ее от фактического подчинения империализму, усугубления полуколониальной

зависимости и экономического закрепощения иностранным монополистическим капиталом.

Наглядной иллюстрацией этого положения является попытка негуса накануне итало-абиссинской войны заинтересовать США в судьбе Абиссинии путем предоставления американскому капиталу нефтяной концессии, охватывающей значительную часть абиссинской территории. Такой же характер имело форсирование отношений с Японией (договоры 1927 и 1930 гг.), отправка в Японию абиссинской делегации в 1933 г., попытка противопоставления Японии Италии, действительно вызвавшая резкие антияпонские настроения в последней, но в то же время приведшая к завоеванию абиссинского рынка японским дешевым текстилем, препятствующему росту национальной абиссинской текстильной промышленности.

В 1935 г., в условиях нависшей военной угрозы, негус делает все возможное, для того чтобы усилить заинтересованность Англии в борьбе против итальянской агрессии. Это приводит к назначению английских военно-колониальных чиновников в качестве советников при губернаторах пограничных с английскими колониями провинций, к огромному росту влияния английского посланника в Аддис-Абебе, добившегося даже разрешения ввода англо-индийских войск для охраны английского посольства, к предложению негуса (в мае 1935 г.) перейти к осуществлению плана постройки плотины на озере Тана.

Концессии и приглашения иностранных советников, систематически практикуемые абиссинским правительством, являются конечно частью внешней политики. Само по себе приглашение иностранных специалистов и привлечение иностранной материально-технической помощи в деле хозяйственного развития страны, улучшения связи, строительства дорог и даже в вопросах финансовых, военных и наконец чисто административных являются не только законными, но и неизбежными при крайней бедности Абиссинии как кадрами, так и материальными средствами. Но в условиях империалистического окружения эта «помощь» становится источником новых опасностей, открывая новые каналы

для проникновения политического влияния и давления со стороны империалистических стран. Недаром итальянский фашизм в своем меморандуме в Лигу наций одним из главных пунктов «обвинения» выдвигает нежелание Абиссинии пользоваться «помощью» итальянских «советников» и «инструкторов». Италия была особенно «обижена» тем, что аддис-абебская радиостанция, построенная итальянской компанией, была передана французу и шведу. Случай с итальянскими телеграфистами в городах Абиссинии, приведшими перед отъездом — в связи с войной — в негодность аппараты и тем самым расстроившими временно телеграфную связь с столицей, показывает, что Италия действительно имеет все основания жалеть о том, что многие другие функции были поручены не ей, а ее конкурентам.

В выборе советников негус отдает предпочтение гражданам небольших и неопасных европейских стран, вроде Швеции, Бельгии, Швейцарии, а также в силу «традиционной дружбы» французам. Разумеется, Швеция или Бельгия не являются возможными агрессорами в отношении Абиссинии. Однако, во-первых, небольшие страны могут играть роль орудия стоящих за их спиной крупных держав; во-вторых, такие страны с развитым монополистическим капиталом, как Бельгия или Швеция, могут не хуже крупных хищников присосаться к хозяйственным богатствам страны, извлекая из-них колониальные сверхприбыли.

В 1935 г. иностранные советники распределялись примерно следующим образом: в делах внутреннего управления — англичанин; по финансовым вопросам — американец; по внешней политике — француз, позже замененный швейцарцем и американцем; по юридическим и судебным делам — швейцарец; по военным делам — швед и бельгийская военная миссия для инструкторов и обучения; по общественным работам — француз; по авиации — немец и француз; по почтовому делу — француз; по электрификации — итальянец.

Из иностранных концессий наиболее значительной является французская железная дорога Джибути —

Аддис-Абеба, главная артерия внешней торговли Абиссинии. Следующие две крупные концессии — нефтяная концессия Риккета и концессия на постройку плотины у озера Тана, которую одно время предполагалось дать американскому капиталу, но которая перед настоящей войной была фактически закреплена за Англией. Эти две концессии до настоящего времени еще не реализованы. Большинство концессий в Абиссинии — среднего и мелкого масштаба, многие из них принадлежат не компаниям, а отдельным капиталистам. Монополистический капитал с большой осторожностью и оглядкой идет в страну, ресурсы которой еще не изучены и политическое положение которой — внутреннее и особенно внешнее — еще не совсем определилось.

Было бы явным преувеличением сказать, что негус «распродает» хозяйственные ресурсы страны направо и налево. Такая политика противоречила бы насущным интересам того правящего класса Абиссинии, представителем которого он является. Концессии выдаются с некоторым разбором, причем делаются попытки оградить, хотя бы в минимальной степени, интересы страны. Иностранцам в Абиссинии запрещено приобретать землю, и лишь в 1929 г. было разрешено арендование земли иностранцами не больше чем на 30 лет. Концессионеры жалуются на постоянные рогатки, которые им ставят как местные, так и центральные власти в осуществлении концессионных «прав». В общем заметна тенденция правительства держать концессионную политику в известных рамках, что вызывает нарекания на «ксенофобию» (неприятное отношение к иностранцам), нарекания, по поводу которых буржуазный французский абиссиновед Гриоль замечает: «Если посмотреть на большинство европейцев, живущих или приезжающих в Абиссинию, то ксенофобия покажется нам проявлением элементарного инстинкта самосохранения». Иностраный капитал, использующий в качестве своих агентов также местную «инородческую» буржуазию — греческую, армянскую, арабскую, индусскую, — все более укрепляется в Абиссинии.

Привилегии иностранного капитала закрепились и в абиссинских «капитуляциях» — праве консульской

юрисдикции. Согласно договору с Францией 1908 г., распространенному в этой своей части и на все прочие державы, судебные дела между иностранцами изъяты из ведения абиссинских судов и отнесены к компетенции соответствующих консулов. Дела между европейцем и абиссинцем разбираются смешанным судом под председательством абиссинца, но с участием соответствующего консула. В случае разногласия между абиссинским судьей и консулом дело восходит до негуса.

Главным внешнеполитическим козырем Абиссинии в течение первых восьми-десяти послевоенных лет была «дружба» с Францией. Франция, наиболее крупный концессионер Абиссинии (железная дорога Джибути — Аддис-Абеба), могла лишь пострадать от захвата части Абиссинии Италией и Англией. Сама же послевоенная Франция, пресыщенная плодами победы, не стремилась к дальнейшим территориальным захватам. Отсюда — заинтересованность Франции в сохранении формальной «независимости» Абиссинии и ее целостности от притязаний других империалистических стран. Под эгидой и при поддержке Франции Абиссиния в этот период совершила два внешнеполитических акта крупного международного значения: вступление в Лигу наций в 1923 г. и опротестование англо-итальянского соглашения 1926 г.

Вступление Абиссинии в Лигу наций было дипломатическим шагом, укрепившим международное положение Абиссинии. Из государств, оказавших вначале сопротивление принятию Абиссинии в Лигу наций, Англия дольше всего настаивала на своей отрицательной позиции. Италия, попытавшись добиться отсрочки принятия Абиссинии, в последний момент стала на точку зрения поддержки французского предложения с некоторыми поправками. Поскольку вопрос о военном походе в Абиссинию в тот период был неактуальным, Италия рассчитывала нажить политический капитал путем приобретения «дружбы» с Абиссинией и добиться тем самым изменения внешнеполитической ориентации Абиссинии в сторону «сотрудничества» с Италией,

Эти надежды однако не оправдались. Поездка регента Тафари в Европу в 1924 г. вновь подтвердила

продолжение франкофильской внешнеполитической линии Абиссинии. В своей речи в Париже Тафари подчеркнул «преобладающую роль Франции в этом незабываемом обстоятельстве» (т. е. вступлении Абиссинии в Лигу наций) как знак «вечности дружбы и развернутого сотрудничества». Опираясь на Францию, Абиссиния оказывала сопротивление попыткам Англии и Италии расширить и углубить свое политическое и экономическое влияние в Абиссинии. Это вызвало новый сговор Англии и Италии в виде секретного соглашения о разделе сфер влияния, в котором Англия, выговорив свои интересы в районе озера Тана, пошла на значительные уступки Италии, в частности согласившись на постройку итальянской трансабиссинской железной дороги от Эритреи до Сомали с прохождением к западу от Аддис-Абебы. Это соглашение 1926 г., став предметом гласности, вызвало резкий протест со стороны Абиссинии. В своей ноте протеста, обращенной к Лиге наций, Тафари писал: «Когда мы были допущены в Лигу наций, то нам было сказано, что все нации в Лиге находятся в равноправном положении и что их независимость будет всеми уважаться, так как цель Лиги — установить и охранять мир между людьми... Нам не было сказано, что некоторые члены Лиги наций будут иметь право заключать секретные соглашения, для того чтобы навязать свою точку зрения другому члену, даже если бы тот рассматривал эту точку зрения как несовместимую со своими национальными интересами». Жалуясь на незаконные средства давления на Абиссинию, обусловленные в соглашении, Тафари указывал, что установление экономических сфер влияния несовместимо с независимостью, поскольку «экономическое влияние и политическое влияние весьма тесно связаны между собой».

Поддержка, оказанная Францией, опиравшейся на своих многочисленных союзников в Европе, абиссинской позиции, вызвала формальное отступление Англии и Италии. Обе державы «разъяснили», что абиссинская нота основана на «недоразумении», поскольку, как гласила итальянская нота, речь шла лишь о «соглашении процедурного свойства между итальянским и бри-

танским правительствами в целях координации некоторых интересов экономического порядка, практическое осуществление которых, как это совершенно очевидно, подчинено решениям абиссинского правительства и признанию со стороны последнего, что эти интересы гармонируют с интересами Абиссинии и благоприятствуют ее экономическому и гражданскому прогрессу». Итальянская нота подчеркивала «абсурдность» опасений насчет какого-либо давления со стороны Италии на Абиссинию.

Доказательством итальянской «дружбы», окончательного разрыва Италии с политикой 1896 г. должен был служить итало-абиссинский договор о дружбе, заключенный 2 августа 1928 г. в Аддис-Абебе. Пункт I договора устанавливает, что «между Италией и Абиссинией будут существовать постоянный мир и вечная дружба». Обе державы обязались не совершать ни под каким предлогом никакого действия, которое могло бы повредить или нарушить независимость другого. Статья 5 договора обязала оба правительства «подвергнуть согласительной процедуре или арбитражу все вопросы, которые возникнут между ними и которые не могли бы быть разрешены нормальным дипломатическим путем, не прибегая к силе оружия». Договор был ратифицирован, зарегистрирован в Лиге наций. Договор заключен на 20 лет, т. е. до 1948 г. К договору было приложено дорожное соглашение, предусматривавшее строительство автомобильной дороги Ассаб—Дессие и предоставление абиссинскому правительству на 130 лет свободной зоны в ассабском порту, который должен был таким образом стать выходом для продукции северо-восточных и центральных частей Абиссинии, нанося тем самым удар монопольному положению Джибути. Этот договор является следовательно первым признаком охлаждения между Абиссинией и Францией.

Чем объясняется подписание фашистской Италией этого договора? Была ли Абиссиния в 1928 г. менее варварской, менее рабовладельческой, более организованной в политическом отношении, чем в 1935 г.? Под прикрытием «дружбы» итальянский империализм надеялся укрепить свои экономические позиции в стране,

расширить в лей свою политическую агентуру, побить или ослабить своего французского конкурента и исподволь подготовить плацдарм для дальнейших операций. Изменение тактики Италии, последовавшее в 1934—1935 гг., объясняется не только резким изменением международного положения и внутреннего положения в самой Италии, но и тем, что договор 1928 г. не оправдал надежд Италии на «мирное» завоевание Абиссинии.

Договор 1928 г. формально не расторгнут по сей день, хотя итальянский представитель и заявил на Совете Лиги наций, что «итальянское правительство не может больше рассчитывать на пункты этого договора».

Политика Абиссинии в этот период руководствуется поисками новой внешнеполитической ориентации, которая должна была возместить ослабление роли Франции как внеевропейского политического фактора. Договор с Италией со стороны Абиссинии преследовал задачу нейтрализации Италии. Но Италия всегда являлась слишком агрессивным соседом, чтобы можно было ей доверить заботу о независимости Абиссинии и о ее международном положении. Наиболее важными политическими актами в период 1927—1930 гг. являются помимо указанных выше заключение договоров с Японией и заключение в 1929 г. договора о дружбе и арбитраже с США. В США и Японию были отправлены специальные миссии. В 1930 г. начались усиленные переговоры об американской концессии на озере Тана. Одновременно началось усиленное японское экономическое проникновение в Абиссинию.

В 1933 г. намечается некоторый поворот в англо-абиссинских взаимоотношениях, сопровождающийся кристаллизацией новой, проанглийской внешнеполитической ориентации Абиссинии. Признаками, свидетельствовавшими о новой ориентации, были абиссинско-египетско-суданская конференция 1933 г. по вопросу об озере Тана и создание смешанной комиссии по размежеванию границ и пастбищ между абиссинским Огаденом и английским Сомали, комиссии, приезд которой послужил непосредственной причиной инцидента в Уал-Уале.

Основная причина новой ориентации Абиссинии заключается в том факте, что к этому времени на абиссинском участке остались лишь два активных мощных политических фактора: Англия и Италия. Франция устранилась от борьбы вследствие роста непосредственной военной угрозы в Европе, заставившего ее усиленно искать соглашения с Италией. Франко-итальянское соглашение в январе 1935 г., уступка Францией Италии 20% акций железной дороги Аддис-Абеба — Джибути, поставило Абиссинию лицом к лицу с Италией и Англией. Через пять дней после подписания этого соглашения генерал де Боно был назначен верховным комиссаром Сомали и Эритреи, Муссолини занял пост министра колоний, и была объявлена мобилизация первых итальянских дивизий. В феврале началась отправка итальянских войск в Африку.

Возобновление итало-английского единого фронта создало бы в этих условиях для Абиссинии величайшую опасность. Но обострение англо-итальянских противоречий предотвратило эту угрозу. Возросшая военная мощь Италии, стремящейся к переделу колоний, сделала последнюю опасной для Англии соседкой в районах жизненных интересов английского империализма: Красное море, Судан, имперский трансафриканский путь Каир — Кэптоун. При таких условиях превращение Абиссинии в итальянский плацдарм, продвижение Италии к озеру Тана, создание значительного продовольственного и пространственного гинтерланда для итальянского Сомали и Эритреи потеряли тот относительно неопасный для английского империализма характер, какой эти планы имели, в довоенное время и даже в 1926 г., когда политика Италии в общем вращалась в орбите английских интересов. Теперь Абиссиния стала барьером против дальнейшей экспансии Италии. Этот новый момент в международной политике был своевременно учтен и использован Абиссинией, апеллировавшей перед лицом начавшихся итальянских вооружений к Лиге наций.

Но, апеллировав к Лиге наций, Абиссиния использовала в интересах защиты своей независимости новые, еще более важные, моменты международной

политики: рост заинтересованности ряда капиталистических стран в сохранении мира на данном этапе, рост значения Лиги наций как орудия мира в связи с новой расстановкой сил на международной арене. Благодаря этому вопрос об Абиссинии превратился в составную часть вопроса о сохранении мира в мировом масштабе, в вопрос о пригодности Лиги наций как орудия обуздания агрессора, вопрос, имеющий огромное значение для всех стран, чувствующих себя под угрозой агрессии.

Позиция СССР в Лиге наций в связи с итало-абиссинской войной воочию показала всем колониальным народам и всем малым нациям, что только в лице пролетарского государства они имеют верного друга, единственную великую державу, которая последовательно и неуклонно стоит на точке зрения независимости и свободного развития всех наций и всех народов.

«Только Советский союз занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия. Эта политика Советского союза, принципиально отделяющая его от других членов Лиги наций, имеет исключительное международное значение и еще принесет свои большие плоды.

Советский союз продемонстрировал в Лиге наций свою верность этому принципу, принципу государственной независимости и национального равноправия всех государств на примере одной из малых стран — Абиссинии»¹.

¹ В. Молотов, доклад на II сессии ЦИК СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НИ ОДНА страна не подвергалась за последние десятилетия таким разноречивым оценкам, как Абиссиния. Одни буржуазные авторы видят в ней варварскую страну, населенную диким кровожадным народом, неспособным ни к какой культуре, надменным и враждебным ко всякому иноземцу. Другие восхваляют интеллигентность, восприимчивость, гостеприимство абиссинцев и прочие их добродетели. В этом споре большое место в последнее время занимает и личность негуса Хайле Селасие. Для одних — это величайший государственный муж, когда-либо порожденный Африкой, затмивший Ганнибала и Рамзеса II, великий реформатор, достойный потомок своего премудрого иерусалимского предка. Для других — это двуликий и хитрый семит, водящий за нос европейцев разговорами о прогрессе, а в действительности цепко держащийся за старину и за свою власть. Мы не собираемся входить в оценку «расовых» свойств абиссинцев или «доброй воли» и «искренности» негуса. Хайле Селасие относится к категории деятелей типа Амануллы в Афганистане, Реза шаха в Иране, деятелей, порожденных нашей эпохой в некоторых полукOLONИальных странах, объединяемых рядом общих черт: борьбой за независимость, за государственное единство, за национальную консолидацию, за некоторое буржуазное развитие под эгидой и гегемонией феодально-помещичьих элементов.

В свете этих задач более или менее отчетливо вырисовываются и результаты политики реформ в их подлинных размерах, скромных и ограниченных,

но никак не могущих быть скинутыми со счетов в качестве величин, которыми можно пренебречь.

В своей ноте Лиге наций в 1926 г. Хайле Селасие (тогда еще рас Тафари) писал: «История не подготовила нас к быстрому переходу к условиям, которые часто превосходят всю сумму нашего опыта. Природа не идет скачками, и ни одна страна не совершила метаморфозы в течение одной ночи... *если нам будет дано время...* то мы сможем обеспечить постепенные и непрерывные улучшения». Политика Хайле Селасие исходила из того, что та относительная «передышка», которую Абиссиния получила после Адуа, будет продолжаться еще достаточно долгое время, в течение которого Абиссинии удастся выбраться из феодальной трясины. Но «история» не согласилась предоставить этот срок, передышка пришла к концу в момент, когда основные проблемы развития Абиссинии еще далеки от своего разрешения. В обстановке постоянной угрозы империалистической агрессии это разрешение могло быть только революционным, решительным и последовательным.

Способы, применявшиеся Хайле Селасие, страдали отсутствием всех этих качеств.

Реформы Хайле Селасие были достаточны, для того чтобы вызвать недовольство значительной части реакционных феодалов и духовенства, но они были недостаточно радикальны, чтобы обезвредить недовольство этих элементов. Реформы по самому своему существу не могут пробудить в широчайших массах всю боевую непобедимую энергию народа, для которого борьба за национальную независимость совпадает с защитой революционных завоеваний. Освобождение рабов, аграрная революция, полное уничтожение национального неравенства—все это удесятерило бы силы сопротивления народа империалистическому нашествию, сделало бы его непреодолимым. Подлинная антиимпериалистическая политика, опирающаяся на активную поддержку широчайших масс, открыла бы путь к обеспечению политической и экономической независимости, освободила бы страну от колониальных пут, тормозящих ее хозяйственное развитие.

Итальянцы в течение первых месяцев военных действий пытались использовать в своих интересах неудовлетворенность масс реформами Хайле Селасие. С одной стороны, итальянцы «освобождают» рабов в оккупированных территориях, убивая сразу трех зайцев: добывая себе «свободную» рабочую силу для принудительных работ по военнодорожному строительству и для разработки золотых приисков, выставляя себя перед всем миром в роли новых Спартаков и пытаясь внести разложение в абиссинский тыл. Но, с другой стороны, итальянские «цивилизаторы» привлекают на свою сторону аксумское духовенство, реакционных феодалов Тигре и Годжама, работоторговцев Джиммы, феодально-племенных вождей и султанов — все реакционные элементы, недовольные теми ограничениями рабства и крепостничества, которые проводятся негусом.

Задача всех этим маневров в данный момент — сплотить вокруг себя все элементы, по той или иной причине недовольные политикой младоабиссинцев, для ускорения и облегчения победы над Абиссинией. В случае победы дальнейшее развитие итальянской политики в завоеванных областях вполне ясно — это традиционный путь европейских колонизаторов, путь ограбления и захвата земель туземцев, консервирования феодально-крепостнических отношений, усугубления крепостнической эксплуатации эксплуатацией капиталистической, приручения местных феодальных элементов и превращения их в прислужников империализма. Этот путь нигде и никогда не приводил к освобождению эксплуатируемых масс.

Конечно можно демагогически объявить рабов свободными, и итальянцы поторопились это сделать; но они отнюдь не собираются предоставить «освобожденным» рабам землю и инвентарь или заняться насаждением промышленности, в которой рабы могли бы найти работу. Нигде и никогда империализм в колониях не занимался аграрной революцией и нигде и никогда империализм не занимался индустриализацией колоний. Поэтому на следующий день после «освобождения» рабам в Адуа и Адиграте было

предложено: либо отправиться на работу по строительству дорог, либо... оставаться у своих хозяев.

И недаром уже в декабре итальянцы занялись разоружением «благодарного» населения, начавшего оказывать сопротивление непрерывным реквизициям скота и хлеба, производимым итальянской армией, то и дело теряющей связь со своей продовольственной базой в Эритрее.

Потуги фашизма, накладывающего свои руки на свободу и независимость полуколониального народа, изобразить из себя «освободителя» были бы смешны, если бы они не были так отвратительны, если бы они не находились в таком резком контрасте с итальянской политикой в колониях, примером которой может служить депортация десятков тысяч «непокорных» арабов Ливии в пустыню, где они, окруженные колючими проволочными заграждениями, погибали от голода, жажды и болезней.

Наряду с переходом некоторых феодалов Тигре и Годжама (Гукса, духовенство Аксума) и части племенных вождей данакильцев и Огадена на сторону итальянцев подавляющая часть феодалов, крупных и мелких, сплотилась вокруг центрального правительства для оказания сопротивления Италии. Война вызвала сближение между отдельными отрядами и группами феодалов. Многие из реакционеров, бывших в опале (Балча), получили прощение и влились в армию. Так как регулярная армия оказалась неготовой и недостаточной по численности, то правительство нуждается в феодальных дружинах, в ополчении племенных вождей. Поэтому пока трудно ожидать в военной обстановке осуществления законодательных актов, затрагивающих интересы феодалов, хотя не будет вероятно недостатка в обещаниях, исполнение которых будет откладываться до окончания войны, вроде упоминавшегося нами майского указа 1935 г. об отмене рабства и института габаров, указа, прославлявшегося как «важнейший из всех законодательных актов новой Абиссинии»¹. В ноябре 1935 г. в Горэ было освобождено 108 рабов и зако-

¹ «Аль-балаг» от 22/V 1935.

вано в цепи 35 рабовладельцев. Много рабов было освобождено в порядке мобилизации. С другой стороны, самые твердолобые реакционеры ныне убедились в превосходстве европейской техники, в необходимости усвоения европейских знаний и в обреченности «добрых, старых порядков».

Народные массы Абиссинии пока что видят в феодалах и в негусе своих вождей в борьбе с нашествием империалистических завоевателей. Эти массы, принадлежащие ко всем народностям и племенам Абиссинии, сражаются в рядах армии и в партизанских отрядах против империалистического нашествия.

Абиссиния ведет войну, (которая объективно является национальной войной против агрессии империалистов. Эта национальная война является прогрессивной войной, ибо она ослабляет силу империализма, противодействует порабощению народа, которое лишь усилит эксплуатацию трудящихся масс и затормозит социальное освобождение народов Абиссинии, их экономическое и культурное развитие.

«Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно *революционной* борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой *реакционной*, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма. Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является, по тем же причинам, борьбой объективно *революционной*, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря

на то, что они против социализма, между тем как борьба английского рабочего правительства за сохранение зависимого положения Египта является, по тем же причинам, борьбой *реакционной*, несмотря на пролетарское происхождение и на пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они «за» социализм. Я уже не говорю о национальном движении других, более крупных, колониальных и зависимых стран, вроде Индии и Китая, каждый шаг которых по пути к освобождению, если он даже нарушает требования формальной демократии, является ударом парового молота по империализму, т. е. шагом, несомненно, *революционным*.

Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетенных стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, то есть «не изолированно, а в мировом масштабе» (см. т. XIX, с. 275)¹.

В Абиссинии отсутствует пролетариат (если не считать небольшого количества железнодорожников и неквалифицированных рабочих на нескольких фабриках Аддис-Абебы), отсутствует революционно настроенная буржуазия, отсутствует еще массовое антифеодалное движение.

На настоящем этапе руководство национальной войной принадлежит феодалам. Длительность этого этапа зависит от целого ряда факторов внутреннего и внешнего порядка, ход развития которых сейчас определить еще невозможно. Одно можно считать несомненным: итало-абиссинская война, величайшая по своим масштабам война в абиссинской истории, столь богатой кровопролитными войнами и военными потрясениями, в небывалой степени ускорит пробуждение и рост сознательности широчайших масс, вовлечение этих масс в антиимпериалистический фронт борьбы. Она ускорит процесс дифференциации в самом младоабиссинском движении и поможет оформлению его демократических

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, изд. 10-е, стр. 46—47.

элементов. Она ускорит осознание массами на своем опыте того факта, что в эпоху империализма и общего кризиса капитализма для Абиссинии, как и для всех колониальных и полуколониальных стран, есть лишь один путь подлинного подъема, ликвидации феодального варварства и отсталости — это путь антиимпериалистической и антифеодальной революции, боевой союз с международным пролетариатом, борющимся за свержение империализма и несущим освобождение угнетенным народам всего мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр</i>
<i>От автора</i>	3
Общие сведения об Абиссинии.	5
<i>Глава I</i>	
Прошлое Абиссинии.	10
<i>Глава II</i>	
Абиссинский феодализм.	23
<i>Глава III</i>	
Абиссиния при Менелике.	45
<i>Глава IV</i>	
Политическая борьба в Абиссинии.	62
<i>Глава V</i>	
Реформы в Абиссинии.	75
<i>Глава VI</i>	
Административные реформы.	82
<i>Глава VII</i>	
Реформы в области права и суда.	92
<i>Глава VIII</i>	
Рабство и крепостничество.	99
<i>Глава IX</i>	
Национальный вопрос.	111
	155

Глава X

Конституционные реформы. 115

Глава XI

Экономические реформы. 124

Глава XII

Культурные реформы. 129

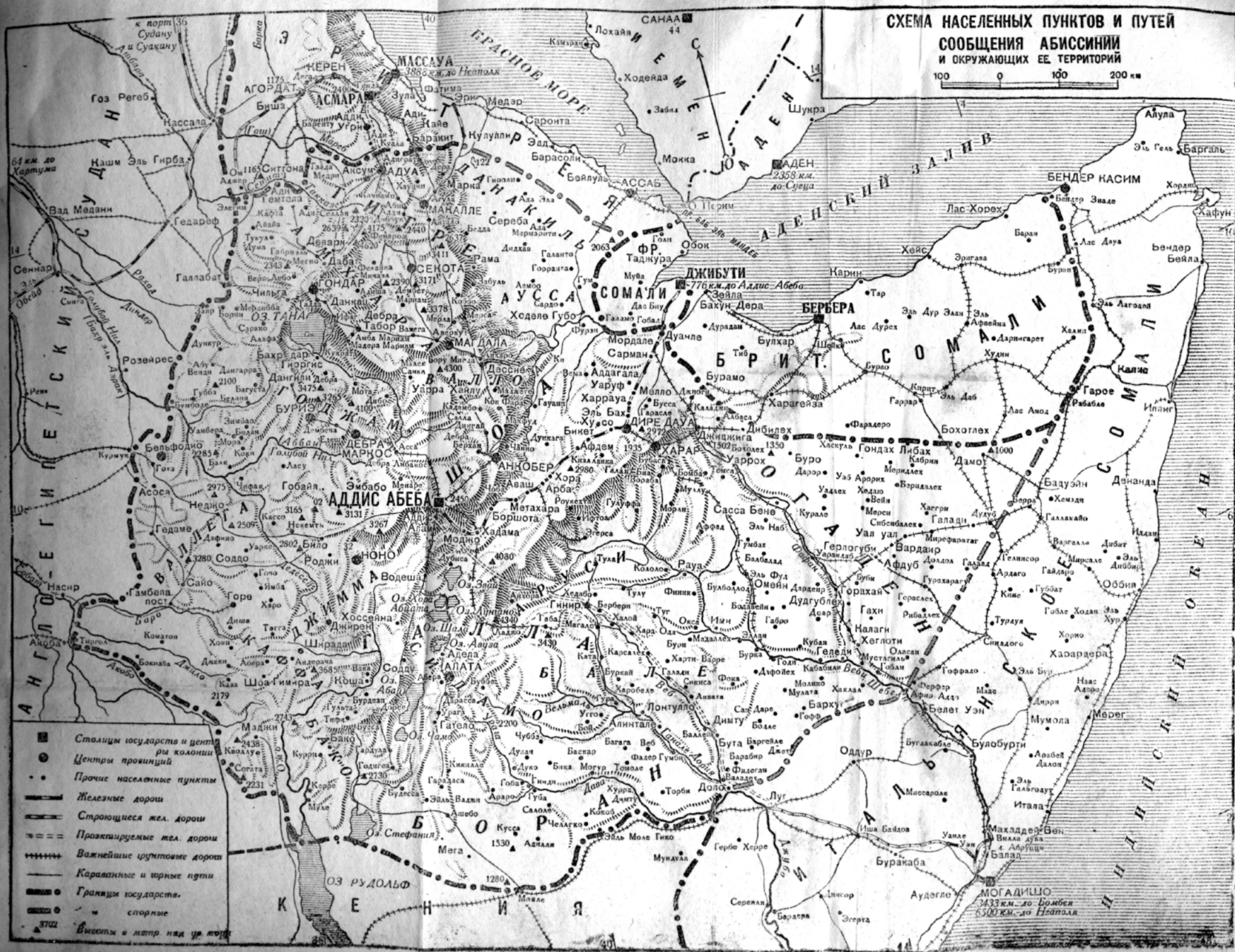
Глава XIII

Внешняя политика Абиссинии и империализм. 138

Заключение. 148

**СХЕМА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ПУТЕЙ
СООБЩЕНИЯ АБИССИНИИ
И ОКРУЖАЮЩИХ ЕЕ ТЕРРИТОРИЙ**

100 0 100 200 км

- Столицы государств и центры колоний
- Центры провинций
- Прочие населенные пункты
- Железные дороги
- Строющиеся жел. дороги
- Проектируемые жел. дороги
- ++++ Важнейшие шоссейные дороги
- Караванные и торные пути
- Границы государств
- Спорные
- ▲ Высоты в метр над уровнем моря

МОГАДИШО
3433 км. до Найроби
6300 км. до Непала

КОНТРОЛЕР № 3

ФЗУ ОГИЗа треста „Полиграфкнига“

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗА
Почтовые заказы направлять: Москва, Могиз, „Книга —
почтой“, а также в „Книга — почтой“ всех областных
(краевых) отделений Когиза
**СКЛАД ИЗДАНИЯ: Москва, Маросейка, 7, Сектор партий-
ной литературы Когиза.**